

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2024

Том 24

Выпуск 2



IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS



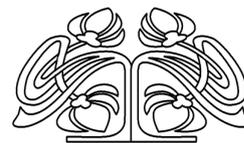
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962, «Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004



Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Седов П. В.** Новые данные о новгородце Иване Шушерине – авторе биографии патриарха Никона 144
- Белов К. В.** Дмитрий Алексеевич Милютин – один из основателей российской военной статистики 152
- Коновалов И. Н.** Власть и сельскохозяйственная кооперация России в начале XX века 159
- Титова О. А.** Пионерская литература 1920-х годов как воспитательная практика советской власти 166
- Воейков Е. В.** Стахановцы торфяной промышленности 1930-х годов: вариант ответа на модернизационный вызов эпохи 173
- Бичехвост А. Ф.** Взаимоотношения с союзниками по антигитлеровской коалиции в процессе репатриации советских граждан: трудности и противоречия (1944–1945) 181
- Ломакин А. В.** «Глазами друзей»: использование международной повестки в советском праздничном пропагандистском дискурсе (по материалам юбилейных торжеств 1957 г. в Ленинграде) 188

Всеобщая история и международные отношения

- Гулько А. А.** История освобождения Гамбурга весной 1814 года 193
- Чолахян В. А.** Торгово-экономические отношения между Арменией и Россией в постсоветский период 200
- Буденкова А. В.** Взаимодействие стран Британского содружества наций (Австралии, Канады, Новой Зеландии) по вопросу сохранения культурного наследия коренных народов 210
- Цыплин В. Г.** Концептуальные основы арктической стратегии администрации Д. Трампа 220
- Голуб Ю. Г., Шенин С. Ю.** Американский политический класс и международная повестка: общее и особенное в контексте выборов 2024 года 227

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Формирование исследовательской базы о саратовских воеводах 1590–1700-х годов 234
- Варфоломеев Ю. В.** Из истории борьбы политических заключенных за свои права: бунт в Царицынской тюрьме 247
- Гнидо С. В.** Оборона частями Красной Армии дельты реки Волги в сентябре – ноябре 1919 года 255
- Яковлева Ж. В., Петрович В. Г.** Церковь и государственная политика: проблемы взаимодействия (на примере Саратовского Поволжья 1917–1920-х годов) 264
- Фурман Е. Л.** Национальные кадры в государственных и партийных органах власти в Нижне-Волжском крае (1928–1932 годы): подготовка, переподготовка и учет 270

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77–76642 от 26 августа 2019 года
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7). Журнал входит в международную базу данных DOAJ

Журнал выходит 4 раза в год.
Подписной индекс издания 36018.
Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).
Цена свободная.
Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Батищева Татьяна Федоровна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.06.2024.
Подписано в свет 28.06.2024.
Формат 60 × 84 1/8.
Усл. печ. л. 16.3 (17.5).
Тираж 100 экз. Заказ 54-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024



ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Author ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Author ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи;

– оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorev>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: imo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

Sedov P. V. New data about Novgorod resident Ivan Shusherin the author of the biography of Patriarch Nikon 144

Belov K. V. Dmitrii Alekseevich Miliutin – One of the Founders of the Russian Military Statistics 152

Konovalov I. N. Government and agricultural cooperation in Russia at the beginning of the XX century 159

Titova O. A. Pioneer literature of the 1920s as an educational practice of the soviet Government 166

Voeikov E. V. The Stakhanovites of the peat industry of the 1930s: An answer to the modernization challenge of the era 173

Bichevost A. F. Relations with allies in the anti-Hitler coalition in the process of repatriation of Soviet citizens: Difficulties and contradictions (1944–1945) 181

Lomakin A. V. “Through the eyes of friends”: The use of the international agenda in the Soviet festive propaganda discourse (based on the materials of the 1957 anniversary celebrations in Leningrad) 188

World History and International Relations

Gunko A. A. The story of liberated Hamburg in the spring of 1814 193

Cholakhyan V. A. Trade and economic relations between Armenia and Russia in the post-Soviet period 200

Budenkova A. V. Collaboration of the countries of the British Commonwealth of Nations (Australia, Canada, New Zealand) on the issue of preserving the indigenous peoples' cultural heritage 210

Tsyplin V. G. Conceptual basis of the Arctic strategy of the Trump administration 220

Golub Yu. G., Shenin S. Y. The American political class and the international agenda: Common and special in the context of the 2024 elections 227

Regional History and Local Studies

Rabinovich Ya. N. Formation of a research base on the Saratov voivodes of 1590–1700 234

Varfolomeev Yu. V. From the history of the struggle of political prisoners for their rights: The riot in Tsaritsyn prison 247

Gnido S. V. Defense of the Volga River delta in September–November 1919 255

Yakovleva J. V., Petrovich V. G. Church and state policy: Problems of interaction (based on the example of the Saratov Volga region 1917–1920s) 264

Furman E. L. National personnel in state and party authorities in the Lower Volga region (1928–1932): Preparation, retraining and accounting 270



**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

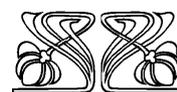
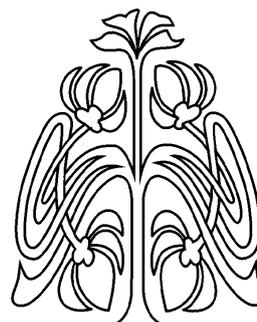
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

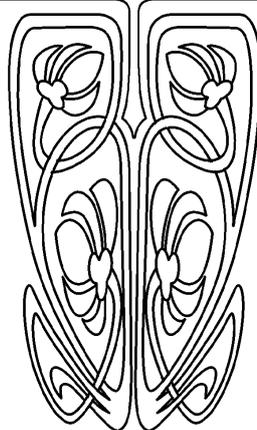
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)



**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**





ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 144–151

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 144–151

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-144-151>, EDN: UEFKLY

Научная статья

УДК 271.2(470+571)|16|+929[Шушерин+Никон]

Новые данные о новгородце Иване Шушерине – авторе биографии патриарха Никона

П. В. Седов

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7

Седов Павел Владимирович, доктор исторических наук, заведующий Отделом древней истории России, sedovpv@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1622-1008>, AuthorID: 687423

Аннотация. Статья посвящена биографии Ивана Шушерина – автора «Жития» патриарха Никона. На основе новых архивных данных установлены неизвестные ранее обстоятельства десятилетнего пребывания Ивана Шушерина в ссылке в Новгороде и обнаружены его собственноручные письма, написанные на редкость красивым почерком. Анализ текста «Жития» позволил автору уточнить датировку и замысел этого произведения – важнейшего источника по истории русской церкви второй половины XVII в.

Ключевые слова: Иван Корнильевич Шушерин, патриарх Никон, церковная реформа Никона, Великий Новгород, Валдайский Иверский монастырь

Для цитирования: Седов П. В. Новые данные о новгородце Иване Шушерине – авторе биографии патриарха Никона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 144–151. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-144-151>, EDN: UEFKLY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

New data about Novgorod resident Ivan Shusherin the author of the biography of Patriarch Nikon

P. V. Sedov

St. Petersburg Institute of History RAS, 7 Petrozavodskaya St., St. Petersburg 197110, Russia

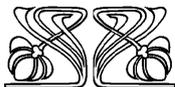
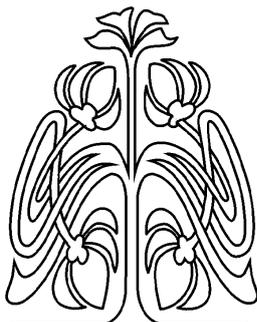
Pavel V. Sedov, sedovpv@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1622-1008>, AuthorID: 687423

Abstract. The article deals with the biography of Ivan Shusherin, the author of the “Life” of Patriarch Nikon. Based on new archival data, it was established the previously unknown circumstances of Ivan Shusherin’s ten-year stay in exile in Novgorod and his own letters, written in extremely beautiful handwriting are discovered. Analysis of the text of the “Life” allowed the author to clarify the dating of the “Life” and the intent of this work – the most important source on the history of the Russian church in the second half of the 17th century.

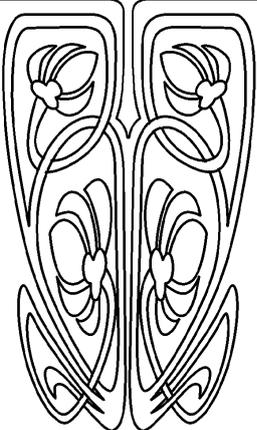
Keywords: Ivan Kornilyevich Shusherin, Patriarch Nikon, Nikon’s church reform, Veliky Novgorod, Valdai Iversky Monastery

For citation: Sedov P. V. New data about Novgorod resident Ivan Shusherin the author of the biography of Patriarch Nikon. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 144–151 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-144-151>, EDN: UEFKLY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





Иван Корнильев сын Шушерин-Рипатов был одним из наиболее доверенных людей в ближайшем окружении патриарха Никона. Его перу принадлежит редкий по информативности памятник «Известие о рождении и о воспитании, и о житии святейшаго Никона» [1]. Это сочинение более историческое, чем агиографическое и по богатству исторических сведений о патриархе Никоне стоит в первом ряду наиболее значимых источников.

Сведения о самом И. К. Шушерине немногочисленны. Известно, что по происхождению он был новгородцем, о чем упомянул в своем сочинении: «...Во изгнание послан в Великий Новгород, во свое отечество, бе бо рождение он имея той город». О себе И. К. Шушерин сообщил также, что был «знаем вельми» Никону, «понеже воспитан из детска возраста и возмужа при бедре ево» [1, с. 118]. Как верный и близкий к патриарху человек И. К. Шушерин имел личные связи со всеми тремя монастырями, основанными Никоном. В приходо-расходной книге Валдайского Иверского монастыря 1664/1665 г. находим запись за февраль 1665 г.: «Подьякону Ивану Шушеры дан рубль» [2, л. 90 об.]. В синодике Крестного монастыря записан «Род крестового диака Ивана Корнильева сына Шушерина [3, л. 35]. В Воскресенском монастыре Новый Иерусалим И. К. Шушерин похоронен с сыном Михаилом.

В начале декабря 1666 г., накануне церковного собора, осудившего Никона, Шушерин был арестован. Это событие врезалось ему в память и очень эмоционально описано в «Известии»: «...Меня же взяша два стрельца под обе пазухи и понесоша аки на воздухе, не успевах бо ногами и до земли доткнутися». Затем Ивана Корнильевича «представиша великому государю единому вверху». Алексей Михайлович пригрозил, что, если Шушерин не будет отвечать на его вопросы, то сидеть ему в заточении «дондеже Бог изволит». Иван Корнильевич отговорился тем, что «не ведаю ничтоже», после чего был отдан «за крепкую стражу» и «много зла претерпе в заточении, сидя на Москве три лета», а потом десять лет жил в изгнании в Новгороде. В конце царствования Федора Алексеевича «по прощению» царевны Татьяны Михайловны «свобожден бысть из Новгорода и взят к Москве». В столице он состоял при комнате царевны Татьяны Михайловны, последовательной сторонницы Никона и его реформы, «и милость государскую имея к себе неизреченную паче иных сверстников своих чина того же» [1, с. 57].

Следуя свидетельству Шушерина, можно рассчитать, что в 1669 г. его отправили в ссылку в Новгород и в 1679 г. вернули в Москву. Сведения И. К. Шушерина находят документальное подтверждение: 31 июля 1679 г. в Новгород была послана царская грамота о высылке в Москву «церкви Николая чудотворца, что на Дворище,

дьячка Ивана Шушерина», которому надлежало явиться в Новгородском приказе [4].

Именно в 1679 г. царь Федор Алексеевич стал являть милости к Никону и его окружению, величал его не бывшим, а просто патриархом и даже, по некоторым сведениям, собирался сделать Никона папой и поставить во главе новой церковной иерархии, которая должна была состоять из 4 патриархов, 12 митрополитов и 70 епископов. Этот замысел можно оценивать как претензию не на пятое место в православной пентархии, а на первое. Однако проект не был реализован в связи с кончиной Никона 17 августа 1681 г. [5, с. 422–455].

О времени пребывания Шушерина в Новгороде в 1669–1679 гг. до сих пор ничего не было известно. Новые данные на этот счет удалось обнаружить в фонде Валдайского Иверского монастыря Архива СПбИИ РАН, где сохранились упоминания о деятельности И. К. Шушерина, а также несколько писем дьячка Николо-Дворищенского собора Ивана Корнильева строителю иверского подворья в Старой Руссе Иоилу (Приложение).

В письме от 5 марта 1673 г. из Иверского монастыря на новгородское подворье упомянуто: «Да как был у нас в монастыре Иван Шушора о Рождестве Христове, и взял у нас с собою в Великий Новгород дву хлопцов учить грамоте, и имался зделать к процессам из шелку разного мохры (бахрому. – П. С.)» [6, сст. 13]. В новгородском изгнании дьячек Николо-Дворищенского собора искал средства к существованию рукоделием и обучением детей грамоте.

Важнейшим навыком при обучении грамоте считался красивый почерк. Публикуемые ниже письма И. К. Шушерина 1675 г. строителю старорусского подворья Иверского монастыря старцу Иоилу обличают изысканно красивый почерк автора. В письмах Иван Корнильевич именовал себя дьячком Никольского собора на Ярославовом дворе и отчитывался о выполнении поручений строителя старорусского подворья по разным хозяйственным вопросам. Вероятно, он заменил на время стряпчего новгородского подворья Венедикта Самсонова, который в те дни запыл. Поэтому Шушерин дважды сообщил в Старую Руссу, что «стряпчей немощен, с хмель не может владеть» и еще не «уцеломудрился» (Приложение, сст. 1, 6).

Эта переписка важна по нескольким причинам. Во-первых, можно установить характер «изгнания» Шушерина: служба в дьячках древнейшего новгородского собора. Во-вторых, проясняется круг общения Ивана Корнильевича в Новгороде. И, в-третьих, становится известным почерк автора «Известия», что позволяет сличить его со списками памятника конца XVII в. на предмет выявления автографа.

Примечательно, что в «Известии», кроме Софийского собора, автор упомянул только один



храм в Новгороде – Никольский собор на Ярославовом дворище. В описании восстания 1650 г. Шушерин не только подробно описал стойкое поведение Никона во время мятежа, но и упомянул хорошо знакомое ему место: «...Их народным повелением присно в два набата бияху, во един – градския великия башни, в другие же у соборныя церкви Николы чудотворца на Ярославовом дворище, яже близ земския и таможенных изб, идеже бе их собрание» [1, с. 16].

Шушерин являлся очевидцем восстания 1650 г., хотя, по его словам, был «тогда еще малу сущу» [1, с. 19]. Возможно, он жил неподалеку от Никольского собора, почему и служил позднее дьячком в этом храме. Уже после окончания «изгнания» он оставался вкладчиком Николо-Дворищенского собора. В июне 1689 г. стряпчий московского подворья Иверского монастыря Афанасий Васильев сын Шалашник в послании на новгородское подворье передавал «всем моим нижайшее поклонение», в том числе и брату И. К. Шушерина – Михаилу Корнильевичу (Иван Корнильевич был уже тогда в столице). Далее стряпчий Афанасий просил: «Да скажите Завалишной Бороде, что я с Иваном Корнильевичем Шушериным к Николе чудотворцу на Дворище вкладчик, в благовестный колокол собрал рублев больши десятка по приказом з дьяков и с подьячих, и с своей братьи стряпчих» [7, сст. 1 об.].

До службы на столичном подворье Афанасий Шалашник был стряпчим в Новгороде в 1680–1682 гг. и, как видим, был близко знаком с братьями Иваном и Михаилом Шушериными. Новгородское иверское подворье находилось неподалеку от Николо-Дворищенского собора – на Михайловой улице, рядом со Шведским гостиным двором [8, с. 472–498]. Но главное, что стряпчий Афанасий и Иван Шушерин были вкладчиками одного и того же храма.

Время создания «Известия» до сих пор точно не установлено. Между тем, если следовать за текстом сочинения, время его создания можно определить без особого труда. Последним хронологическим событием, описанным в «Известии», является освящение Воскресенского собора 18 января 1685 г. Данное событие представлено в тексте как конечное прощение Никона и это стало главным мотивом всего произведения. Финальному сюжету предшествовало известие о прощении Никона вселенскими патриархами. Замысел автора состоял в посмертном восхвалении Никона, которого провидение и вселенские власти оправдали заочно. В тексте «Известия» архимандрит Воскресенского монастыря Никифор именован «настоящим», т. е. действующим. Как известно, он правил обителью в 1683–1685 гг. [9, стб. 146]. Таким образом, сочинение И. К. Шушерина было написано в 1685 г. как отклик на освящение Воскресенского собора, которое автор преподносил как важнейшее событие в истории православного Российского государства.

Накануне Крымских походов Московское царство выдвигало себя в качестве поборника всего христианского мира в противостоянии как исламу, так и католикам и протестантам. Копия Храма Господня в Новом Иерусалиме нуждалась не только в каменном воплощении, но и в литературном обосновании призвания России стать центром мирового православия. Такую задачу, разумеется, с благословения и одобрения высшей власти, исполнил Иван Шушерин. Он всячески восхвалял деяния царя Федора Алексеевича, который намеревался вернуть Никона на место главы Русской церкви. Иван Корнильевич не упустил возможности описать, как царь Федор, провожая Никона в последний путь, поцеловал его руку. Но еще более патетически изображено благочестивое событие 1685 г.: царь Иван Алексеевич, царевны Татьяна Михайловна и Софья Алексеевна, «благородныя царицы и благородныя царевны, и от синклита царского величества немало, и множество всякого чина людей от народа» [1, с. 116] совершают эпохальное событие – присутствуют на освящении храма Гроба Господня на русской земле. Обращает на себя внимание отсутствие царя Петра на этом благочестивом действе. По-видимому, царевна Софья преследовала здесь еще и свою политическую цель: как правительница она при отсутствии младшего царя становилась центральной фигурой этого важнейшего события.

По мысли И. К. Шушерина, патриарх Никон, осужденный вселенскими патриархами, а затем ими же прощенный, должен был олицетворять церковную, равно как и государственную доктрину о призвании русского православия на пальму первенства в христианском мире. Однако внутриполитическое противостояние при русском дворе распорядилось иначе. Победившая придворная группировка Нарышкиных сначала не отстранилась от идеи предшествовавшего правления, но со временем нашла совсем иные пути и средства утверждения интересов своего отечества.

Именно после освящения храма Господня в Воскресенском монастыре внутримонастырская переписка Иверского монастыря стала обращать особое внимание на Ивана Шушерина, на что указывают обнаруженные нами новые документы. Иверские власти стали заботливо оказывать Ивану Корнильевичу разные милости, поскольку он состоял в штате царевны Татьяны Михайловны, которая по именному царскому указу опекала основанный Никоном монастырь – Воскресенский Новый Иерусалим. Поэтому заступничество И. К. Шушерина было исключительно важным для иверских властей.

В 1683 г. из Иверского монастыря писали на новгородское подворье: «Ныне июля в 19 день послан от Москвы от Ивана Шушеры человек ево Яков Филипов ради дела в Великий Новгород»; иверские власти велели этого человека «не забывать», а когда он поедет из Новгорода обратно,



дать ему подводы до монастырского села Рахина [10, сст. 213].

Статус комнатного человека в хорамах царевен позволял И. К. Шушерину давать полезные советы тем, кто прибегал к его милости. Следующий эпизод раскрывает атмосферу придворной жизни и обстоятельства влияния при дворе. В конце октября 1683 г. в царском походе слушали отписку из Старой Руссы о неосторожных словах слуги Иверского монастыря. Стряпчий столичного подворья Афанасий Шалашник сообщил в монастырь, что думный дьяк Е. И. Украинцев пометил на отписке: «Великие государи и благородная государыня царевна, слушав, и бояре приговорили – вашего старорусского розсыльщика... бить за его неистовые грубые слова кнутом в торговой день на козле и в проводку». Уже после приговора иверские строитель и стряпчий пытались все же заступиться за монастырского слугу, но думный дьяк «на нас горазно возъярился и закрычал» и прибавил: «Что-де мне указано пометить, и я-де так и помечал, а сверх государского указа делать не хочю», а дерзкого слугу следует не то что высечь, а повесить. Тогда строитель и стряпчий «с той челобитной ходили к Ивану Корнильевичу Шушерину и к иным добрым людям, и о том докладывали... И Иван Корнильевич нам сказал и иные люди присудили: что-де вверху помечено, быть тому так, а болши того спорить и натужно бить челом не велели, чтоб и болши не испорить» [11, сст. 44–45]. В этом случае И. К. Шушерин выступает как главный ходатай в столице по делам Иверского монастыря.

Еще большую осведомленность о том, что творилось во дворце, Иван Корнильевич проявил в следующем эпизоде. В той же отписке конца октября 1683 г. строитель и стряпчий сообщили о прибытии в столицу из Новгорода спальника Михаила Васильевича Собакина, который собирал в царскую казну «запросные» деньги с софийского дома и новгородских монастырей. Спальник заехал и в иверскую обитель, где взял из монастырской казны 100 руб. Узнать о результатах этой поездки строитель и стряпчий отправились к своим заступникам: «...Добрых людей докладывались и к Ивану Корнильевичу о том же ходили. И он рекся пожаловать те денги выходить на строение церкви, что на вашем, государи, московском подворье и челобитную донести благородной государыне царевне хотел, толки еще по се число октября по 26 день челобитной ему, Ивану, за недосугами монастырскими и ваших, государи, дел не подавали». Разузнав обстановку во дворце, И. К. Шушерин сообщил строителю и стряпчему, что иверские власти опрометчиво дали спальнику 100 руб., «поверя напрасным ево словам, потому что у него указу и никакова писма не было, а толко он был отпущен попросить в честь к преосвященному

митрополиту, а инде нигде ему быть не велено. И то-де он ездил и збирал по монастырям сам собою, затеяв напрасно, чиня выслугу себе. И о том вверху ропот болшой... И крепко Иван Корнильевич говорит, – писали строитель и стряпчий, – что-де, недосмотря указу, денги дали напрасно, потому, хотя б-де и впрям послан был он, Михайло, по монастырям такие денги збирать, и к вам бы-де, государем, от кого-нибудь хотя малое писмо было б, потому что тот ваш, государи, Иверской монастырь у великих государей и у благородной государыни царевны не в забвении» [11, сст. 46]. Как видим, Иван Корнильевич не только знал, о чем говорили во дворце, но и уверенно комментировал распоряжения высшей власти, которые ему были хорошо известны.

В мае 1685 г. Афанасий Шалашник сообщил из Москвы в монастырь, «что в нынешнем во 193-м году мая в 25 день Иоанн Корнильевич [Шуше]рин поехал в вотчину свою в новоторжскую для досмотру и пристройства крестьян и всякого заводу. И что мы к вам, государем, преже сего об не[м Иване] Корнильевиче писали по его прошению, чтоб вы пожаловали ево за добродетельство к дому святому [и к вам] государем изволили дать в ту ево вотчину против [иных] монастырей работников и скота на завод... А [от иных] монастырей ему, Ивану Корнильевичу, на подмогу дав[ано ло]шади и коровы, и на работу крестьяне. А которые [дал]ние монастыри, давали денгами рублев по два и горазно болши». На обороте этой отписки иверские власти велели записать распоряжение о посылке с монастырского скотного двора «в Новоторжской уезд в вотчину Ивана Корнильева сына Шушарина» двух работных лошадей, двух дойных коров и по 10 четвертей ржи и овса [12, сст. 14–14 об., 32].

Таким образом, благодаря милости царевны Татьяны Михайловны Иван Шушерин обзавелся вотчиной, что для дьякона было весьма щедрым пожалованием. Не только Иверский монастырь, но и другие обители считали необходимым помочь влиятельному во дворце человеку завести хозяйство в пожалованном ему имении.

В ответном послании из монастыря настоятель писал на столичное подворье о посылке И. К. Шушерину скота и хлеба и прибавил: «Да и сами мы, архимандрит, с ним Иваном Корнильевичем (в черновике далее зачеркнуто: в селе Выдропуске) хотели свидетца и ради того нарочно послан слуга. И он-де, Иван Корнильевич, до того слуги съехал по указу великих государынь царевен к Москве» [12, сст. 18]. Желание настоятеля привилегированного монастыря лично засвидетельствовать почтение комнатному человеку царевен подчеркивает его значимость как влиятельного заступника. О подобной «неизреченной» милости к нему во дворце не без гордости писал и сам Иван Шушерин.



Время от времени И. К. Шушерин наведывался в родной Новгород. В 1686 г. он вложил на престольное евангелие в Спасо-Нередицкий монастырь [13, с. 497]. В сентябре 1687 г. строитель и стряпчий новгородского подворья писали в монастырь, о том, как они хлопотали перед новгородским воеводой боярином П. В. Шереметевым о выводе кабака из монастырской вотчины. Для этого они вознамерились просить И. К. Шушерина обратиться к воеводе с письменной просьбой по этому делу. Строитель и стряпчий загодя почтили своего заступника вином, о чем писали в монастырь: «Да против вашего властного писания Ивану Корнильевичу Шушеры подобную честь vzdали, и он, Иван, поехал в Олександров сентября в день да взял в долг ренского двенатцать стоп ценою стопу по шести алтын» [14, сст. 41 об.]. Воевода не желал идти навстречу иверским властям и свести кабака из монастырской вотчины: «...Боярин только молчит, – писали из Новгорода в монастырь, – и мы ныне о том ожидаем Ивана Корнильевича из Александрова и будем ему бить челом, чтоб он о том кабаке о снимке заступил боярину государю милостию своею» [15, сст. 38]. В данном случае слово влиятельного комнатного человека, каким стал И. К. Шушерин, могло быть значимым даже для такого великородного боярина и воеводы.

И. К. Шушерин заступался перед воеводой и по другим делам Иверского монастыря. В октябре 1687 г. иверские власти сообщили в Новгород: «А о боровицкой пошлыны с Ываном Шуш(ерой не)говорили, потому что он задолго вашего писания от (мо)настыря съехал к Москвы» [14, сст. 60]. В том же месяце в ответном послании из Новгорода подтвердили, что «Ивана Шушары наше писание (в монастыре. – П. С.)... не застало, и Иван Шушара прислал... о снимке зимнегорского кабака (гра)мотку, чтоб боярин приказал тот кабака перенести» [14, сст. 62]. 23 октября из Новгорода известили как подали воеводе письменное заступничество И. К. Шушерина: «И пис(мо) Ивана Шушоры боярину подал, и боярин пр(отив) ево писания мне говорил: у меня-де вам (пре)жи сего говорено, что без указу великих государей того мне кабака за челобитьем грацких людей перевести не уметь» [14, сст. 73].

В следующем году Иван Корнильевич снова был в Новгороде. Строитель и стряпчий новгородского подворья послали ему в дорогу гостинцы, сопроводив их вежливым посланием: «Государю нашему Ивану Корнильевичу Иверского монастыря новгородцкого подворья их, государей властей, послушники иеромонах Мартиниан да стряпчей Стенька Тюренов челом бьем тебе, государю, в путном шествие с Пречистой Богородицы с подворья – хлебом да рыбку 5 сивгов, да питья шклянницу церковного, да ренского тож. Прикажи, государь, тот вышеписанный хлеб и рыбку и питье принять и во здравие кушать»

[16, сст. 32 об.]. В 1689 г. иверский архимандрит писал из столицы на новгородское подворье: «Ныне генваря в 16 день поехал с Москвы великих государей клучник Василей Кселов ради дела дьяка Ивана Корнильевича Шушеры» [17, сст. 12]. Сведений о том, что это было за дело, нам не известно.

Влияние И. К. Шушерина и его сына Михаила во дворце закончилось сразу после падения режима регентства. В октябре 1689 г. иверский стряпчий писал из Москвы: «А что изволили вы, государи, Михаилу Ивановичу Шушарину милости просить о заступлении, и Михайло ныне и сам пути не видит, так же добрых людей ныне забегает, а вам, государи, так ж. И нам по милости добрых людей, хотя себе ныне нарочного и пастыря монастырским делам, не имеем. Еще есть заступники не в Михайлову пору, а Михайлу за отцом, и когда было время, в то время и служило, а ныне отпало, и для того у него ныне и милости просить не о чем» [18, сст. 21]. Впрочем, в письме из монастыря на московское подворье 5 ноября 1689 г. иверские власти все еще рассчитывали на Михаила Шушерина как на заступника в деле незаконной табачной и винной торговле, поскольку послали три «грамотки»: одну царевне Татьяне Михайловне, «да две к Афтамону Ивановичу (думному дьяку А. И. Иванову. – П. С.), Михаилу Шушерину о том же деле» [19, сст. 74 об.].

После потери места при дворе Иван Шушерин занял место крестового дьяка Воскресенского собора в монастыре Новый Иерусалим. Его «усердием» в соборном храме было завершено создание придела Архистратига Михаила, освященного 29 апреля 1690 г. В этом приделе Иван Корнильевич приготовил себе место последнего упокоения, здесь он был похоронен в 1693 г., а вслед за тем и его сын Михаил.

Новые данные об Иване Шушерине позволяют проследить эволюцию его отношения к Никону. До осуждения патриарха он был его верным слугой и, разумеется, не мог себе позволить какую-либо самостоятельную позицию относительно своего начальника и благодетеля. В декабре 1666 г. его бесцеремонно задержали и поставили перед царские очи. Неудовольствие царя обошлось Ивану Корнильевичу трехлетним заключением и десятилетней ссылкой в Новгород.

Царская опала вразумила Ивана Корнильевича. Возвращенный из ссылки при царе Федоре Алексеевиче, он прославил в своем сочинении благочестивого царя Федора, а затем и царя Ивана (но не Петра) и в особенности царевен Татьяну Михайловну и Софию Алексеевну. После прощения Никона вселенскими патриархами И. К. Шушерину больше не приходилось выбирать между властолюбием низложенного патриарха и царской властью. Обретя милость



во дворце в годы регентства, Иван Корнильевич всецело встал на сторону возвысившегося самодержавия, которое отвергло властолюбие Никона, но решительно поддержало его церковную реформу.

Список литературы

1. Известие о рождении и о воспитании, и о житии святейшаго Никона патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериним. М. : Изд. Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря, 1871. VIII, 119 с.
2. 1664/1665 г. Приходо-расходная книга Валдайского Иверского монастыря // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181 (Валдайский Иверский монастырь). Оп. 2. Д. 25.
3. XVII в. Синодик Крестного монастыря // Российская Национальная библиотека (РНБ ОР). Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). Q I-1561.
4. 1679 г. июля 31. Грамота новгородскому воеводе боярину князю Юрию Михайловичу Одоевскому о высылке дьячка Ивана Шушерина в Москву // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. Д. 1081.
5. Седов П. В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII в. 2-е изд., испр. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 603, [1] с.
6. 1673 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с новгородским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2181.
7. 1689 г. Отписка стряпчего московского подворья Валдайского Иверского монастыря Афанасия Шалашника стряпчему новгородского подворья Ивану Тюреневу // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3853.
8. Седов П. В. Подворья Валдайского Иверского монастыря в Москве и Новгороде во второй половине XVII – начале XVIII века // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 1 (17)) / отв. ред. П. В. Седов. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 436–553.
9. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви: [С Алф. указ. монастырей, сост. М. Семевским] / сост. из достовер. источников Павел Строев, орд. акад. С.-Петерб. акад. наук. СПб. : Археограф. комис., 1877. X с., 1064, 68 стб.
10. 1683 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с новгородским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3228.
11. 1683 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с московским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3233.
12. 1685 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с московским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3452.
13. Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях : в 2 ч. Ч. 1: Древние церкви в Новгороде и его окрестностях. М. : Типография В. Готье, 1860. V, 654 с.
14. 1687 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с новгородским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3664.
15. 1687 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря со старорусским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3615.
16. 1688 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с московским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3727.
17. 1689 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с новгородским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3816.
18. 1689 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с московским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3835.
19. 1690 г. Переписка властей Валдайского Иверского монастыря с московским подворьем // Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3922.

Приложение

1674 г. марта 26–1674 г. – Отписки дьячка церкви Николая на Ярославовом дворце Ивана Корнильева строителю старорусского двора Иоилю о совершении разных покупок. 7 сст.

(сст. 1) † Господину всечестнейшему и всепреподобнейшему отцу строителю и соборному старцу Иоилю радоватися и здравствовати о Господе усердно желаю. Благодать тебе буди и милость, и мир от Господа Бога благословеннаго, его же слава и держава во веки веков. Аминь.

Писал твоя честность к нашей худости о Якове Фешине, и мы с подворья по него, Якова, посылали, и его, Якова, в Новеграде ныне нет. А приходил брат ево родной Петр и сказывал, что-де будет брат ево Яков с озера в субботу или с утра в воскресенье. А о записи-де мы еще и сами не имывали из земской избе. А будет-де еще угражать о том деле, скоп ныне вскоре. А как-де брат Яков приедет, и мы-де ево тотчас пошлем к отцу Иоилю, чаю-де, что в воскресенье поедет и со всею вестью. И что гражания приговорят, о всем будет твоей честности отповедь и крепостями укрепитея. А будет-де и сам отец Иоиль изволит в Великий Новград приехать, и он бы-де изволил ехать и переобрачивал. И о том тебе, господину, буди ведомо, как твоя честность изволит.

А что ты, господине, прислал четыре воза овса, и тот овес Константину три воза сослали, а четвертой воз стряпчему отдали, а он еще не уцеломудрился.

А что ты, господине, прислал денги за рыжки и хартию и дугу, и то все твое благословение до меня дошло. Да послал я к твоей честности брусок оловяной, что я завес со ржаным маслом, как сам был в Русе, да боченку Орловскому послал же.



Ивашко Корнильев, написавый сие писание, со всеми домочатцы рабски по премногу челом бью. Марта в 26 день. //

(сст. 1 об.) † Господину строителю и соборному старцу Иоилу. //

(сст. 2) † Господину всечестнейшему и всепреподобнейшему отцу великому строителю и соборному старцу Иоилу радоватися и здравствовать о Господе всеусердне желаю. Благодать тебе буди и милость, и мир от Господа Бога благословеннаго, его ж слава и держава во веки веков. Аминь.

Писание от твоея честности до нашей ходости чрез розсылщика Павелка и денги на покупки в целости дошли. И я купил губу, а дал 3 алтына 2 денги да шелку красного купил две куклы весом 50 золотников, а дал без полугривны двадцать алтын, и послал тое покупку с подьячим с Биваном Орловским ко твоей честности.

А что ты, господине, писал о столе, чтоб приказать сделать строителю воскресенскому Илье, и я строителя Илью видел и ему говорил о столе, и он стола делать не ялся, потому-де что досок таких готовых нет, а се делать-де недосуг. А что ты, господине, прислал денег четыре гривны на крашенину и пять алтын на проволоку на медную на зеленую, и я крашенины купил пол 11 аршина, а ценою дал за всякой за аршин по 5 копеек з денгою, потому что твоя честность писал добрыя крашенины купить. Итого денег на крашенину пошло 20 алтын без алтына, а крашенина добрая киндячной цвет. Да меди зеленая фунт дал 5 алтын. А что у меня твоих денег на покупку сию недостало пяти алтын четырех денег, и я те денги взял у подьячево у Ивана Орловского. //

(сст. 3) Да слышел я, что-де надобь вашей честности жеребец немецких коней. И ныне, господине, есть жеребец на свейском дворе у Ивана Деина светлосер, на лето будет ему пятой год, нарочит. Ныне еще дни с три, как ис Кольвани пришел, а ценою просит сорока рублей, а тридцать рублей, сказывает, и дьяк Иван Степанов ему гораздо давал, а чаю, что тридцать пять рублей и возмет. И ты, господине, буде изволишь ево купить или не изволишь, о том отпиши к нашей худости.

А по сем мира и здравия благоприбывания от Христа Бога всеусердне тебе получитьи желаю. Аминь.

Из Великаго Новаграда соборная церкве Николая чудотворца Ярославля дворища дьячек Ивашко Корнильев со всеми домочатцы, Бога моля и благословения прося, рабски челом бью. //

(сст. 2 об.) † Господину строителю и соборному старцу Иоилу. //

(сст. 4) Господину всечестнейшему и всепреподобнейшему отцу строителю и соборному старцу Иоилу радоватися и здравствовать о Господе всеусердне желаю. Благодать тебе буди и милость, и мир от Господа Бога благословеннаго, его же слава и держава во веки веков аминь.

Писал ты, господине, к нашей худости и прислал два куля муки ржанья и четыре корня хрену и тридесать ретчин. И аз то твое послание против твоего писания все в целости радостнее приях и много челом бью и с Федосием поделился. И Феодосей Иларион, и другой наш Феодосей все челом бьют и обще милости просим: пожалуй, буде мочно, добыть еще хренку. И ты, господине, пожалуй и еще добудь и к нам пришли. А что ты, господине, изволил писать о сухарях, чтоб тебе ведомо учинить подлинно, и я ныне за душевными недосугами подлинно проведать не изоспел. А слышел я прежде Сырныя недели, что-де прислана государева грамота с Москвы к боярину к Петру Васильевичю Шереметеву и к дьяку, чтоб им отписать к великому государю к Москве: по какому указу оне збирали с Новгородскаго уезду сухари и крупы, и толочно на прошлой на 181-й год. И боярин-де о том к Москве писал, что-де по государеву указу збирал и по грамоте. И против той отписки боярской с Москвы еще отповеди не бывало. А как будет подлинная весть, и я, проведав, тотчас твоей честности отпишу. А на нынешней 182-й год еще сухарей не видать платячи никою. А в Великом Новеграде все поздорову и вновь ничево не слышать. А старец Феодосей и стряпчей Венедихт из монастыря с хлебами приехали. Да пожалуй, господине, изволь // (сст. 5) прислать иноземцу Якову за олово денег пятьдесят рублей без полутретьих рублей да Андрею Арманову два рубля за белое железо, да Ивану Росторгуеву за масло, как ты изволишь денгами прислать или солью заплатить, или как ты изволишь. А масло у него Гриша дворник весил, и весом пять пудов восьми на десять гривенок з деревом. А масло взято на подворье и не досматривал, Гриша сказывает, будто-де нельзе досмотреть: как-де статью дно вынимать, так-де опять будет не вставить дна. А ис дыры проверить нельзе-де: как-де будет проверить дыра, так-де нельзе будет в дорогу вести – масло-де станет течь. И о том как твоя честность изволишь. А я говорил Гриши, что лутче бы досмотреть того масла, и он без твоего указу не хочет. Да пожалуй, господине, и мне на харч денег изволь прислать, а у меня ныне з денгами скудость. Да послал я к твоей честности шубу, в чем была ретка оберчена.

А по сем мира, здравия, долгоденствия тебе со всеми любящими тя от Христа Бога всеусердно желаю Ивашко Корнильев, написавый сие писание с супругою и с чады, и с вашими отрочаты, благословения прося и Бога моля, рабски челом бьем.

Да бил челом твоему благоутробию Якунка Маленькой с матерью, чтоб ты пожаловал по своему слову сенца прислал везенку корове.

Да послал я, купив, твоему здравию щеглинка да чижики в твоей клетке с теми ж мужиками, которыя к нам муку привезли.



А будет изволишь сам, твоя честность, побывать в Великом Новеграде, и ты изволь потому, что впредь быть будет неколе, как дорога испортится.

Ивану Орловскому челом бью, пожалуй, Иван Дементиевич, отъищи мою дугу у мужика, что увез с Чавниц, а будет он по соль, да хартию мою пришли, а я войлук твой сослал. //

(л. 4 об.) † Отдать в Старой Русе Пречистыя Богородицы Иверскаго монастыря строителю и соборному старцу Иоилю. //

(сст. 6) † Господину всечестнейшему и всепреподобнейшему отцу строителю и соборному старцу Иоилю радоватися и здравствовати о Господе усердне желаю. Благодать тебе буди и милость и мир от Господа Бога благословеннаго, его же слава и держава во веки веков. Аминь.

Челом бью за твое приятное жалованье, что ты пожаловал прислал ко мне сенца везенку, и то до меня твое благословение дошло. А про нас изволишь ведать, и у нас милостию всеильнаго Бога все поздорову. А за делами монастырскими нужно ходить некому, а дела, чаю, ведомо тебе, что нуждыя и многия, а стряпчей немощен, с хмель не может владеть.

А по сем здрав буди и спасайся в неисчетныя лета. Аминь. //

(сст. 6 об.) † Господину строителю и соборному старцу Иоилю. //

(сст. 7) † Господину всечестнейшему отцу строителю и соборному старцу Иоилю из Великаго Новаграда соборныя церкви Николая чудотворца Ерославля дворища дьячек Ивашко Корнильев, благословения твоего прося со всеми домочатцы и Бога моля, челом бью.

Ведомо тебе, господине, буди, что ныне из-за рубежа приехал иноземец Федор Арманов, а товаров у него на вашу руку есть: шляпы чернеческия черныя и берыя, и гвоздика, и шкатулки хорошия водочныя и болшия, и ножев хороших с вилками. И будет что твоему благоутробию понадобится, и ты б, господине, о том ведал, того ради я твоему благословиению и возвестил. Да пожалуй, господине, вели прислать дугу, что у вас на приказном чюлане была положена, потому что она чюжая, и на мне всегда спрашивают.

А по сем мира и зравия, благодетствия тебе от Христа Бога всеусердне желаю. Аминь. //

(сст. 7 об.) † Господину строителю и соборному старцу Иоилю. //

Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2345. Сст. 1–7 об. Подлинник.

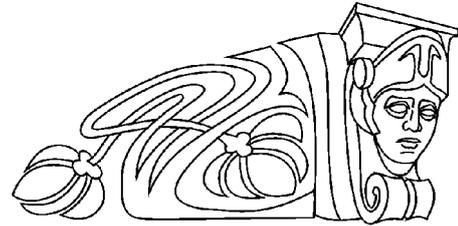
Поступила в редакцию 04.01.2024; одобрена после рецензирования 13.01.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 04.01.2024; approved after reviewing 13.01.2024; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 152–158
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 152–158
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-152-158>, EDN: WBTEZW

Научная статья
УДК [311:355](470+571)|18|+929Милютин

Дмитрий Алексеевич Милютин – один из основателей российской военной статистики



К. В. Белов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов,
ул. Астраханская, д. 83

Белов Кирилл Вадимович, соискатель кафедры истории России и археологии, belovkv70@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8859-6350>,
AuthorID: 1021001

Аннотация. Статья посвящена видному военному деятелю, ученому, будущему преобразователю вооруженных сил Российской империи, заложившему теоретические основы новой военной науки – военной статистики. Данная наука содержала обширную информацию о государствах, их территориях, населении, политическом устройстве, промышленном потенциале и вооруженных силах. По мнению автора фундаментального двухтомного труда «Первые опыты военной статистики», только системный, критический анализ вооруженных сил государства мог составить цель и предмет военной статистики, ее преподавание в Императорской Военной Академии как единственном тогда российском ВВУЗе, основанном в первой половине XIX в. Сочинение «Первые опыты военной статистики» стало одним из основных научно-исследовательских трудов в Императорской Военной Академии, теоретической базой для методологии военно-статистических изысканий. Д. А. Милютин внес существенный вклад в выпуск четвертого издания 17-томного «Военно-статистического обозрения Российской империи» и «Ежегодника русской армии», которые оказали значительное влияние на становление российской военной статистики и на формирование российской геостратегии.

Ключевые слова: Д. А. Милютин, военная статистика, Императорская Военная Академия, системный анализ, театр военных действий, «милютинская школа»

Для цитирования: Белов К. В. Дмитрий Алексеевич Милютин – один из основателей российской военной статистики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 152–158. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-152-158>, EDN: WBTEZW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Dmitrii Alekseevich Miliutin – One of the Founders of the Russian Military Statistics

К. V. Belov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Kirill V. Belov, belovkv70@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8859-6350>, AuthorID: 1021001

Abstract. The article is dedicated to a prominent military figure, a scientist, a future reformer of the armed forces of the Russian Empire, who laid the theoretical foundations of a new military science – military statistics. This science contained a variety of information about states, their territories, population, political structure, industrial potential and armed forces. According to the author of the fundamental two-volume work “First Attempts at Military Statistics” only a systemic and critical analysis of state armed forces could constitute the aim and subject of military statistics, its instruction in the Imperial Military Academy as only then Russian military higher educational establishment found in the first half of the 19th century. The work “First Attempts at Military Statistics” became one of the main research works at the Imperial Military Academy, a theoretical basis for the methodology of military statistical research. D. A. Miliutin made a significant contribution to the fourth edition of the seventeen-volume “Military Statistical Review of the Russian Empire” and “Yearbook of the Russian Army”, which had a significant impact on the formation of Russian military statistics and on the formation of Russian geostrategy.

Keywords: D. A. Miliutin, military statistics, the Imperial Military Academy, system analysis, theater of military operations, “miliutin’s school”

For citation: Belov K. V. Dmitrii Alekseevich Miliutin – One of the Founders of the Russian Military Statistics. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 152–158 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-152-158>, EDN: WBTEZW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Дмитрий Алексеевич Милютин, принадлежавший к либеральному «лагерю» по своим общественно-политическим взглядам и антикрепостническим убеждениям, известен в отечественной истории как военный историк и ученый-статистик, создатель «русской школы» военной статистики, военный министр-реформатор вооруженных сил Российской империи, получивший признание и известность как в российском обществе, так и за рубежом [1, с. 342]. Перед тем, как стать во главе военного ведомства и в последние годы службы (с 1878 по 1881 гг.) руководить еще и внешней политикой, он в царствование императора Николая I смог довести до логического завершения оформление теоретических основ новой специальной науки в Российской империи – военной статистики [2, с. 383–387]. Такая наука содержала многообразие сведений о государствах, их территориях, политическом устройстве, населении, экономике, финансовой базе и вооруженных силах [3, с. 131–132, 141–144].

Министр-новатор стремился поднять образование офицеров на более высокий уровень и использовал свое влияние для того, чтобы офицерский чин могли бы получить при сдаче соответствующих экзаменов представители различных сословий империи [4]. Будущий глава военного министерства подверг обстоятельной критике труды известных зарубежных исследователей в области военной географии. Д. А. Милютин убедительно обосновал свой взгляд на необходимость комплексного (в социально-экономическом, общественно-политическом, морально-нравственном плане и т. д.) изучения вооруженных сил государств [5].

Самые первые попытки систематизировать знания по военной статистике в Российской империи предпринимались еще до Д. А. Милютина. В частности, в первой четверти XIX в. читались курсы по общей статистике на французском языке академиком К. Ф. Германом до 1811 г. в Пажеском корпусе как первом военно-учебном заведении, ректором Императорского Московского университета И. А. Геймом с 1815 по 1821 г. в Московском училище колонновожатых, выпускавшем офицеров-квартирмейстеров [6, с. 254]. Это учебное заведение упразднили в июле 1826 г. по Указу императора Николая I и всю впоследствии квартирмейстерскую часть переименовали в Генеральный Штаб [7, с. 4]. Необходимо упомянуть и другого видного ученого-статистика, историка и географа, одного из учредителей Русского географического общества профессора К. И. Арсеньева, с 1850 по 1854 г. занимавшего пост товарища председателя (адмирал граф Ф. П. Литке) и читавшего лекции в Петербургском университете с 1819 по 1821 г. [8, с. 3–4]. В его труде «Начертание статистики Российского государства» предпринята попытка поднять статистическое описание большого масштаба

до научного уровня. Профессор К. И. Арсеньев первым предпринял попытку научно обосновать экономическое районирование Российской империи [цит. по: 9, с. 15]. В 1859 г., уже после смерти автора, был издан труд Д. П. Журавского «Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 год» [10, с. 149–228]. И только открытие Императорской Военной Академии 26 ноября 1832 г. дало толчок для преподавания впоследствии военной статистики. 26 ноября (по старому стилю) – праздник Святого Великомученика Георгия и его в связи с таким событием как свой отмечал Генеральный Штаб до февраля 1917 г. [7, с. 36].

Военную статистику в первой половине XIX в. представители военной элиты и военно-ученого сообщества в Российской империи, в частности руководство Академии, рассматривали как информацию о вооруженных силах и средствах ведущих держав в мире, но из-за мизерного количества статистического материала, его неразработанности и секретности ее преподавание отложили. Д. А. Милютин внес свой вклад в подготовку четвертого издания многотомного «Военно-статистического обозрения Российской империи» (СПб., 1848–1858 Т. I–XVII), в котором в 1857 г. военный министр Н. О. Сухозанет разрешил напечатать часть материала, содержавшего сведения общего характера [3, с. 166].

Свои научные изыскания для оформления и создания новой специальной военной науки и учебной дисциплины подполковник (с 11 марта 1843 г.) Д. А. Милютин начал с того времени, когда открылась вакансия на должность профессора кафедры военной географии в Императорской Военной Академии [11, с. 416]. С 1847 г. соответствующее подразделение российского ВВУЗа стало называться кафедрой военной статистики [11, с. 416]. Его кандидатуру 3 января 1845 г. на данную должность по Высочайшему указанию руководство Академии во главе с директором генералом-адъютантом И. О. Сухозанетом утвердило [3, с. 95]. Д. А. Милютин в такой должности начал свою научно-педагогическую деятельность после второй по счету кавказской командировки, где он принимал участие в боевых действиях против горцев в Чечне и Северном Дагестане в должности обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черномории (с 11 апреля 1843 по 10 ноября 1844 г.) [11, с. 416]. За время работы в Академии с 1845 по 1856 г. он опубликовал несколько научных работ по военной статистике, среди которых наиболее значима «Критическое исследование значения военной географии и военной статистики», сначала опубликованная как статья в первом номере «Военного журнала» за 1846 г., а затем вышедшая отдельной брошюрой [3, с. 120]. В том же году вышел отлитографированный «Курс военной географии и военной статистики» [12, л. 5]. Позднее работа «Критическое



исследование...», откорректированная и доработанная, вошла в качестве вступительной части в основной двухтомный труд «Первые опыты военной статистики», который вышел в 1847–1848 гг. – книга 1-я «Вступление. Основания политической и военной системы Германского союза» [13] и книга 2-я «Военная статистика Прусского королевства» [14]. За свою научно-преподавательскую и военно-административную деятельность (с 6 ноября 1845 г. он совмещал должность начальника третьего учебно-воспитательного отделения Штаба военно-учебных заведений) 21 апреля 1847 г. Д. А. Милютин получил звание полковника и дважды был удостоен Российской Академией наук Демидовской премии – половинной за вышеуказанный труд – 17 апреля 1850 г. и полной – 17 апреля 1853 г. за известный фундаментальный военно-исторический труд «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году» в двух изданиях – 1853 г. (пяти-томное) и 1857 г. (трехтомное). Второе издание переведено на французский и немецкий языки [15, л. 2]. Демидовские премии, названные так в честь мецената, крупнейшего фабриканта-промышленника П. Н. Демидова, выделившего на них денежные средства, присуждались с 1832 по 1865 г. авторам за исследования по всем сферам знаний и считались самой почетной научной наградой в Российской империи [16, с. 204–207].

Преподавая свою дисциплину, Д. А. Милютин, систематизируя материал в отличие от прежних преподавателей полковников Г. Ф. Стефана и П. А. Языкова, составил лекционный курс логичнее, интереснее (с большим количеством карт), углубив содержательную часть предмета. Дмитрий Алексеевич критически отнесся к труду профессора кафедры военной географии П. А. Языкова «Опыт теории военной географии, с приложением руководства к избранию пунктов для сооружения крепостей предназначаемых» и убедительно доказал, что только всестороннее проработанный системный анализ вооруженных сил государства составит предмет и цель преподавания военной статистики в Российской империи [7, с. 4–5]. Он считал, что данную специальную военную науку невозможно составить из одних только географических познаний. По мнению Д. А. Милютина, география как наука должна была описывать земную поверхность, и все географические сведения должны относиться к определенному историческому периоду. Д. А. Милютин, кроме базового курса, с разрешения руководства Академии читал лекции офицерам-слушателям о Кавказском крае, подготовил отдельный лекционный курс о Прусском королевстве, прочитанный им в апреле и мае 1845 г. [3, с. 105]. Помимо лекционного курса, Дмитрий Алексеевич практиковал письменные работы-опросы по пройденному материалу для слушателей теоретического и прак-

тического отделений Академии [3, с. 119]. Ему удалось внедрить новый метод преподавания своей дисциплины – отведенные на лекции часы он использовал как для сравнительных военно-статистических исследований крупнейших держав мира, так и для прочтения и разбора работ офицеров-слушателей. Они составляли военно-статистические обзоры по источникам, предложенным Д. А. Милютиным. В итоге офицеры начали накапливать и анализировать новейшие в то время сведения о вооруженных силах мировых держав, учились мыслить новыми категориями пространства, понимая связь географических, политических, социально-экономических факторов с военной мощью государства и зависимость от них военной стратегии.

Д. А. Милютин высоко оценивал роль морально-нравственного фактора, который, по его мнению, был прямо взаимосвязан с социально-экономическим положением страны. Он также считал, что если в народе превалируют национальная и религиозная розни, то государству не помогут никакие мощные властные структуры в укреплении единства и международного статуса.

Дмитрий Алексеевич пояснял, что одним из объектов изучения военной статистики являются безопасность государства и его вооруженные силы как средство достижения данной безопасности и политической независимости. Цель же военной статистики, по его мнению, состояла во всестороннем анализе вооруженных сил и средств государства, различных факторов, которые могут повлиять на вооруженные силы, анализ и разбор отдельных театров боевых действий [13, с. 57–58]. Военная статистика, как отмечал Д. А. Милютин, должна являться специальной отраслью всеобщей статистики. Он считал, что изучение каждого государства, с военной точки зрения, есть необходимое дополнение к статистике, одно из весьма важных ее частей, без которых не может быть ни полноты, ни связи в общих ее выводах, что военная статистика, составляя только часть общей статистики, принадлежит к разряду политических наук. Но в то же время она по необходимости должна основываться на указаниях и требованиях военного искусства, поэтому теория стратегии и военной администрации служит ей руководством в исследованиях, точно так же, как политическая экономия и теория финансов для хозяйственной и финансовой статистики. Таким образом, военную статистику Д. А. Милютин рассматривал в тесной связи с общественно-политическими науками и отмечал, что теория военного искусства в целом тесно связана с предметом политических наук, так как собственно война есть одно из проявлений политической жизни государств, т. е. продолжение своей внешней политики. Поэтому военную статистику возможно было бы причислить как



к политическим предметам изучения, так и к области военных знаний [13, с. 55]. Предметом военной статистики, по его мнению, являлись общие и частные закономерности функционирования и развития государства: политическая система, экономическая и военная мощь, территория и географическое положение, а также общие топографические свойства – очертания границ, береговых линий и т. д.

Можно с уверенностью сказать, что военная статистика как наука и учебная дисциплина разрабатывалась Д. А. Милютиным самостоятельно, без подражания Западной Европе и заняла достойное положение в военной науке. Собственно кафедра военной статистики Академии просуществовала под таким названием вплоть до Первой мировой войны.

Необходимо отметить, что в первой половине XIX в. в высших военно-учебных заведениях ведущих держав мира – Великобритании, Франции, Пруссии и Австрии – такой учебной дисциплины, как «Курс военной географии и военной статистики», еще не был составлен. В «Воспоминаниях» Дмитрий Алексеевич упоминал, что «Критическое исследование значения военной географии и военной статистики» привлекло к себе внимание не только военных специалистов, но и ученых – географов, экономистов и историков [3, с. 120]. По сути данная работа явилась базой, где были заложены идеологические и теоретические основы российской геостратегии.

Фундаментальный труд «Первые опыты военной статистики» (он же оказался и последним) дал возможность читателю познакомиться со сравнительно-статистическим описанием германских земель, следуя доминировавшей тогда в Западной Европе середине XIX в. тенденции, характерной для военной мысли таких известных континентальных держав того времени, как Франция и Пруссия [3, с. 167]. Д. А. Милютин разъяснил свою точку зрения на природу войны и вооруженных сил. По его мнению, под термином «вооруженные силы» подразумевались не только сухопутные войска вместе с народным ополчением и военно-морской флот, а в совокупности все вообще средства, учреждения и способы, необходимые в государстве для ведения наступательной или оборонительной войны [13, с. 52]. Он утверждал, что в военной истории самое важное – деятельность исторических личностей. Однако при этом следовало бы учитывать степень благосостояния народа, его материальное положение, морально-этический фактор, определяющие не только состав и численность вооруженных сил, но и существенные их свойства, а также указывающие, в какой степени на случай войны правительство может полагаться на поддержку народа и благонадежность самих войск [13, с. 60].

Д. А. Милютин исходил из основной мысли, согласно которой для точного определения могущества государства недостаточно указать, как упоминалось выше, лишь одни географические данные о нем и численность его войск. Необходимо исследовать источники военных средств государства, всю систему его военных учреждений и местные свойства страны с их слабыми и сильными сторонами. Он считал, что военная мощь государства может быть определена только в сравнении с другими государствами, следовательно, в военной статистике можно принять два следующих метода исследования: 1) каждое государство изучается особо, сравнение же с другими государствами проводится только по частным параметрам; 2) исследуются в сравнении несколько государств, но при этом необходима более полно обработанная статистика каждого государства в отдельности [13, с. 57].

Д. А. Милютин также четко определил основные этапы военно-статистического исследования. Первый в виде вступления заключал в себе общий анализ государства в военном отношении: «...Одно по своему положению есть государство исключительно континентальное, другое исключительно морское; одно принуждено иметь для обороны сравнительно гораздо более войск, чем другое; одно обращает главное внимание на сухопутные войска, другое на флот», материальные средства государства, такие как территория, народонаселение, его численность, распределение и степень материального благосостояния, положение моральное, государственное устройство и финансы, отношение правительства к народу, а также государства к другим державам, т. е. обзор основных его сил и оценку их влияния на военную мощь государства. Таким образом, первый этап охватывает в самом сжатом виде сущность всеобщей статистики в военном аспекте. Второй этап – это исследование устройства, состава, структуры сухопутных и военно-морских сил, средств и способов их содержания, снабжения, подготовки к предполагаемым боевым действиям, «...должно обратить внимание на состояние войск <...> строевое и нравственное; сравнить качества и недостатки армий тех государств, между которыми может быть предполагаема война; наконец необходимо даже коснуться состояния теории военного искусства и господствующих идей относительно образа действий» [13, с. 61]. Третий этап представлял собой частное исследование стратегического положения государства по вероятным театрам боевых действий, учет различных предполагаемых целей, климатических условий [13, с. 62]. Д. А. Милютин объяснил, в чем заключается основная цель стратегического исследования театра боевых действий – в определении общего значения «...местных данных в отношении к первоначальным военным предположениям



и планам компании» [13, с. 64]. Будущий реформатор рекомендовал в полной мере скрупулезно проанализировать предполагаемые театры военных действий каждый по отдельности между потенциальными противниками. Д. А. Милютин предлагал это сделать следующим образом: во-первых, необходимо, оценив положение воюющих государств, их географические и политические особенности, возможности установления союзнических и нейтральных отношений с другими державами, обозначить относительные границы общего театра боевых действий и распределить его на частные театры; во-вторых, нужно произвести с военно-географической точки зрения обзор существующего пространства – описать общие территориальные условия, определяющие степень их удобства для перемещения, активных действий войск, систему коммуникаций, населенных пунктов, особенно укреплений и крепостей, а также их снабжение; в-третьих, после этого необходимо приступить к стратегическому исследованию театра войны. При таком анализе следует учитывать только данные, имеющие отношение к собственно театру боевых действий, и впоследствии их возможно заблаговременно исследовать. Это именно те данные, на которых предварительно основывается план кампании и они даже в мирное время могут указать правительству, какие меры будут оптимальными как для приготовления к войне, так и для укрепления системы обороны государства. В данном разборе, как правило, определялись достоинства и недостатки географических объектов для конкретного воюющего государства. Естественные рубежи, такие как реки и озера, горные хребты, морское побережье, политические границы, многочисленные населенные пункты, значимые в политическом отношении или как мощные укрепления, пути сообщения, в том числе и железнодорожные, средства к снабжению и действию войск – все это могло бы иметь как положительное, так и отрицательное влияние на боевые действия. Это также способно усилить или ослабить оборону и выявить слабые или сильные стороны государства. Стратегический анализ, таким образом, позволял державе определить общие преимущества и недостатки такого театра боевых действий и разработать дальнейшую стратегию.

Д. А. Милютин при создании такой работы сделал упор на то, что необходимо подробно и основательно проанализировать события прошлого и критически объяснить все обстоятельства и данные, которые могли влиять на результаты. Без этого легко можно было бы ошибиться и приписать эти результаты совсем не тем причинам и действиям, от которых они действительно зависели, таким образом, можно было бы прийти к неверным выводам [13, с. 66–67].

В предисловии ко второй книге «Первые опыты военной статистики» Дмитрий Алексе-

евич сделал акцент на то обстоятельство, что 1848 г. для Западной Европы являлся периодом свершившихся буржуазных революций и вследствие этого военно-статистические исследования приобрели практическое значение [14, с. IX]. Изучение государств – ведущих держав Западной Европы, с точки зрения военной статистики, представлявшее интерес прежде только для узкого круга исследователей как специальный предмет, привлек внимание каждого, кто следил за событиями современности. Именно таким образом Д. А. Милютин оправдывал выход 2-го тома своего труда «Первые опыты военной статистики». Дмитрий Алексеевич отмечал, что главная цель данного исследования заключалась в том, чтобы показать, в чем должна состоять военная статистика, каких результатов можно было ожидать от этой отрасли исследований. Д. А. Милютин отмечал, что военная статистика могла бы также решать, с практической точки зрения, административно-хозяйственные, политические вопросы и в мирное время – строительство новых портов, каналов со шлюзами, железных дорог, т. е. всей разветвленной системы водных и сухопутных коммуникаций и других важных стратегических объектов. Ее также нужно принимать в расчет для проведения внешней политики государства, подписания официальных документов, урегулирования вопросов спорных территорий и т. д. [13, с. 68–69]. Примечательно, что все новейшие данные о современном состоянии тогдашнего военного потенциала каждого государства профессор Императорской Военной Академии Д. А. Милютин получал исключительно только в Департаменте Генерального Штаба или в канцелярии военного министра, обращаясь туда с личными просьбами. В то время при некоторых российских посольствах за рубежом, в частности, во Франции, Пруссии, Австрии, Швеции и Турции, состояли в штате в качестве сотрудников офицеры (в Париже – полковник Б. Г. Глинка-Маврин, в Берлине – генерал-майор Свиты Его Императорского Величества граф К. К. Бенкендорф, в Вене – полковник граф Э. Г. Стакельберг, в Стокгольме – генерал-майор К. А. Бодиско, в Константинополе – полковник граф Д. Е. Остен-Сакен), которые под видом «военных корреспондентов» собирали сведения о том, какие нововведения внедрялись в иностранных армиях. Дмитрий Алексеевич в своих «Воспоминаниях» отмечал, что «... в самом Военном министерстве часть военно-статистическая вовсе не была организована» [3, с. 143]. Данные лица доставляли сведения в виде записок и получить их для исследования было очень затруднительно, так как они считались секретными и использовались очень узким кругом лиц. Ему удалось как штаб-офицеру для особых поручений при военном министре удовлетворить свою просьбу с помощью главы этого ведомства, которая заключалась в том, что для пользы



читаемого курса военной статистики в Академии необходимо было иметь возможность пополнения новейшими в то время сведениями о вооруженных силах иностранных держав. Д. А. Милютин 5 августа 1850 г. представил через директора канцелярии Военного министерства генерала-адъютанта барона П. А. Вревского записку военному министру князю А. И. Чернышеву «О собрании статистических и военных сведений о разных иностранных государствах», в которой он предложил организовать сеть специальных военных агентов в столицах ведущих европейских держав, где они обязаны были постоянно собирать данные о военном потенциале указанных государств, а также необходимо было учредить в Военном министерстве военно-статистический комитет, где присылаемые агентами сведения распределялись бы в соответствующем порядке [17, л. 5–12].

Двухтомный труд Д. А. Милютина «Первые опыты военной статистики» просвещенные и прогрессивные круги российского общества оценили по достоинству. Даже такой обскурант, каким являлся директор Академии, генерал-адъютант И. О. Сухозанет в своем рапорте военному министру князю А. И. Чернышеву от 21 октября 1848 г. докладывал, что такое научное исследование полковника Д. А. Милютина привнесло новизну в развитие российской военной науки и он этим самым опередил своих коллег-исследователей Западной Европы и «Нового Света» [18, с. 35]. Данная военная наука и как учебная дисциплина, преподаваемая в Императорской Военной Академии Д. А. Милютиным, дала возможность не только офицерам-слушателям, но и другим читателям познакомиться с описанием губерний Российской империи, их развитием в социально-экономическом, политическом, культурно-религиозном аспектах и узнать в общих чертах, какие преобразования проходили в других государствах, особенно в ведущих державах мира.

Бесспорно, российская военная статистика, созданная министром-реформатором, явилась важной по значимости наукой, отвечавшей требованиям военной науки XIX – начала XX в. По мнению российского военного исследователя Е. Ф. Морозова, целое направление в данной сфере, созданное Д. А. Милютиным («милютинская школа»), привнесло в российскую геостратегию грамотно разработанную методику. Она была внедрена в государственный аппарат управления Российской империи в тот период, когда германская и англосаксонская школы только-только формировались [19]. Что же касается Императорской Военной Академии, позже называвшейся по Указу императора Александра II Правительствующему Сенату от 30 августа 1855 г. Николаевской Академией Генерального Штаба, то при Дмитрие Алексеевиче Милютине она стала своеобразной «кузницей» военно-научных

кадров Российской империи [7, с. 128–129]. В ней проходили обучение такие впоследствии известные военные деятели, как генерал от инфантерии с 1887 г., профессор Н. Н. Обручев (в 1881–1897 гг. начальник Главного штаба), генерал от инфантерии с 1891 г., профессор М. И. Драгомиров (с 1 апреля 1878 по 13 августа 1889 г. начальник Академии), генерал от инфантерии с 1896 г., профессор Г. А. Леер, военный теоретик и историк (с 13 августа 1889 по 17 августа 1898 г. начальник Академии) [20]. Диплом слушателей Академии являлся наиболее предпочтительным для занятия любой государственной должности. Этому способствовало учреждение особого учебного курса, на который принимались офицеры, проявившие выдающиеся способности на первых двух и они по окончании Академии получали звание «офицер Генерального Штаба» с особыми знаками различия и рядом преимуществ по служебной карьере [20].

Необходимо отметить, что научные работы Д. А. Милютина положили начало глубокому и всестороннему военно-статистическому описанию губерний страны в виде многотомного «Военно-статистического обозрения Российской империи». Затем выпустили «Военный ежегодник армии», выходявший с 1868 г. (с 1869 г. стал называться «Ежегодник русской армии»), в котором помещались, кроме сведений по боевому составу вооруженных сил, и другие значимые статистические данные, имеющие отношение к численности личного состава армии, его изменения в течение года, медико-санитарное состояние по военным округам, национальный состав, семейное положение, уровень грамотности и т. д. [21]. Все это явилось естественным процессом становления военно-статистической мысли в империи, вызванной всем ходом исторического развития Российского государства и его вооруженных сил.

Список литературы

1. Милютин Д. А. Дневник. 1879–1881. М. : РОССПЭН, 2010. 600 с.
2. Милютин Д. А. Дневник. 1873–1875. М. : РОССПЭН, 2008. 440 с.
3. Воспоминания генерала-фельдмаршала графа Д. А. Милютина 1843–1856. М. : Студия «ТРИТЭ»: РИО «Российский архив», 2000. 528 с.
4. Белов К. В. Д. А. Милютин: преобразования в подготовке нового офицерского корпуса // Клио. 2014. № 12. С. 112–115.
5. Белов К. В. Д. А. Милютин о зарубежной теории военной географии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 33–35. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2015-15-2-33-35>
6. Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 8. СПб. : Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1892. 480 с.



7. Исторический очерк Николаевской Академии Генерального Штаба / составил Генерального Штаба генерал-майор Н. П. Глиноецкий. СПб. : Тип. Штаба войск гвардии и Петербург. воен. округа, 1882. 610 с.
8. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества 1845–1895 / сост. вице-пред. П. П. Семёнов при содействии действ. чл. А. А. Достоевского : в 3 ч. Ч. I. СПб. : Тип. В. Безобразова и К^о., 1896. 472 с.
9. Елисеева И. И., Дмитриев А. Л. История российской государственной статистики: 1811–2011. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013. 143 с.
10. Журавский Д. П. Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 год. СПб. : Тип. Карла Вульфа, 1859. 228 с.
11. Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской Империи 1802–1917 гг. Биобиблиографический справочник. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. 832 с.
12. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 169. Милютин. Карт. 17. Ед. хр. 9.
13. Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики : в 2 кн. Кн. 1. СПб. : Тип. военно-учебных заведений, 1847. 248 с.
14. Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики : в 2 кн. Кн. 2. СПб. : Тип. военно-учебных заведений, 1848. 302 с.
15. ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 84. Ед. хр. 34.
16. Юркин И. Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства. М. : Наука, 2001. 333 с.
17. ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 21. Ед. хр. 32.
18. Осипова М. Н. Великий русский реформатор фельд-маршал Д. А. Милютин. М. : Animi Fortitudo, 2005. 320 с.
19. Морозов Е. Ф. Российская геополитика в ее историческом развитии. URL: http://www.stoletieru/geopolitika/russkaya_geopolitika_vozniknovenie_i_razvitihtml (дата обращения: 05.12.2014).
20. Императорская Николаевская военная академия/Русская императорская армия. URL: <http://www.regimentru/reg/VI/A/1/2.htm> (дата обращения: 10.12.2014).
21. Ежегодник русской армии на 1869 год (год второй). СПб. : Военная тип., 1869. 678 с.

Поступила в редакцию 21.11.2023; одобрена после рецензирования 30.12.2023; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 21.11.2023; approved after reviewing 30.12.2023; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 159–165
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 159–165
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-159-165>, EDN: VKVESG

Научная статья
УДК [338.436:352/354](470+571)|19|



Власть и сельскохозяйственная кооперация России в начале XX века

И. Н. Коновалов

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Коновалов Иван Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, i.n.konovалov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>, AuthorID: 169403

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения власти и сельскохозяйственной кооперации России. В первую очередь исследуется «притеснительная» деятельность центрального аппарата, который был представлен различными министерствами и ведомствами, а также деятельность местной администрации, осуществляемая институтом в лице губернаторов, губернскими комитетами по мелкому кредиту, инспекциями мелкого кредита при местных отделениях Государственного банка, земскими начальниками, полицией.

Ключевые слова: сельскохозяйственная кооперация, кооперативные съезды, Департамент полиции, губернатор, Управление по делам мелкого кредита, инспектор мелкого кредита, неблагонадежные лица

Для цитирования: Коновалов И. Н. Власть и сельскохозяйственная кооперация России в начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 159–165. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-159-165>, EDN: VKVESG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Government and agricultural cooperation in Russia at the beginning of the XX century

I. N. Konovалov

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Ivan N. Konovалov, i.n.konovалov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>, AuthorID: 169403

Abstract. The article examines the relationship between government and agricultural cooperation in Russia. First of all, the oppressive activities of the central office, which was represented by various ministries and departments, as well as the activities of the local administration, represented by the Institute of governors, provincial committees on small loans, inspections of small loans at local branches of the State Bank, zemstvo chiefs, and the police are being investigated.

Keywords: agricultural cooperation, cooperative congresses, Police Department, governor, Small Loan Affairs Department, small loan inspector, unreliable persons

For citation: Konovалov I. N. Government and agricultural cooperation in Russia at the beginning of the XX century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 159–165 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-159-165>, EDN: VKVESG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Приложение кооперативных начал к крестьянскому производству дореволюционной России было особенно эффективным. Кооперативы обеспечивали рост товарности крестьянских хозяйств, их потребность в кредитах, сбыт продукции и приобретение средств производства. С социально-экономической точки зрения кооперация больше всего подходила крестьянину. Она связывала его с рынком, с другими такими же хозяйствами и с промышленностью. Объединяя

рыночные связи отдельных хозяйств, кооперация вносила в хозяйственную деятельность крестьянина элементы коллективизма.

Важно подчеркнуть, что кооперирование сбытовых, снабженческих и кредитных операций не требовало от крестьянина отказа от единоличного хозяйства и даже способствовало его развитию [1, с. 205]. Кооперация полностью соответствовала рыночной психологии крестьянства.



К началу XX в. с помощью кооперативных организаций в России была создана эффективная система защиты интересов мелкого сельского производителя в условиях развития товарно-денежных отношений. Современная экономика страны, конечно, существенно отличается от того состояния, в котором она была в дореволюционной период. Однако исследование попытки перехода к рыночным отношениям в то время дает богатейшие возможности для извлечения уроков, необходимых для решения современных социально-экономических проблем [2, с. 81].

С возрождением подлинного кооперативного движения возникает острая необходимость в усвоении накопленного опыта, его систематизации, выделении «всего того ценного и непреходящего, что накоплено предшествующими участниками этого движения и без чего не может эффективно функционировать кооперация в современных условиях» [3, с. 5].

Отечественный кооперативный процесс с самого начала своего развития соединяет в себе два взаимоисключающих сюжета: с одной стороны, бурный рост различных видов кооперации; с другой – сдерживающую политику правительства. Каждый из этих сюжетов интересен во взаимосвязи с другим, поскольку позволяет воссоздать целостную историческую картину, оценить силы и слабости кооперативного движения не просто в развитии, а в непрерывном его противоборстве с ограничительной мощью властных органов.

Однако в сравнении с рабочей кооперацией сельскохозяйственная кооперация была в меньшей степени втянута в политическую борьбу. Об этом свидетельствуют материалы Департамента полиции МВД, губернских жандармских управлений, отчеты губернаторов. Если в губернских городах и тем более в столицах (Москве и Петербурге) уже к 1908–1910 гг. не было ни одного рабочего кооператива, соблюдающего «нейтралитет» или проповедующего невмешательство в политику, то в деревне основная масса крестьянства долгое время оставалась нейтральной. Этому во многом способствовала и охранительная политика, проводимая правительством. Так, распоряжением товарища министра внутренних дел генерала Г. М. Курлова все полицейские ведомства с 5 апреля 1909 г. приступили к составлению поименных списков неблагонадежных лиц, вошедших в состав кооперативных правлений и советов. Одним из первых был проверен считавшийся неблагонадежным Новоузенский уезд Самарской губернии. Однако оказалось, что из 236 членов правлений и советов только 8 чел. (3,3%) внушали сомнения в политической благонадежности [4, л. 144]. В Новгородской губернии насчитывалось 150 кооперативов с 736 членами. Из них, по данным охранного ведомства, 131 (17,8%) представляли опасность для государства. Число

неблагонадежных в составе правлений кооперативов не превышало 39 чел., или 5,3% от общего количества их членов [4, л. 272].

Подобные проверки в течение 1909–1910 гг. прошли в Пермской, Нижегородской, Казанской, Астраханской, Оренбургской, Вятской, Архангельской и других российских губерниях. В случае непредставления списков полиция закрывала кооперативы. По итогам губернских проверок в марте 1911 г. директору Департамента полиции была подготовлена записка, в которой говорилось, что «деятельность сельских кооперативных учреждений, благодаря материальной заинтересованности участвующих в них крестьян, является чисто экономической. Политически неблагонадежные лица в составе кооперативов заметного влияния не имеют и использовать общественные деньги на нелегальные цели вопреки воле благонадежного большинства не могут» [5, л. 71, 71 об.]. Из общего числа 11432 зарегистрированных в стране кооперативных учреждений неблагонадежные лица имелись в 750 кооперативах (6,5%), что составляло не более 1560 чел., т. е. по 2 чел. на кооператив [5, л. 71, 71 об.]. Тем не менее местным властям ставилась задача усилить общий надзор за всеми кооперативными учреждениями в деревне.

Особое внимание полиции привлекали кооперативные съезды (1908, 1912, 1913 гг.), в которых, по ее данным, активное участие принимали представители левых политических партий: эсеров, социал-демократов, кооперативных реформистов, анархистов.

Накануне Московского съезда (1908 г.) партия социалистов-революционеров распространила в местных организациях письмо, в котором рекомендовалось принять «самое живое и деятельное участие в этом съезде, поскольку он может оказать значительное влияние на деятельность кооперативных учреждений». Для организации на съезде партийной работы ЦК РСДРП командировал в Москву из Петербурга члена ЦК В. П. Ногина [4, л. 62].

Повышение интереса к съезду со стороны левых партий, естественно, вызвало беспокойство властей. Перед началом его работы председатель Совета Министров П. А. Столыпин направил московскому генерал-губернатору телеграмму, в которой предупреждал о том, что «предстоящий в Москве кооперативный съезд имеет целью противозаконное объединение существующих в империи кооперативных учреждений (потребительских, производственных обществ, ссудо-сберегательных, кредитных товариществ) и намерен подчинить их скрытому влиянию социал-демократической партии. Установите за его деятельностью тщательное наблюдение, примите меры к тому, чтобы на съезде не был создан центральный союзный орган, предупредите всякие попытки противоправительственной агитации» [4, л. 61].



После первого же дня работы съезда полиция предупредила его председателя профессора Петербургского политехнического института А. С. Постникова, что доклад В. А. Поссе, прочитанный в день открытия съезда, «содержал в себе призыв к изменению существующего строя». Московский градоначальник потребовал немедленного прекращения работы «пропагандистской комиссии» и запретил обсуждать «резолюции и поправки к ним, составленные в духе социалистических партий» [4, л. 64].

Несмотря на противодействие правительства, левые партии получили на съезде 56 совещательных голосов, причем 30 делегатов имели право решающего голоса. Известный экономист, придерживавшийся социалистических взглядов, С. Н. Прокопович был избран товарищем председателя съезда и руководителем комиссии «О положении служащих в кооперативах», секретарями съезда стали В. Ф. Тотоманц, М. Л. Хейсин, Д. М. Бобылев, П. С. Горбунов, Ю. Ю. Соколов. Комиссию «О кооперативной пропаганде» возглавила Е. О. Ленская. Комиссии С. Н. Прокоповича и Е. О. Ленской приняли более 10 резолюций, носивших, по определению полиции, «революционный характер», в том числе о праздновании 1 Мая и о том, что «в основу кооперативной пропаганды должна лечь пропаганда социализма [4, л. 12 об., 13, 43 об.]».

Полиция следила за работой каждой секции съезда. В донесении П. А. Столыпину начальник московской охраны писал: «Общее впечатление, производимое съездом, несомненно, неблагоприятное. Громадное большинство делегатов настроено революционно. Об этом свидетельствуют не только речи ораторов, но и разговоры в кулуарах [4, л. 26 об.]».

Первый съезд кооперативных организаций встретил горячее приветствие оппозиционной печати. Заграничный орган «Голос социал-демократа», вышедший в июне 1908 г. (№ 6–7), писал: «Настроение, господствующее на съезде, было крайне левое. Под конец съезда рабочая социал-демократическая и крестьянская трудовая социалистов-революционеров группы вдвоем имели почти верное большинство» [4, л. 86 об.]».

Свою оценку съезду дал и Департамент полиции в лице начальника земского отдела В. И. Бафгановского: «Нельзя безразлично относиться к свободному и бесконтрольному развитию кооперативного движения, – к ним (кооперативам), считал он, – нужно придерживаться утеснительной политики» [4, л. 62]. Более того, начальник земского отдела считал необходимым внести в циркуляр для губернаторов подготовленное Департаментом следующее указание: «При возбуждении ходатайств о разрешении новых кооперативных учреждений собирать сведения о политической благонадежности учреждений и, в случае получения сведений о неблагонадежности учредителей, стараться

отказывать в разрешении под тем или иным благовидным предлогом» кооператива [4, л. 190].

Всероссийские съезды еще раз подтвердили, что быстрое развитие кооперативного движения вошло в противоречие со сложившейся административной практикой. Кооператоры требовали принятия единого кооперативного законодательства, явочного порядка учреждения кооперативов, предоставления им права свободного объединения в союзы, признание за ними права заниматься не только хозяйственной, но и культурно-просветительской деятельностью. Это толкало их к участию в избирательных кампаниях и работе в самой Государственной Думе.

По данным Департамента общих дел, в качестве «сведущих лиц» в социал-демократическую фракцию III Государственной Думы входили кооператоры С. Н. Прокопович, Б. Р. Фроммет, М. Л. Хейсин. За работу в Думе они подвергались неоднократным обыскам и арестам, а М. Л. Хейсин был выслан на два года в Псков под гласный надзор полиции [6, л. 6 об., 7]. Факты участия кооператоров в предвыборной кампании 1912 г. неоднократно фиксировались полицией и выражались в «предоставлении льготных кредитов своим политическим единомышленникам» [7, л. 318 об.]».

В этой связи особого внимания заслуживают взаимоотношения кооперативов и государственных учреждений на местах.

В дореволюционный период правительственная политика по отношению к кооперации приобретала все более противоречивый характер. С одной стороны, правительство оказывало денежную поддержку кредитным товариществам, открывало сельскохозяйственные и потребительские общества и тем самым способствовало социально-экономическому развитию деревни, а с другой – неуклонно и последовательно отстраивало систему административного и полицейского надзора и контроля, ограничивало залоговые и посреднические операции кооперативов, консервировало феодальные пережитки.

Скрытая неприязнь, а затем и прямая враждебность к кооперативам правящих кругов особенно проявились, как уже отмечалось, после кооперативных съездов, в ходе которых отчетливо выявились оппозиционные настроения значительной части делегатов и стремление политических партий влиять на кооперативы. Рассматриваемый период представляет важную страницу в истории борьбы кооперации за самоопределение, самостоятельность, освобождение от мелочной административной опеки, против мощного бюрократического аппарата. В центре этот аппарат был представлен министерствами и ведомствами, а на местах – институтами губернаторов, губернскими комитетами по мелкому кредиту, инспекциями мелкого кредита



при местных отделениях Государственного банка, земскими начальниками, полицией. Давление на кооперативные съезды, организаторов кооперации в центре власти пытались скрыть от общественности, на местах же в полной мере проявлялось самодурство губернаторов и чиновничьего аппарата.

Рассмотрим положение кооперативных учреждений и отношение к ним местной администрации. Как уже отмечалось, основная масса кооперативов в губерниях оставалась «нейтральной». Управление самыми многочисленными учреждениями мелкого кредита осуществлялось через большой бюрократический аппарат, состоявший из чиновников разных рангов. Отчеты правительственного Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики свидетельствуют о том, что на протяжении 1905–1915 гг. он увеличился почти в 10 раз. К сентябрю 1915 г. личный состав местных инспекций мелкого кредита насчитывал 1050 чиновников, а ежегодные расходы на их содержание составляли более 3 млн руб. [8, л. 134, 144 об.]. Им вменялось в обязанность следить за деятельностью кредитных товариществ, производить в них периодические ревизии и вообще всячески руководить ими. С развитием кооперативного движения все большее и большее значение приобретала «полицейская функция» кредитных инспекторов. Они имели право не только отстранять от руководства председателей и членов правлений, но и закрывать товарищества.

В начале 1909 г. Управление по делам мелкого кредита при Государственном банке дополнило «нормальный» устав ссудо-сберегательных и кредитных товариществ пунктом, который предоставлял инспекторам право приостанавливать деятельность кредитных кооперативов, если они «найдут их неблагонадежными по своему составу и деятельности». Далее следовал циркуляр министра внутренних дел, предписывающий губернаторам и инспекторам мелкого кредита «тщательно следить, чтобы кредитные товарищества не расходовали в том или ином виде деньги на революционные цели [9, с. 18].

В этой связи Департамент полиции сделал специальное распоряжение о выяснении характера кооперативных организаций Оренбургской губернии и об установлении надзора за деятельностью потребительских обществ. Однако губернские власти не ограничились только надзором. Они практически прекратили рассмотрение дел об открытии кредитных кооперативов и начали репрессии против руководителей потребительских и сельскохозяйственных обществ.

На совещании инспекторов мелкого кредита 1908 г. глава Управления по делам мелкого кредита Л. С. Биркин, находившийся на этой должности 8 лет (1904–1912 гг.) и получивший к концу своей карьеры звание сенатора, привел множество примеров, когда губернские

комитеты «до крайности замедляли процесс возникновения товариществ» [8, л. 437, 438]. Так, в Самаре губернский комитет не собирался восемь месяцев, в Перми – более года, в Казани – более трех лет. В результате комитеты накопили десятки нерассмотренных ходатайств об открытии кредитных кооперативов. Главный инспектор мелкого кредита был вынужден назвать губернский бюрократический аппарат «тяжелым и неудачным» [8, л. 437, 438].

Еще большее противодействие деятели кредитной кооперации встречали в селах и деревнях. В Уфимской губернии, богатой кооперативными традициями, один из местных земских начальников письменно просил их оставить мысль «о распространении кредитных учреждений как праздную и вредную для населения затею, подталкивающую только к смуте». В одном из уездов Псковской губернии земский начальник заявил управляющему отделением Государственного банка, что «признает устройство кредитных товариществ излишним и не считает возможным допустить их распространение во вверенном ему участке» [8, л. 443].

По инициативе крестьян и интеллигенции в 1912 г. при станции Воскресенке, деревнях Бессоново и Усодиши Казанской губернии были созданы общества потребителей. Однако под давлением лавочников и торговцев местный земский начальник Юрьев начал преследование руководства и членов обществ. Все ближайшие волостные правления получили его строжайший приказ «запретить местному населению участвовать в «жидовских учреждениях». Староста деревни Бессоново, по указанию Юрьева, был подвергнут пятидневному аресту за то, что не смог отговорить крестьян от вступления в кооператив [10, с. 358–359]. Подобные примеры были типичными для Самарской, Астраханской, Оренбургской, Олонецкой и других губерний.

Институт земских начальников был введен 12 июля 1889 г. Они обладали всей полнотой судебной и административной власти в крестьянском управлении. На первом Самарском съезде кредитных товариществ в феврале 1905 г. его делегаты-крестьяне потребовали у представителя Управления мелкого кредита А. А. Беретти и управляющего местным отделением Государственного банка А. К. Ершова «снять опеку, тяготеющую над всеми сторонами крестьянской жизни и отменить институт земских начальников» [11, с. 105–106].

В отдельных губерниях прекращается даже рост сельскохозяйственных обществ, так как из-за преследований местной администрации они несли большие убытки. Например, в Саратовской губернии по этой причине в 1908–1909 гг. закрылись Озерское, Планское, и Дубовское сельскохозяйственные общества [12, л. 9, 10, 23].



В большинстве случаев администрация, закрывая общества, исходила из общих соображений «охраны общественного порядка и безопасности». Например, Богородское сельскохозяйственное общество Вятской губернии было закрыто за неизвещение полиции о собрании, на котором рассматривался вопрос о травосеянии. Вахминское общество уездный исправник закрыл «за вредную для общественного порядка и спокойствия деятельность» [13, с. 130]. Существующим же обществам администрация систематически не разрешала созывать общие собрания. Серьезным преследованиям подвергались кооперативы, которые пытались заниматься культурно-просветительской деятельностью. В Архангельской губернии Соломбальское потребительское общество было закрыто после того как общее собрание приняло постановление об «отчислении из чистой прибыли средств на открытие библиотеки и устройство лекций для членов общества» [13, с. 130].

Случаи произвола администрации в отношении кооперативов были отмечены «Союзом потребителей» и в самой кооперативной губернии России – Вологодской. В 1910 г. в ряде ее уездов после безрезультатных обысков произошли аресты руководителей кооперативных учреждений. Так, в деревне Горбово Вологодского уезда был взят под стражу председатель и секретарь потребительского общества, в Грязовецком уезде полиция арестовала председателей Мироносицкого потребительского общества, кредитного товарищества и секретаря Ребровского общества потребителей. Несколько позже были задержаны председатель и секретарь Говоровского кредитного товарищества. Как правило, никому из них не предъявлялось никаких обвинений. Аресты совершались в порядке «профилактики». Были случаи, когда кооператор попадал в «кутузку» из-за неосторожного высказывания. При открытии в селе Новожуковке Вольского уезда Саратовской губернии сельскохозяйственного общества земский агроном Кусков сказал, что оно «может обсуждать не только сельскохозяйственные, но и государственные вопросы». За такую «революционную агитацию» он был сразу же арестован местным приставом [14, с. 37].

Из-за отсутствия специального кооперативного закона о потребительских обществах главы губернских администраций часто брали на себя функции законодательного органа. Вятский губернатор разрешил в 1913 г. открытие Сосновского потребительского общества, существенно изменив при этом текст правительственного устава 1897 г. В губернаторской редакции право на участие в кооперативах были лишены «всякого рода общества, учреждения, товарищества, артели, попечительства, школы и т. п.» [15, с. 821].

Таким образом, многочисленные местные учреждения не могли оказать содействие в становлении молодых крестьянских кооперативов. Еще дальше пошел архангельский губернатор, утверждая устав Нимельчского общества потребителей Онежского уезда. Он ввел новый пункт в устав общества, совершенно незаконно ограничивающий вступление в него лиц, состоящих под надзором полиции [15, с. 822]. Однако верхом самоуправства являлись действия пензенского губернатора, который своим распоряжением не только запретил принимать в кооперативы поднадзорных, но и изгнал из них всех, кто «скомпрометировал себя перед властью каким бы то ни было образом» [16, л. 8].

Анализ политики государственных учреждений по отношению к кооперативному движению свидетельствует о том, что политические мотивы заставляли государство сдерживать развитие кооперативной деятельности. Однако чиновники не могли не учитывать хозяйственный потенциал сельскохозяйственной кооперации и ее значение для укрепления материального положения крестьянства. В конце концов соображения экономического порядка перевешивали политические опасения государственников, и кооперативы начинали свою деятельность.

В регионах России имелся большой исторический опыт развития коллективного хозяйства (через общину, сельский мир, различные артели по совместной обработке земли, «супряги»), и крестьяне сравнительно легко восприняли как саму кооперативную идею, так и опыт кооперативного строительства. Почему же отношение самодержавной власти к кооперации было весьма прохладным, а порой и враждебным? Скорее всего, система государственной власти традиционно была направлена против возникавших общественных организаций и движений, правительство не желало передавать хоть малую часть своих полномочий в руки кооперативных учреждений.

К тому же мощный рост кооперативных организаций после революции 1905–1907 гг. напугал правительство. Присутствующий на Киевском съезде представитель канцелярии киевского генерал-губернатора Крылов писал, что «кооперативное движение способно изменить существующую социально-экономическую форму, сплотить и объединить на основе духовных и материальных интересов народную массу преимущественно крестьянского, рабочего и ремесленного населения, с постоянной функционирующим органом во главе, регулирующим и направляющим все движение. Такая народная масса будет представлять большую моральную, физическую и материальную силу, с которой придется серьезно считаться» [16, л. 22, 22 об.].

Подобные характеристики кооперативного движения давались вологодским губернатором



А. Н. Хвостовым, новгородским – П. П. Башиловым, самарским – В. В. Якуниным, Министерством внутренних дел [16, л. 74 об.].

В 1910-е гг. на местах началось широкое союзное строительство, ознаменовавшее следующий этап качественного роста кооперативного движения. Важным шагом в деле организации государственной помощи кооперации было утверждение министром финансов 13 июля 1911 г. уставов девяти союзов учреждений мелкого кредита. В новом уставе закреплялась цель регионального союза, которая заключалась в «установлении и развитии постоянных сношений между вошедшими в него товариществами и совместной их деятельности, направленной к наиболее успешному достижению их задач» [17, с. 210]. Первым в Самарской губернии стал Кинель-Черкасский Бугурусланского уезда Союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, начавший свою деятельность 22 ноября 1915 г. и объединивший 17 товариществ [17, с. 211–212].

Вместе с тем, как отмечают исследователи кооперативного движения, «каждое ходатайство об организации союза рассматривалось в чрезвычайном порядке через Совет Министров, причем отношение к вопросу постоянно менялось и были годы, когда кооперативные союзы не разрешали вовсе. Препятствия обычно возникали на первом этапе пути – в губернских комитетах по делам мелкого кредита, которые очень часто без всякой мотивации отказывали в удовлетворении ходатайства о союзах. Но даже положительные решения губернских комитетов не обеспечивали решения союзов, так же, как и решение Центрального комитета» [17, с. 208].

После массового образования различных общественных организаций правительство продолжало считать кооперативное движение опасным. Недоверие к нему правящих кругов объяснялось и тем, что объединение кооперативов в союзы совпало с ростом интереса к движению левых политических партий. В этой связи новые материалы приводят самарские исследователи. К примеру, в феврале 1915 г. начальник Самарского жандармского управления сообщал самарскому губернатору о том, что «Второе потребительское общество в г. Самаре с начала его существования – с конца 1910 года служит местом сосредоточения лиц неблагонадежных в политическом отношении, через членов этого общества, а главным образом через приказчиков его лавки шла подписка на газеты левого направления, издававшиеся явочным порядком в Петрограде и Москве, кроме того лавка также служила справочным бюро для приискания мест лицам, высылаемым в г. Самару под гласный надзор полиции» [17, с. 176].

О. А. Безгина отмечает, что в 1916 г. конторщиком в потребительском кооперативе «Самопомощь» работал известный большевик

В. В. Куйбышев, бежавший из иркутской ссылки и проживавший в Самаре с марта по 18 сентября 1916 г. Кстати, еще на первом организационном собрании общества «Самопомощь» в 1915 г. были выдвинуты такие политические требования, как установление всеобщего избирательного права, полномочного народного представительства, свободы союзов, слова, собраний печати, неприкосновенности личности» [18, с. 209].

Следует иметь в виду, что Министерство внутренних дел обычно преувеличивало как степень революционности кооперативных руководителей, большинство которых в сложившихся условиях фактически придерживались принципа «нейтральности» кооперации, так и глубину и массовость политических настроений рядовых членов кооперативов. В действительности радикальных взглядов придерживалась небольшая группа рабочих независимых кооперативов, в которых закрепились партийные комитеты большевиков. Сельскохозяйственная же кооперация в своем большинстве была аполитичной. Непродуманная политика правительства привела к тому, что многомиллионные массы членов кооперации не стали его опорой. Власть упустила шанс решительной и последовательной реформой кооперативного законодательства приблизить к себе кооперативное движение. Своей неуступчивостью она подталкивала кооперативы под знамена крайне левых партий. Психологически продворянское правительство не смогло воспринять в новой силе, возникшей в стране, своего союзника.

Список литературы

1. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М. : Наука, 1979. 359 с.
2. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1891–1930. Иваново : Ивановский государственный университет, 2002. 598 с.
3. Файн Л. Е. Отечественная кооперация: Исторический опыт. Иваново : Ивановский государственный университет, 1994. 276 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102 (Департамент полиции МВД). 1908. Д. 121. Т. 3, ч. 2.
5. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 376. Т. 2, ч. 1.
6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284 (Департамент общих дел). Оп. 188. Д. 262.
7. РГИА. Ф. 1276 (Совет Министров). Оп. 11. Д. 329.
8. РГИА. Ф. 395 (Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики). Оп. 1. Д. 1152 (6).
9. Юрин Т. Отношение властей // Союз потребителей. 1910. № 1. С. 15–41.
10. Биркин Л. Неожиданное затруднение // Союз потребителей. 1912. № 14–15. С. 341–374.



11. Юрин Т. Институт земских начальников // Союз потребителей. 1905. № 4. С. 99–106.
12. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 2 (Саратовское губернское правление). Оп. 1. Д. 8785.
13. Анофриев В. Закрытие союзного общества // Союз потребителей. 1905. № 5. С. 125–138.
14. Юрин Т. Сельскохозяйственные общества // Союз потребителей. 1906. № 2. С. 25–44.
15. Биркин Л. Что город, то норы // Союз потребителей. 1913. № 29. С. 812–844.
16. РГИА. Ф. 1291 (Земский отдел). Оп. 54. Д. 14.
17. Наш край. Хрестоматия для преподавателей истории СССР и учащихся старших классов средней школы / сост. : М. А. Ганина, Ф. П. Захарова, К. А. Катренко, К. А. Медведев. Куйбышев : Издательство Куйбышевского областного института усовершенствования учителей, 1966. 408 с.
17. Безгина О. А. Кооперативное движение Поволжья в конце XIX – начале XX века: взаимодействие власти и общества. Тольятти : Издательство ТГУ, 2018. 306 с.

Поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 166–172

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 166–172

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-166-172>, EDN: RUBYJU

Научная статья

УДК [329.78:37](47+57)|192|



Пионерская литература 1920-х годов как воспитательная практика советской власти

О. А. Титова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34

Титова Ольга Андреевна, аспирант кафедры российской истории, karevaolga.smr@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3083-4831>, AuthorID: 1197847

Аннотация. В статье анализируется литература пионерской организации с целью отображения основных принципов государственной воспитательной политики в отношении детей в 1920-е гг. Рассматриваются основные виды пионерской литературы 1920-х гг.: организационная документация, в частности Устав пионерской организации, периодическая печать, художественная литература, пионерский фольклор (речевки, песни и т. д.). Исследована специфика литературных текстов пионерской организации на региональном уровне на примере самарской пионерской организации, а также обозначены их основные смысловые составляющие.

Ключевые слова: пионерская организация, пионерская литература, идеология, советское воспитание, история детства

Для цитирования: Титова О. А. Пионерская литература 1920-х годов как воспитательная практика советской власти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 166–172. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-166-172>, EDN: RUBYJU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Pioneer literature of the 1920s as an educational practice of the soviet Government

O. A. Titova

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Ol'ga A. Titova, karevaolga.smr@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3083-4831>, AuthorID: 1197847

Abstract. The article analyzes the literature of the pioneer organization in order to display the basic principles of the state educational policy for children in the 1920s. The main types of pioneer literature of the 1920s are considered: organizational documentation, in particular, the Charter of the pioneer organization, periodicals, fiction, pioneer folklore (chants, songs, etc.). The specifics of the literary texts of the pioneer organization at the regional level are studied on the example of the Samara pioneer organization, and their main semantic components are also indicated.

Keywords: pioneer, pioneer literature, ideology, Soviet upbringing, childhood history, education system

For citation: Titova O. A. Pioneer literature of the 1920s as an educational practice of the soviet Government. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 166–172 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-166-172>, EDN: RUBYJU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Пионерское движение, развернувшееся в СССР в 1920-е гг. представляло собой социальное, психолого-педагогическое и историческое явление, которое было предназначено оказать воздействие на личность ребенка для формирования в детях новой советской идентичности. Создание пионерских отрядов было первым опытом целенаправленной, социальной организации детской среды в жизни послереволюционной России, наполненной политическими и социально-экономическими катаклизмами, а также культурными новациями. Пионерское движение ставило своей целью развитие среди детей

и подростков социалистических ценностей, таких как патриотизм, коллективизм, верность заветам Великой Октябрьской социалистической революции. Все пионеры были активными участниками спортивных, культурных мероприятий, общественных работ и т. п. Организация воспитывала чувство единства и долга перед партией и страной, а также готовила молодых людей стать членами нового социалистического общества с активной жизненной позицией. В 1920-е гг. понятие «система пионерской работы» в литературе, посвященной пионерской организации, как правило, отождествлялось с понятием «система



воспитания пионеров». Первыми исследователями, отмечавшими специфический социально-педагогический потенциал пионерской организации, были Н. К. Крупская [1], В. А. Зорин [2], М. В. Крупенина [3] и др.

Данная работа построена с опорой на идеи Ю. М. Лотмана о тексте как генераторе смыслов, о единстве его структурных, коммуникативных и прагматических аспектов [4]. Возможность задавать художественным текстам «исторические вопросы» возникла в результате переосмысления литературоведения в пользу семиотики. В 1970-х гг. литературоведы, опираясь на опыт формалистов, которые когда-то отрицали реальную критику, увидели в литературном тексте, прежде всего, структуру – продукт внутренней организации. Однако в так называемой реальной жизни и в человеческой личности они также видели структуру. Этот подход был сформулирован Л. Гинзбург, рассматривавшей человеческую личность как продукт организации (отбора, корреляции и символической интерпретации) элементов жизненного опыта, т. е. как структуру, построенную с помощью того же метода, которым пользуется искусство [5]. В словесных произведениях наиболее полно реализуется принцип организации. Когда литературные структуры, исполненные концентрированной энергией организации, проецируются в поток человеческой жизни, они проявляют и в нем четкую, осмысленную структуру [6, с. 8–9]. Отсюда следует, что литературе пионерской организации принадлежит особая роль в формировании, упорядочении и определении жизни детей в новом социалистическом обществе.

В рамках семиотического подхода пионерская литература выступает в качестве некоей структуры, задача которой – создание новых смыслов. Главным свойством текста становится активность. Следовательно, литература пионерской организации перестает быть лишь пассивным звеном передачи некоторой константной информации, она активно структурирует новую социальную реальность [7, с. 294–309].

Вербальная культура пионерии, начиная с малых форм (девизы, лозунги, речевки) и заканчивая крупными литературными произведениями (проза, драматургия), публиковавшимися как в детских периодических изданиях, так и в методических пособиях для воспитателей, мало исследована. В данной работе литература пионерской организации рассматривается с целью отображения основных принципов государственной воспитательной политики в отношении детей в 1920-е гг.

Агитационная литература в годы формирования пионерского движения была адресована всем детям без возрастных ограничений, так как предполагался массовый охват возможных членов формирующейся организации. В 1920-е гг. в пионерские отряды принимались дети от 10

до 16 лет, при том что в комсомол можно было вступать с 14-ти. Это было сделано специально, чтобы в детских организациях формировалось «твердое комсомольское ядро» [8, с. 14]. Литература пионерской организации была направлена, прежде всего, на усвоение детьми коммунистической идеологии, на пропаганду патриотизма, культивирование ценностей коллективизма, солидарности и лояльности по отношению к государству, в частности к коммунистической партии. Пионерские литературные тексты достаточно многообразны и представлены разными жанрами. Так, в состав пионерской литературы входят произведения, которые имеют традиционную для литературоведения жанровую атрибуцию: песни, пьесы, стихотворения и т. д. Они являются центральными произведениями пионерии. В то же время реальная ритуальная практика пионерской организации потребовала создания текстов, отнесение которых к литературным невозможно, так как они составляют периферийное поле афористических жанров (призывы, девизы, лозунги, речевки) [9, с. 4].

Непосредственно идеологическая концепция пионерской организации была изложена в **Уставе**, представленном в мае 1922 г. на II Всероссийской конференции Российского коммунистического союза молодежи. Согласно тексту документа поощрялось участие в социальной и добровольческой деятельности пионеров на благо общества; пропагандировались дружба и сотрудничество между пионерами разных национальностей; уделялось внимание дисциплине и организаторским способностям пионеров. Устав пионерской организации состоит из смысловых разделов, таких как «Призыв», «Обещание», «Законы» и «Обычаи пионеров» [10, с. 12–13]. Часто разделы использовались по отдельности и публиковались в газете «Ленинские искры», журнале «Вождь» и других как самостоятельные тексты [11, 12]. Устав транслировал идеальный образ пионера, к которому должны стремиться все члены пионерской организации. С помощью употребления и повторения таких слов, как «пионер», «труд», «работа» и т. д., выражались государственные идеологические ценности: «*пионер верен делу рабочего класса*», «*пионер трудолюбив и уважает полезный труд*», «*пионер умеет работать коллективно при любых условиях*» [10, с. 13]. На протяжении 1920-х гг. создавались стихотворные формы на основе текстов Устава и законов пионерской организации. Стихотворные строчки легко запомнились и стремительно распространялись в пионерской среде. В печать вышли произведения В. Карийского («Азбука пионера», 1925), А. Михайловского («Будь готов! Всегда готов!», 1925), Л. Савельева («Пионерский устав», 1926) и др. [13, с. 76]. Так, «Пионерский устав» Л. Савельева содержит стихотворные строчки



пионерского закона ««Пионер не ругается, не курит и не пьет»: *«Разве годен к делу тот, / Кто бранится, курит, пьет? / Накурился / Табаку, – / И лежишь / На боку: / Целый день, как паровоз, / Дым пускаешь через нос! / Если ты с бутылкой дружен, / Пионерам ты не нужен. / Как пойдешь под барабан, / Коли ты, братишка, пьян? / Надо с трезвой головою/Быть всегда готовым к бою»* [14]. В стихотворных формах авторы повествовали о задачах движения и раскрывали сущность законов пионерии. Кроме того, подобные книжки-плакаты, книжки-агитаторы призывали маленького читателя к действию, старались мобилизовать его сознание по дидактической прямой: *«Ты не станешь коммунарком, / Если время тратишь даром»* [14].

К афористическим пионерским текстам относятся **девизы и речевки**. Девиз в афористичной форме передавал идейное кредо пионерского отряда. *«К борьбе за рабочее дело будь готов!»*, и далее следовал ответ: *«Всегда готов»*. Эти слова обязательно подкреплялись пионерским салютом, тем самым подтверждая верность сказанных слов. Девиз пионерской организации воплощает в себе стойкость и решимость в прокладывании новых путей и преодолении грядущих проблем. Чаще всего в девизах пионерских отрядов использовались слова: *«бороться»*, *«готов»*, *«наше будущее»* и т. д. Весьма популярным был девиз: *«Бороться и искать, найти и не сдаваться»*, который определял решающую роль пионеров в борьбе за светлое будущее. Пионерские речевки в 1920-е гг. обычно прославляли такие качества, как смелость и настойчивость, помогая поднять боевой дух и укрепить чувство товарищества. Например, *«Мы горластые, мы вихрастые, / Нам не нужен души покой. / Мы романтики, мы мечтатели, / Пионерский отряд боевой»* [15, л. 92] или *«Раз-два! Три-четыре! / Три-четыре! Раз-два! / Кто шагает дружно в ряд? / Это – смена комсомола, Пионерский наш отряд!»* [15, л. 93].

Лозунги были рекомендованы центральным комитетом ВЛКСМ и рассылались по местным бюро: *«Дети – цветы коммунизма. Коммунизм – не победим»*, *«Юные пионеры – передовой отряд пролетарских детей»*, *«Кто за красный шар земной – за мной»*, *«Рабочие дети – в школу»* [16, л. 23]. Такие слова, как «красный», «коммунизм», «рабочий», присутствуют практически в каждом лозунге.

Периодическая печать была одним из самых действующих способов распространения и внедрения советских ценностей в детское сознание. В стране издавали газету «Пионерская правда», журналы «Барабан», «Вожатый», «Пионер» и др. Так, проведение IX Международной детской недели в 1929 г. в г. Самаре должно было обязательно сопровождаться распространением периодической литературы: «Пионерской правды», «Пионер», «Дружные ребята»

[17, л. 71]. Кроме того, согласно распоряжению одного из районных комитетов ВЛКСМ Самары необходимо было «организовать подписку на немецкий пионерский журнал «ТРОММЕЛЬ» («Барабан»), выучить одну песню немецких пионеров из сборника «Их бин айн юнгер» [17, л. 146]. Часто проводились целые соревнования на лучшего распространителя «Пионерской правды» и журнала «Будь готов!» [18, л. 16]. Пионеры на школьных собраниях, на собраниях родителей, у себя в отрядах, по клубам агитировали подписываться на «Пионерскую правду», обязательно разъясняя значение этой газеты [19, л. 85]. Каждому пионеру было рекомендовано иметь подписку на журнал и по их количеству делались соответствующие выводы о численном составе пионерских отрядов: «К концу года тираж «Пионер-правды» достиг 1350 экземпляров – значит столько пионеров стало в губернии» (Самарской) [19, л. 87]. В газетах и журналах освещались деятельность пионерской организации, опыт отрядов, стихи и песни, традиции и обычаи юных коммунистов. Например, еще до нового организационного положения 1923 г. в журналах публиковались предложения по законам, традициям и обычаям организации: *«Каждый пионер должен помнить, что только теперь ему дана возможность хорошо учиться и, если он не использует этой возможности, он совершает преступление против самого себя и всех пролетарских детей, место которых он занимает в школе... Пионеры моются тщательно, не забывают мыть шею и уши, чистят зубы и помнят, что зубы – друзья желудка. Пионеры не держат руки в карманах, ибо пионер, держащий руки в карманах – не всегда готов. Пионеры-девочки не завиваются, не употребляют косметики, но носят каблуки и мирятся с подружками до захода солнца того же дня»* [20, л. 15–16].

Литературные произведения, создаваемые для детей Советской России, представляли наиболее идеологизированный текст. Формирование новой детской литературы совпадает с периодом создания пионерских отрядов (1922 г.). Известны основные издательства, занимающиеся выпуском литературы для детей: «Молодая гвардия», «Новая Москва», «Радуга», «Юный ленинец», Издательство Г. Ф. Мириманова, ГИЗ и др. Авторы стремились создать так называемую «новую детскую литературу» в идеологических рамках, удовлетворяя при этом не только государственные, но и потребительские запросы [21, с. 100]. Необходимость создания особой литературы для пионеров впервые была обозначена в резолюции XIII съезда партии (май 1924 г.): «Необходимо приступить к созданию литературы для детей под тщательным контролем и руководством партии, с целью усиления в этой литературе моментов классового, интернационального трудового воспитания. В частности, развернуть дело издания пионерской



литературы, привлекая к этой работе в помощь комсомолу партийные, профессиональные и советские организации» [22, с. 436]. Таким образом, была поставлена задача сформировать «особую» пионерскую литературу, которая будет поддерживать существование самой пионерской организации, обеспечивать ее коллективность.

Важной проблемой является изучение пионерской литературы в контексте детского чтения, причем не только с точки зрения исследования того, что читали дети, но и главным образом того, как они понимали прочитанное и оценивали его [23, с. 40]. Для этого вводились специальные ритуальные практики, например, «Беседы у костра», где пионеры читали литературные произведения, а после обсуждали их вместе с вожатыми. В лагерях «Беседы у костра» проводились ежедневно длительностью 1,5–2 ч [17, л. 78]. Кроме этого, некоторые пионерские отряды имели специальные «читальни», служившие местом сбора пионеров во время проведения чтений, а также разучивания коллективных декламаций и песен [17, л. 83].

Создателями пионерской словесности во многих случаях становились бывшие скауты, подключившиеся к работе в пионерской организации: В. Зорин, М. Стремяков, Я. Смоляров, В. Попов и др. [24, с. 21]. Весьма распространены были тексты, в которых открыто критиковалась скаутская организация, несмотря на тот факт, что при создании пионерской организации на местах многие организаторы использовали скаутскую литературу в связи с отсутствием официальных методических рекомендаций. Юным пионерам на страницах газет объяснялось, что скаутинг – чисто буржуазная организация подростков, стремившаяся развить в них личные индивидуальные качества и черты и убивавшая классовое равенство в детях рабочих, воспитывая преданных рабов буржуазного государства и капитала. Самым ярким показателем буржуазности, по мнению авторов, является скаутский салют «За веру, за царя и отечество» [20, л. 17]. Утверждалось, что смешивает пионеров и скаутов исключительно тот, кто не знает сущности пионеров, а «смешивать пионеров и скаутов то же самое, что смешать партию коммунистов и фашистов» [20, л. 18]. Разъяснительные статьи были особенно популярны в 1923 г. в связи с изъятием Петроградской пионерской организации от скаутского уклона.

Многие прокоммунистические поэты и писатели откликнулись на запрос по созданию новой пионерской литературы и публиковали порой нелепые строки: «Должен каждый член звена / Исполнять обычаи: / Не курить, не пить вина, / Соблюдать приличие...» [25, с. 7] или: «В клубе юных коммунистов Маркса вам прочтут, / Там научитесь вы целью жизни ставить труд. / Ты, мой маленький малюток, много книг прочтешь. / Полный силы, с капиталом на борьбу

пойдешь.» [17, л. 67]. После таких строк пионер становился частью массы, которая имела свой единый ритуал и ориентировалась на политические идеалы и ценности.

Публиковались и драматические миниатюры, небольшие по объему, что позволяло выпускать их в номерах журналов и газет. Пионерские пьесы транслировали образ жизни юных пионеров, их героические поступки, обыденную жизнь пионерских отрядов, деятельность пионеров в лагере и т. д. В 1920-е гг. прежде всего публиковались сатирические сцены на тему борьбы с церковью, пьянством и другими воспитательными идеями.

Заставить детей читать «правильную» литературу было достаточно сложно. Идеологические литературные тексты не всегда воспринимались «идеологически», так как их идеология «радикально переосмысливалась» [26, с. 6]. Кроме этого, восприятие идеологических текстов детьми может варьироваться в зависимости от их возраста, пола, стадии развития и подверженности различным идеям. Если на детей младшего возраста могут больше влиять явные сообщения, то дети старшего возраста могут начать анализировать, критически переосмысливать текст и подвергать сомнению лежащие в основе смыслы. На интерпретацию и понимание детьми литературных текстов влияет культурное происхождение и родительское руководство. С целью предотвращения искаженного восприятия пионерами идеологических текстов проводились различные мероприятия: «Коллективное чтение и обсуждение книг», утренники «Герои любимых книг», викторины по книгам, живые газеты «Хочу все знать» [27, л. 34]. Например, Самарское губернское бюро юных пионеров решило выпускать еженедельно устную пионерскую газету. В рекомендациях указывалось: «Устная газета отличается тем, что ее нужно хорошо прочесть. Получив газету, вы должны выделить лучших отрядных чтецов или одно звено и поручить им распределить между собою материал и хорошенько подготовиться к чтению. Распределять материал нужно внимательно: комические рассказы дать ребятам с комическим душком; стихотворения – декламаторам; чтение телеграмм – читающим четко и внятно; литературные рассказы – читающим красиво. Каждый чтец должен готовиться заранее и прочесть про себя 3–4 раза, вникнуть в содержание. Сценки и разговоры должны быть разыграны в лицах. Мотив песен должен быть заранее выучен и пропет. Лозунги необходимо читать коллективно» [28, л. 3]. Затем необходимо было отчитаться перед Губернским бюро по следующим пунктам: как прошло чтение газеты; кто читал газету; как велась подготовка к чтению; как пропели песни, отгадывали шарады; какие заметки прошли особенно оживленно [28, л. 4].



В пионерские ритуалы публичное чтение стихов вводилось «на случай», т. е. идеологический случай, с целью выражения и одновременного внушения позиции идеологического «мы» и слушателю, и самому исполнителю. Такая установка подкрепляется аудиторным восприятием текста, с одной стороны, и ораторским проговариванием – с другой стороны. Пионерское выступление не предполагало индивидуальную интерпретацию текста, так как «единственный верный вариант прочтения уже был заложен в стихотворном тексте» [29].

Литературные тексты начала 1920-х г. были перегружены идеологическим содержанием, характеризовались сильной предвзятостью, пропагандой политических взглядов, что затрудняло анализ предоставленной информации. В 1923 г. вышла в свет революционно-приключенческая повесть бакинского большевика, секретаря Костромского губкома РКП (б) П. А. Бляхина «Красные дьяволята» [23, с. 189]. В произведении рассказывается о приключениях ребят на фоне Гражданской войны, борьбе с войсками батьки Махно. Согласно некоторым данным опроса в 1927 г. 32,8% девочек-пионерок назвали «Красных дьяволят» своей любимой книгой: все хотели быть «красными дьяволятами» и быть похожими на главную героиню Дуняшу. Однако, отвечая на вопрос о том, какие литературные эпизоды им больше всего нравятся, 21,6% девочек сообщили, что «агитационные нравятся меньше всего», так как это присутствует в повседневной жизни и хочется отдохнуть от повседневности [23, с. 189]. Широкую известность среди пионеров получили литературные произведения, главный сюжет которых был посвящен участию детей в революционных событиях. В названии фигурировал красный цвет в его политическом значении: «Красный бакен» (С. Григорьев), «Красный десант» (Д. Фурманов), «Красный партизан» (М. Колябская), «Красные воробьи» (Г. Никифоров).

Популярными были вымышленные истории о подвигах пионеров. Например, произведения «Пропавший лагерь», «Васина смычка», «Три беглеца» Н. Богданова, «Искатели мозолей» И. Грязнова, «Хлебный фронт» Л. Воронковой повествовали о пионерах, их повседневной жизни, поступках и пр. В частности, в произведении К. Минаева «Ариша-пионерка» показана история девочки, которая хотела стать настоящей пионеркой. Ее родители девочки были против и ей пришлось уйти из дома, а в результате она замерзла на улице и ее нашли деревенские бабы. Образ замерзшего ребенка – элемент святочного рассказа, а обращение к ней деревенских баб словами «беленькая овечка» – библейский символ жертвенности. Подобные истории способствовали успешному усвоению идеологических принципов.

Особое место в эти годы занимала **литература о В. И. Ленине**, которая рекомендовалась для обязательного чтения: «Детские и школьные годы Ильича» А. Ульяновой, «Детям о Ленине» А. Кравченко, «Мы в школе» Н. Венгрова и Н. Осмоловского и др. Пионеры вообще тяжело восприняли смерть вождя. Так, одна из пионервожатых Самары Вера Васильевна была в театре, но быстро вернулась в школу. Собрав всех учеников, горько плакала и сообщила, что Ленин умер. Все дети замерли в строю, «ведь мы ясно знали, что за хорошую жизнь детей России всем обязаны нашему вождю – Ленину и нашему Советскому государству, которое он создал». После этого пионерская организация стала носить имя Ленина. В день похорон вождя в Самаре были слышны гудки всех заводов, фабрик, паровозов в течение 10 мин, и «мы молча отдавали последний салют нашему мировому вождю В. И. Ленину» [30, л. 10]. Нередко пионеры сами были авторами литературных произведений, рассказов или стихов: «Умер наш вождь мировой, Умер Ильич трудовой, Но мы не забудем его, И с партией дальше пойдём! Дорогу, дорогу мы сами пробьём. Буржуазия нам не страшна, Мы гордо пойдём бить врага» (девочка 12 лет) [30, л. 11].

Важным средством воспитания являлись **сказки**. Согласно опросу в 1926 г. 86% детей назвали сказку своей любимой книгой. Многие родители пренебрегали чтением сказок, предпочитая книги российских революционеров, например Александры Коллонтай [31, с. 14]. Некоторые сказки были специально рекомендованы для чтения. Так, Наркомпрос рекомендовал чтение «Репки» как сказки, провозглашающей победу коллективного труда, а также авторских сказок с классовым подтекстом: «Мужицкий сказ о Ленине» Л. Сейфуллиной, «Как Ленин с царем народ поделили», «Сосулька» М. Мурашева [32, с. 261]. Эмоции, возбуждаемые сказками, должны были будить в детях «чувство бодрой радости, призыв к труду, чувство социальной солидарности, любовь к природе, к жизни, понимание классовых противоречий, жажду уничтожения этих противоречий» [33, с. 112]. Весьма актуальными стали сказки-«перевертыши», приспособленные к новой революционной действительности. Одна из таких сказок – «Красная Золушка»: две сестры-буржуйки уезжают на бал, Золушка-прачка остается мыть посуду. «И вдруг приходит какой-то хлюст в красной рубашке и дает этой самой Золушке читать прокламацию... Принц собирается в конце жениться на Золушке, но вдруг является тот самый агитатор в красной рубашке и начинает этого принца бить по шее... В это время на сцену выходят те, кто был на балу, и вместе с сестрами поют "Интернационал"» [34, с. 75–76]. Для постановок рекомендовалась пьеса-сказка «из жизни лесных зверей» Т. Румянцева «За свободу», посредством



которой, наблюдая «за знакомыми из детских сказок фигурами волка, лисы и зайцев», маленькие актеры и зрители должны были обрести «твердое сознание необходимости и возможности вести борьбу против угнетателей». Пьеса заканчивалась криками ликующих зайцев: «Ура! Ура! Да здравствует новая свободная жизнь! Да здравствует наш славный вождь, Храбрый Заяц» [35, с. 128]. После таких сказок и постановок ребенок становился частью массы, охваченной единым ритуалом и ориентированной на общие политические идеалы и ценности.

Анализ документов Самарского областного государственного архива социально-политической истории показал, что чтение и обсуждение пионерской литературы являлось обязательной практикой в пионерских отрядах, а затем сами пионеры публиковали свои стихи, девизы, речевки и т. д. в местных изданиях. В самарские комитеты ВЛКСМ поступали списки рекомендованной и обязательной к прочтению пионерской литературы. Кроме того, подобные списки рассылались по всем региональным комитетам, что позволяет сделать вывод о трансляции единых идеалов и ценностей в пионерской среде.

Таким образом, подход к ребенку как к активной и созидательной личности требовал изменения среды, в которой ребенок развивался бы как личность. Новый взгляд на ребенка утверждал в глазах взрослого сообщества представления о детстве как автономной реальности со своими правами, обязанностями, статусом субъекта, что оказало влияние на усиление социальной функции структур пионерского движения путем включения его в орбиту организованных воспитательных воздействий на ребенка. Советская власть использовала различные методы, способы и средства с целью имплантации новых «советских ценностей» в детское сознание. Создание пионерской литературы являлось действенным способом конструирования «нового человека» и укрепления связей с социалистической системой. Текст и его мыслительные послы воплощались в действиях юных коммунистов, а после вновь возвращались в текст, который исходил уже от пионерской организации. В текстах пропагандировались идеалы социализма, коллективные ценности, героизм, формировался при этом особый язык пионерской организации. Сюжетно-тематический план литературных текстов был тесно связан с актуальными проблемами и изменениями социально-исторической действительности. Литературные сюжеты воспринимались пионерами как универсальные и символические.

Список литературы

1. Крупская Н. К. РКСМ и бойскаутизм. М. : Красная новь, 1923. 54 с.
2. Вопросы деткомдвижения / под ред. В. А. Зорина. М. : Молодая гвардия, 1931. 158 с.
3. Крупенина М. В. Пионеры и школа. М. : Работник просвещения, 1924. 24 с.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
5. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л. : Художественная литература, 1977. 449 с.
6. Паперно И. Семиотика поведения. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
7. Леута О. Н. Ю. М. Лотман о трех функциях текста // Юрий Михайлович Лотман / под ред. В. К. Кантора. М. : РОССПЭН, 2009. С. 294–309.
8. Гессен В. Ю. Комсомол и юные пионеры: очерк истории комсомольского и пионерского движения в СССР. М. ; Л. : Государственное издательство, 1926. 160 с.
9. Леонтьева С. Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тверь, 2006. 24 с.
10. Всесоюзная пионерская организация им. В. И. Ленина: документы и материалы / под общ. ред. А. В. Федулова ; сост. В. Д. Шмитков. М. : Молодая гвардия, 1981. 304 с.
11. Смена, смене идет! // Ленинские искры. 1924. № 1. С. 3.
12. Клич пионера // Вожак. 1924. № 2. С. 12.
13. Рогачев В. А. Проблемы становления и развития русской советской детской поэзии 20-х гг. Свердловск : Издательство Уральского университета, 1990. 133 с.
14. Савельев Л., Цехановский М. Пионерский устав (Стихи). Л. : Гос. изд-во, 1926. 12 с. (без нумерации).
15. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 57 (Самарский окружной комитет ВЛКСМ Средневолжского края). Оп. 1. Д. 161.
16. СОГАСПИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 369.
17. СОГАСПИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 157.
18. СОГАСПИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 162.
19. СОГАСПИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 159.
20. СОГАСПИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 396.
21. Маслинская С. Г. «Пионерская» беллетристика vs «большая» детская литература // Детские чтения. 2012. № 1, вып. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pionerskaya-belletristika-vs-bolshaya-detskaya-literatura> (дата обращения: 06.11.2023).
22. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник докладов за 50 лет : в 5 т. Т. 1 : 1917–1928 гг. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М. : Политиздат, 1967. 780 с.
23. Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: История, теория, практика исследования. Казань : Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.
24. Жаров А. Рождение песни // Костер. 1961. № 5. С. 28–29.
25. Каринский В., Масленников А. Азбука пионера. М. : Московский рабочий, 1925. 32 с.



26. Кукулин И., Майофис М. От редакторов // НЛО. 2003. № 60. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/2/ot-redaktorov-4.html> (дата обращения: 06.11.2023).
27. СОГАСПИ. Ф. 53 (Самарский губернский комитет ВЛКСМ, г. Самара). Оп. 1. Д. 392.
28. СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 395.
29. Леонтьева С. Г. Поэзия пионерских праздников // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика (архив). URL: <https://ruthenia.ru/folklore/leontieva4.htm> (дата обращения: 12.11.2023).
30. СОГАСПИ. Ф. 651 (Партийный архив Самарского областного комитета Коммунистической партии РСФСР, г. Самара). Оп. 7. Д. 103.
31. Список книг для детей и подростков на революционные и социальные темы // Вестник просвещения. 1923. № 11–12. С. 13–16.
32. Стачинская Э. Что рассказывать детям // Вестник просвещения. 1924. № 1. С. 260–265.
33. Огнев Н. Дневник Кости Рябцева : Повесть. М. : Советская Россия, 1989. 304 с.
34. Огнев Н. Дневник Кости Рябцева 1923/1924 учебный год. М. : Молодая гвардия, 1927. 251 с.
35. Румянцев Т. За свободу. Детская пьеса-сказка в 4 действиях из жизни лесных зверей // Детский революционный театр. М. : Московское театральное издательство, 1924. № 1. С. 103–128.

Поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 09.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 173–180
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 173–180
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-173-180>, EDN: RMHSKL

Научная статья
УДК [338.45:622.331:331.101.6](470.345+470.40+470.43)|193|



Стахановцы торфяной промышленности 1930-х годов: вариант ответа на модернизационный вызов эпохи

Е. В. Воейков

Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и методики преподавания истории, evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, Author ID: 289593

Аннотация. В статье исследуется развитие стахановского движения в торфяной промышленности СССР на примере централизованных торфяных хозяйств Главторфа и торфоразработок отдельных промышленных предприятий и трестов на территории Куйбышевской, Пензенской областей и Мордовской АССР в годы довоенных пятилеток. Источниковой базой статьи послужили фонды Российского государственного архива экономики, региональных архивохранилищ Пензенской, Самарской областей и Республики Мордовия, статьи специалистов торфяного дела, автобиографическая брошюра ударника производства Николая Зезюлина. В отличие от других отраслей промышленности, по которым историки отмечают рост аварийности, специфика работы стахановцев на торфодобывающих машинах проявлялась в предотвращении поломок и усовершенствовании оборудования. В торфяной промышленности на общесоюзном и региональном уровнях имело место сочетание материальных и моральных факторов стимулирования стахановского движения.

Ключевые слова: стахановцы, торфяные хозяйства, Главторф, торфоразработки, гидроторф, материальные и моральные факторы

Для цитирования: Воейков Е. В. Стахановцы торфяной промышленности 1930-х годов: вариант ответа на модернизационный вызов эпохи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 173–180. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-173-180>, EDN: RMHSKL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Stakhanovites of the peat industry of the 1930s: An answer to the modernization challenge of the era

E. V. Voeikov

Penza State Pedagogical Institute named after V. G. Belinsky Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Evgeniy V. Voeikov, evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, Author ID: 289593

Abstract. The article examines the development of the Stakhanov movement in the peat industry of the USSR on the example of centralized peat farms of Glavtorf and peat processing of individual industrial enterprises and trusts in the territory of the Kuibyshev, Penza regions and the Mordovian ASSR during the pre-war five-year plans. The source base of the article was the funds of the Russian State Archive of Economics, regional archives of the Penza, Samara regions and the Republic of Mordovia, articles by peat specialists, an autobiographical brochure by the drummer Nikolai Zezyulin. Unlike other industries, for which historians have noted an increase in accidents, the specifics of the work of Stakhanovites on peat-mining machines were manifested in the prevention of breakdowns and improvement of equipment. In the peat industry at the all-Union and regional levels, there was a combination of material and moral factors stimulating the Stakhanov movement.

Keywords: stakhanovites, peat farms, Glavtorf, peat processing, hydrotorf, material and moral factors

For citation: Voeikov E. V. The Stakhanovites of the peat industry of the 1930s: An answer to the modernization challenge of the era. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 173–180 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-173-180>, EDN: RMHSKL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Стахановское движение представляет собой интереснейший феномен общества СССР периода предвоенной модернизации. На этапе изучения истории довоенной индустриализации СССР в 1960–1980-е гг. среди историков утвердился односторонний взгляд на данный аспект

темы. Так, известный специалист по индустриальной истории Поволжья Н. А. Шарошкин отмечал, что «не все работы отличаются широтой источниковой базы, их недостатком является сосредоточение внимания преимущественно на положительных сторонах трудового соперничества



и умалчивание о негативных явлениях в ходе его развития» [1, с. 12].

В XXI в. в историографии наметилась тенденция более всестороннего рассмотрения данного явления с показом как положительных, так и отрицательных сторон. В частности, историки С. В. Журавлев, М. Ю. Мухин, А. М. Маркевич, А. К. Соколов при разработке проекта «Мотивация труда в российской промышленности» на примере московских предприятий глубоко и всесторонне изучили различные аспекты деятельности рабочих, включая и стахановское движение [2, с. 115–124; 3, с. 151–153]. Исследовалась данная тема и на примере железнодорожного транспорта Поволжья [4, с. 1122–1127]. И. П. Климов при изучении истории транспорта Урала в 1920–1930-е гг. отметил как достоинства, так и отрицательные последствия работы стахановцев [5, с. 44–56]. Неоднократно обращался к данной теме известный специалист по индустриальной истории Урала М. А. Фельдман [6, с. 3–19]. Ряд слабо исследованных в научной литературе особенностей стахановского движения на примере Кировской области 1930-х гг. выделил историк П. А. Чемоданов [7].

По убеждению автора данной статьи, стахановское движение не могло быть одинаковым и однородным как в существенно отличающихся друг от друга отраслях промышленности, так и в различных частях страны с неодинаковым уровнем промышленной базы и трудовыми ресурсами. В данной статье рассмотрены только отдельные стороны производственной деятельности стахановцев торфяной промышленности России, которая оказалась незаслуженно забытой отечественными историками, исследующими экономическое развитие СССР. Имеются лишь публикации по отдельным регионам [8, с. 37–46; 9, с. 123–127]. В период нэпа добыча торфа в СССР оставалась на уровне 2,4–2,7 млн т. Возникший в годы довоенной индустриализации топливный дефицит обусловил повышенный интерес к данному виду топлива. В 1937 г. торфодобыча вышла на уровень 25 млн т, в 1940 г. – 33,2 млн т [10, с. 17; 11, с. 35]. На торфе работали многие электростанции страны: Шатурская и им. Классона в Московской области, Ярославская, Иваново-Вознесенская, Горьковская. В топливном балансе Ивановской области в 1936 г. торф занимал 34,5%, для электростанций – 100%; для Белорусской ССР эти показатели составили 41% и 100%, для Московской области – 19,2% и 37,5% [12, с. 5].

Стахановское движение в данной статье исследовано на примере двух типов торфяных хозяйств. Во-первых, рассмотрены крупные централизованные торфяные хозяйства созданного в 1933 г. на базе бывшего Союзторфа ВСНХ Главторфа Наркомата тяжелой промышленности СССР. В состав Главторфа входили

Московско-Калининский, Западный, Ленинградский, Орехово-Зуевский, Шатурский, Ивановский, Горьковский, Чернораменский, Ярославский, Уральский тресты [13, л. 3]. Во-вторых, привлечен материал по многочисленным мелким децентрализованным торфоразработкам, являвшимся подсобными хозяйствами отдельных промышленных предприятий и трестов, на примере Среднего Поволжья, рассмотренного в территориальных рамках образованного в 1929 г. Средне-Волжского (с 1935 г. – Куйбышевского) края, на основе которого во второй половине 1930-х гг. были созданы Куйбышевская, Пензенская области и Мордовская АССР.

В Среднем Поволжье добычу торфа вели спириттресты, три районных торфяных управления (РТУ) для снабжения суконных фабрик, стекольные заводы, предприятия пищевой промышленности. В Мордовской АССР во второй пятилетке мелкие торфоразработки отдельных предприятий были объединены в Мордовский торфяной трест Наркомата местной промышленности, включавший Александровское, Кендянское, Пермисское, Чамзинское, Чумартовское, Шингаринское торфяные хозяйства.

Ограниченные рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть все аспекты стахановского движения в выбранной отрасли промышленности, поэтому основное внимание сосредоточено на использовании ударниками производства механического оборудования, проблеме производства бракованной продукции и сочетании материальных и моральных стимулов перевыполнения норм.

Развернувшееся по всей стране движение за перевыполнение производственных норм активно внедрялось и в торфяной промышленности. По системе Главторфа известными стахановцами были Н. А. Зезюлин (Шатурский трест), С. Е. Канарейкин (Орехово-Зуевский трест), Ф. С. Климанов (Калининский трест), В. К. Большаков (торфопредприятие им. Классона), И. А. Киселев (Ивановский трест), И. П. Бочкарев (предприятие «Монетное» Уральского треста) [14, с. 26; 15, с. 3–5; 16, с. 3–5; 17, с. 22–23]. Биография Николая Зезюлина хорошо иллюстрирует карьерный рост инициативных рабочих торфяной промышленности. Начав в 1920-е гг. на Шатурских торфоразработках Московской губернии с простого рабочего, в начале 1930-х гг. он возглавил бригаду, в результате внедрения повышающих производительность труда методов работы стал стахановцем, а после окончания специальных курсов в 1936 г. – руководителем бригады гидроторфа. В 1937 г. Н. А. Зезюлин был награжден орденом Трудового Красного знамени [17, с. 22].

Некоторые историки отмечают рост поломок техники вследствие работы ударников производства. Так, например, А. М. Маркевич и А. К. Соколов по результатам исследования работы московского металлургического завода



«Серп и молот» констатировали: «Стахановская работа вела к быстрому износу оборудования» [3, с. 152]. Аналогичное явление на Электрокомбинате отмечали С. В. Журавлев и М. Ю. Мухин [2, с. 124]. Увеличение травматизма и брака на военных и металлургических заводах Урала как результат стахановских смен констатировали С. П. Постников и М. А. Фельдман [18, с. 74]. Исследователь лесной промышленности И. В. Зыкин указывал, что на лесокосбинатах «работники не успевали обслуживать агрегаты и механизмы, выполнять полный объем работы», что «приводило к поломкам дорогой техники» [19, с. 226]. Подобные явления в металлургии, машиностроении и на лесозаводах вполне объяснимы с учетом того, что стахановцам рекомендовалась многостаночная работа, повышение скоростей обработки деталей на станках, совмещение нескольких операций в одной [20]. Эти методы могли успешно применять далеко не все рабочие, требовались и их многолетний опыт, и некий минимум технической грамотности.

Рассмотрим работу стахановцев на механическом оборудовании в торфяной промышленности. Главной причиной поломок механизмов на торфоразработках следует считать низкое качество выпускаемой в СССР техники, что неоднократно отмечалось специалистами того времени [21, с. 15; 22, с. 2]. Еще одной причиной выхода из строя машин для торфодобычи был постоянный недостаток запчастей. Например, на Кендянской и Шингаринской¹ торфоразработках Мордовской АССР простои агрегатов в сезоне 1939 г. объяснялись недостатком запчастей и некачественным ремонтом [23, л. 80; 24, л. 62; 25, л. 20]. Можно утверждать, что торфяные машины ломались бы и простаивали в ожидании ремонта независимо от наличия или отсутствия стахановцев.

В выводе из строя техники нельзя отрицать и человеческий фактор. Работник торфопредприятия Васильевский Мох² Московско-Калининского треста вспоминал: «Мы не знали названия деталей машины, отчего затруднялось общение со слесарями, техниками и инженерами. Плохо знали передвижку и установку машины...» [26, с. 39]. В силу сложности технического устройства элеваторных машин³ и аппаратов гидроторфа⁴ успешно добывать торф на них могли только люди, уже имеющие опыт работы с такими механизмами в прошлые годы или прошедшие специальные курсы. Так, в годовом отчете Горьковского торфотреста за 1933 г. в качестве причины невыполнения плана назывался «острый недостаток рабочих по машинно-формовочному способу», также указывалось, что «механические простои на большом гидроторфе объясняются медленным освоением нового способа» [13, л. 8 об., 10 об.].

На предприятиях Главторфа стали практиковать организацию специальных курсов повы-

шения квалификации. На уже упоминавшемся торфопредприятии Васильевский Мох в сезоне 1934 г. было проведено обучение 66 бригад торфяников и 54 бригад торфяниц. В результате, как отмечалось в журнальной заметке, лучшие по учебе стали лучшими и на производстве. Например, бригада Ф. Климанова выполнила сезонное задание на 201%, еще четыре бригады превысили показатель 170%, две – показатель 150% [26, с. 39]. Сохранились и другие примеры успешной работы механизмов, эксплуатируемых стахановцами торфяной промышленности. Иван Киселев на Второвском предприятии⁵ Ивановского торфотреста в 1935 г. выполнил со своей бригадой на элеваторной машине план сезонной добычи на 228%. Этих результатов И. А. Киселев добился «в результате полного овладения техникой – прошел на «отлично» курсы по техучебе бригадиров при Главторфе» [14, с. 26].

Руководитель Главторфа А. Ф. Баусин, анализируя итоги работы в 1938 г., остановился на проблемах в работе механического оборудования: «Не один мотор торфососного крана был затоплен в гидромассе (Назия, Шатура); кран № 72 (Марково) был завален в карьер из-за неподготовленности настила; пеньевой кран на Писцовском предприятии был завален в карьер» [27, с. 4].

Каков вклад в описанный процесс неправильного применения техники именно передовиков производства? Публикации в журнале Главторфа сохранили важные подробности о стахановских методах работы, которые зачастую отсутствуют в отложившихся в архивах отчетах о работе торфяных хозяйств. Например, бригадир-стахановец торфопредприятия им. Классона⁶ Василий Большаков зимой 1937–1938 гг. остался на своем производственном участке, чтобы принять участие в ремонте оборудования для гидроторфяного способа добычи: «Он сам монтировал массопроводные трубы, забивал сваи для своего крана... следил и давал указания мотористам, электрикам, слесарям, которые монтировали его кран» [15, с. 3–4]. В том же 1938 г. бригадир крана гидроторфа Октябрьского предприятия Чернораменского треста⁷ И. А. Андреев выходил на работу за час или полчаса до начала работы смены: «Обходил все гидромониторы и узнавал у сменного слесаря состояние гидромониторов, торфососа и насосной... Все замеченные недостатки немедленно устранялись» [28, с. 14–15]. Правоммерно задать вопрос: похожи ли бригадиры-стахановцы В. Большаков или И. Андреев на людей, способных утопить мотор крана или сам кран в карьере?

Руководитель Главторфа А. Ф. Баусин в своей статье об итогах работы в 1938 г. указывал на еще один вариант аварий на торфоразработках: «А ведь для производственников не секрет, что разрыв, например, в транзитном массопроводе одной трубы выводит из строя в большинстве



случаев целую группу кранов. Это особенно наблюдалось в начале сезона на предприятиях Орехова, Шатуры, Тесове, Ситниках» [27, с. 4]. А вот как, например, работала в том же году стахановская бригада Григория Зарубина на предприятии «Туголесский Бор»⁸. Сначала двое рабочих бригады отправлялись проконтролировать, чтобы трубы нигде не проседали и не искривлялись. Когда же начинался ход по трубопроводу жидкой торфяной массы, уже три пары рабочих отправлялись вдоль трубы предупреждать аварии [29, с. 4]. В данном случае анализ методов работы стахановцев торфяной промышленности явно свидетельствует о том, что именно ударники производства заботились о безаварийной работе торфяных машин.

По торфяной промышленности сохранились примеры, когда стахановцы способствовали более эффективной работе механизмов. Стахановец Писцовского торфопредприятия⁹ Н. Е. Ермишин в 1938 г. вместе со своими товарищами усовершенствовали формующую торфяные кирпичи гусеницу при гидроторфяном способе добычи. Деревянные части они заменили на железные, изменив их форму, что позволило увеличить глубину проникновения в торфяную массу. Кроме того, как отмечал стахановец, «мотор гусеницы «Коммунар» мы заменили мотором ХТЗ, который имеет большее число оборотов, поэтому скорость гусеницы увеличилась». При этом Н. Е. Ермишин подчеркивал: «Аварии формующей гусеницы были нами совершенно ликвидированы» [28, с. 11].

В Красно-Октябрьском РТУ¹⁰, по данным отчета 1939 г., две из пяти имеющихся торфяных машин эксплуатировались уже 20 и 40 лет, остальные три – 12 и 15 лет [30, л. 30–30 об.]. В сезонах 1937–1938 гг. при дефиците «стандартных запасных частей» было организовано их изготовление «кустарным способом» [31, л. 175; 32, л. 4]. В 1935 и 1937 гг. бригада П. А. Зачёсова Красно-Октябрьского РТУ добилась результатов 140% и 143% на машинной добыче торфа [33, л. 70 об. – 71; 34, л. 130]. В сезоне 1939 г. в данном РТУ четыре стахановские бригады на тех самых изношенных элеваторных установках показали результаты 131%, 123%, 110% и 110% [30, л. 33]. Сопоставив эти факты, можно утверждать, что как раз передовики производства и являлись наряду с несколькими штатными механиками РТУ теми умельцами, которые ухитрились оживить «убитые» десятилетиями интенсивной эксплуатации механизмы.

Одним из обвинений стахановцев, которое содержится в работах некоторых историков, был выпуск бракованной продукции, в частности в оборонной промышленности, особенно во время стахановских месячников. В торфяной промышленности СССР производство бракованной продукции в годы довоенных пятилеток имело место в разных регионах. Например, низкое качество заготовленного с нарушением технологии

торфяного топлива фиксировалось в Московской области, Нижегородском и Средне-Волжском краях в 1931–1933 гг. В Саратовской области и Татарской АССР заготовленный торф в отдельных случаях не горел и списывался как негодный в 1938–1940 гг. В Пензе на фабрике «Маяк революции» низкокачественный торф плохо горел в топках и в 1936, и в 1940 гг. [35, с. 294–295]. Однако при этом никаких упоминаний о причастности именно стахановцев к производству бракованного торфяного топлива в архивных документах и материалах периодической печати 1930-х гг. за много лет исследовательской работы автору данной статьи обнаружить не удалось. Кроме того, значительное количество упоминаний о низкокачественном торфе встречается за период 1931–1933 гг., когда стахановского движения еще не было.

Предвидя возражения, что торфяная промышленность имеет свою специфику, следует отметить, что не все так однозначно и применительно к оборонной промышленности. Хотелось бы привести пример по выпуску взрывателей на Трубочном заводе г. Пензы периода нэпа. 20 сентября 1926 г. из тысячи поданных для сборки деталей дистанционной трубки «оказалось негодными» 790 штук; 21 сентября из 1282–782 [36, л. 419]. 790 бракованных изделий из 1000 составляют 79%, 782 из 1282–61%, но в 1926 г. никаких стахановцев и стахановских месячников еще не было. В сводке губернского ГПУ в июне 1923 г. причина недоброкачественности трубок Пензенского Трубочного завода объяснялась тем, что их сборка производилась «неопытными спецами» [37, л. 274 об.]. Может быть, на военных заводах высокий процент брака обеспечили не перевыполняющие нормы ударники производства, а как раз малоквалифицированные и недисциплинированные рабочие.

Представляет интерес исследование вопроса о сочетании моральных и материальных стимулов в работе стахановцев торфяной промышленности.

Для крестьян, пришедших на торфоразработки, вопросы зарплаты и питания имели очень важное значение. Стахановец Шатурских торфоразработок Н. А. Зезюлин, вспомнив, как бережно относился к своим сапогам его отец-крестьянин, носивший свою обувь 20 лет, с гордостью отмечал: «У меня есть теперь и сапоги, и ботинки, и костюм... Прекрасные обед и ужин. Живем в комнатах, где есть занавески, и зеркала» [38, с. 9].

Помимо повышенной зарплаты, распространенным явлением становилось награждение ударников производства премиями. Например, по итогам сезона 1935 г. стахановцы-торфяники Куйбышевского края и Мордовской АССР получили восемь всесоюзных премий за участие в конкурсе на лучшую бригаду [33, л. 71]. Важным стимулом был и доступ к дефицитным



товарам. Н. А. Зезюлин похвастался в своем выступлении на Всесоюзном совещании стахановцев в ноябре 1935 г., что его премировали патефоном [39, с. 356]. В Красно-Октябрьском РТУ при норме 6 м ткани на человека стахановцам разрешили приобрести по 10–15 м [40, л. 32]. На конференции профсоюза торфяников Куйбышевской области в 1937 г. приводился пример работающей на торфоразработках с 1934 г. колхозницы, которая за перевыполнение норм была премирована швейной машинкой [41, л. 3, 8].

В отчете руководителя Главторфа А. Ф. Баусина указывалось, что в 1938 г. впервые в санаториях и домах отдыха Крыма, Кавказа появились рабочие-торфяники, направленные туда на отдых и лечение [27, с. 3], в 1937 г. на Гимовском участке Ульяновского районного торфоуправления (РТУ)¹¹. 30 стахановцам и ударникам за счет предприятия организовали посещение театра, кино, ресторана. Их также наградили денежными премиями. В том же сезоне в Барышском РТУ¹² 33 ударникам дали путевки в дом отдыха; здесь же был построен дом для стахановцев на 5 квартир [42, л. 10, 16].

Авторы современных научных работ, рассматривающих стахановское движение, склонны отдавать предпочтение материальным факторам стимулирования творческой активности стахановцев 1930-х гг. [2, с. 136–137; 18, с. 84, 87–88]. Не отрицая важной роли денежных премий, дефицитных товаров и улучшения жилищных условий, нельзя забывать о значительной роли моральных факторов стимулирования стахановского движения именно применительно к торфяной промышленности. Все приведенные примеры наградений и поощрений наряду с показателем заботы государства о лучших рабочих могут быть интерпретированы также и как свидетельство того, что квартиры, крупные денежные премии, путевки в дома отдыха и санатории выделялись узкому кругу лиц. Основной массе рабочих, перевыполняющих нормы по добыче торфа, доставались только улучшенное питание в столовых, повышенная зарплата и увеличенные нормы покупки дефицитных промтоваров, если они завозились на данный участок. Например, на пленуме Куйбышевского крайкома торфяников в феврале 1936 г. приводилась информация, согласно которой стахановцев на учете состояло 70 чел., ударников – 500 чел.¹³ В качестве поощрения эти лучшие работники предприятий получили 8 премий за победу в конкурсе, 27 чел. – квартиры и еще 170 был сделан ремонт за счет предприятия и бесплатно подвезено топливо [33, л. 70 об. – 71]. Таким образом, из 570 чел., перевыполняющих нормы, существенные материальные поощрения коснулись менее половины передовиков производства.

В крупных хозяйствах трестов Главторфа было больше возможностей обеспечить улучшенное материальное положение ударников произ-

водства по сравнению с мелкими торфоразработками Поволжья. Однако полностью оградить стахановцев от характерных для бытовой сферы 1930-х гг. некачественных обедов в столовых, грязи в общежитиях, проблем медобслуживания, дефицита промтоваров, отсутствия или недостатков культурного досуга было нереально [43, с. 2–3; 44, с. 9]. Значит, с учетом тяжелых условий труда на торфоразработках интенсивный труд стахановцев должен был компенсироваться и стимулироваться в значительной степени еще и комплексом мер морального поощрения.

В 1930-е гг. награждение почетными грамотами и значками обычно производилось в торжественной обстановке в присутствии руководства предприятия и трудового коллектива. В 1938 г. стахановцы торфяных хозяйств Главторфа, например, водитель Н. Е. Ермишин, бригадир на сушилке М. М. Пахомова, инженер В. В. Покаместов были награждены почетными грамотами и значком наркома тяжелой промышленности [27, с. 3]. На торфоразработках Поволжья по итогам сезона 1935 г. бригадир Красно-Октябрьского РТУ П. А. Зачесову была вручена почетная грамота на слете стахановцев Городищенского района [45, л. 82]. Две бригады Шингаринских торфоразработок Мордовской АССР за перевыполнение норм в сезоне 1940 г. были отмечены почетными грамотами Наркомата электростанций [46].

Представляется, что при анализе стахановского движения зачастую не учитывается важный аспект, связанный с повышением культурного уровня и творческим развитием личности рабочего. Н. А. Зезюлин вспоминал: «Первый раз, когда я приехал на Шатуру, то весь интерес был, чтобы денег побольше заработать. А потом, кажется, и даром бы поехал на свои Шатурские болота... Я ведь только два класса сельской школы окончил... Прошло некоторое время, и сам себя не узнаю. И писать уже умею, и считать умею, и о странах, какие в мире существуют, знаю... Что касается нас – молодежи, то нам с болота домой и возвращаться не хотелось... Привыкли. Все нам интересно... Организовали красный уголок, хоровой кружок, драматический кружок... Этого в деревне никогда не было» [38, с. 4–5].

Участие передовых ударников производства в различных совещаниях, съездах стахановцев, курсах повышения квалификации при систематическом повторении приводило к качественному личностному росту, существенному расширению прежде ограниченного узкими рамками своей деревни или промпредприятия кругозора, смене нравственных установок и приоритетов. В качестве подтверждения можно привести впечатления стахановца от подобных мероприятий: «Что у меня раньше было? Какие события? Какие интересы? Да никаких решительно... Теперь же могу сказать – было в моей жизни не только интересное, но и великое событие. Я выступал



на Всесоюзном совещании стахановцев... Видел и слышал я на этом совещании вождей нашей партии. Видел рабочих других отраслей промышленности, разговаривал с ними. Слышанное ли это дело! Куда поднялся простой крестьянин Николай Анисимович Зезюлин!» [38, с. 9–10].

К аналогичному заключению о значении участия передовиков производства «в торжественных мероприятиях» приходит современный исследователь стахановского движения Кировской области П. А. Чемоданов: «Это могли быть партийные и комсомольские отчетно-выборные конференции, профессиональные слёты, производственные совещания и т. д. На подобных мероприятиях стахановцы получали возможность лишний раз подчеркнуть свой статус» [7, с. 136].

Указанный историк выделяет еще одну черту стахановского движения: «В контексте изучаемой темы весьма существенно то обстоятельство, что большинство промышленных рабочих Советского Союза того времени были родом из деревни... Что же касается крестьянской ментальности, то ее основные черты хорошо изучены и известны: патриархальность, коллективизм, приверженность «общему делу» [47, с. 191]. В торфяной промышленности Поволжья сохранявшиеся у сельского населения традиционные установки на взаимопомощь и сильное влияние на поведение общественного мнения также могли при определенных обстоятельствах стимулировать трудовую активность. Показателем в этом отношении рассказ торфяника Барышского РТУ Волкова, которому стало стыдно плохо работать перед находящимся на том же участке родственником: «Он старик, а норму выполняет и мне хочет помочь... Я молодой и здоровый, неужели не справлюсь...» [33, л. 121 об.]. В результате деревенский парень в стремлении оказаться не хуже родственника стал стахановцем. Перевыполнение норм выработки торфяниками, находящимися в родственных отношениях, было не таким уж редким явлением на торфоразработках Поволжья. Так, на Репьёвских торфоразработках¹⁴ в 1934 г. среди ударников была семейная пара – Никифор и Екатерина Акимовы [48]. В 1940 г. на Александровском¹⁵ торфопредприятии ударниками являлись Макаров Иван Яковлевич и Макаров Яков Иванович [49, л. 5].

Подводя итоги рассмотренной в статье теме стахановского движения в торфяной промышленности 1930-х гг., можно констатировать, что передовики производства являлись наиболее квалифицированными пользователями механического оборудования. Данных о повышении уровня аварий машин за счет стахановских рекордов применительно к хозяйствам Главторфа и торфоразработкам Среднего Поволжья в исследованных источниках обнаружить не удалось. Труд стахановцев в торфяной промышленности стимулировался сочетанием материальных

и моральных факторов. При этом применительно к данной отрасли нет оснований преуменьшать значение нематериальных стимулов. Также в отдельных случаях стахановцы торфоразработок Поволжья в борьбе за выполнение плановых заданий проявляли черты традиционной крестьянской психологии.

Несмотря на отдельные негативные стороны стахановского движения, современные исследователи данной темы не могут не отдать дань уважения людям, совершавшим трудовые подвиги во имя абстрактной идеи светлого будущего. В частности, саратовский историк В. А. Чолахян, специализирующийся на изучении индустриализации Нижнего Поволжья, отметил интересную закономерность: «Начатый в годы первых пятилеток процесс форсированной индустриализации воспринимался многими людьми как воплощение их собственных мечтаний о новой жизни. С этим был связан массовый энтузиазм на промышленных стройках» [50, с. 104].

Каждая из поставленных в данном исследовании проблем требует дальнейшего углубленного исследования стахановского движения в различных отраслях промышленности с выделением региональной специфики. Намечившаяся в последние десятилетия в отечественной историографии тенденция к пересмотру оценок стахановского движения со сменой знаков «плюс» на «минус» никак не может рассматриваться в качестве положительной тенденции.

Представляется, что стахановское движение в торфяной промышленности стало своеобразным проявлением традиционных качеств русского народа: трудолюбия, бескорыстия, взаимовыручки и нестандартного мышления. Именно с этим связаны и сам феномен добровольного порыва части рабочих к перевыполнению норм, и значительная роль моральных стимулов для рабочих торфяной промышленности, и творческие решения при ремонте и усовершенствовании механизмов. Можно утверждать, что стахановское движение явилось своеобразным ответом русского общества на вызов эпохи довоенных пятилетки и отразило в себе все достижения и сложности процесса предвоенной модернизации.

Примечания

¹ Кендя – населенный пункт в Ичалковском районе, Шингарино – населенный пункт в Ковылкинском районе современной Республики Мордовия.

² Населенный пункт Васильевский Мох расположен в Калининском районе современной Тверской области.

³ В элеваторной машине на наклонный желоб (элеватор) специальные рабочие кидали торф, который передавался в пресс машины. Далее на выходе рабочие резаками формовали торфяные кирпичи.

⁴ Гидравлический способ добычи (гидроторф) был изобретен в России. При данном способе торфяная залежь



- размывалась в карьере сильной струей воды, затем выкачивалась специальным торфососом и по трубам заливалась на подготовленную площадку тонким слоем. После частичного высыхания торфяная масса формовалась в торфокирпичи.
- ⁵ Второвское торфопредприятие находилось в районе железнодорожной станции Второво Ивановской области (станция и населенный пункт в Камешковском районе современной Владимирской области).
 - ⁶ Предприятие входило в состав Орехово-Зуевского треста Главторфа, находилось в населенном пункте Павловский Посад Московской области.
 - ⁷ Чернораменский трест Главторфа находился в районе населенного пункта Гидроторф Балахнинского района современной Нижегородской области.
 - ⁸ Туголесский Бор – поселок в городском округе Шатура современной Московской области.
 - ⁹ Входило в состав Ивгосторфа, располагалось в поселке Архангел (в настоящее время населенные пункты Писцово и Архангел расположены в Комсомольском районе Ивановской области).
 - ¹⁰ Красно-Октябрьское РТУ было создано в 1932 г. и вело заготовку торфа для суконных фабрик «Красный Октябрь», «Коллективное творчество», «Творец рабочий» и «Мир хижинам». С 1939 г. находилось на территории образованной Пензенской области.
 - ¹¹ Ульяновское РТУ осуществляло заготовки для группы текстильных фабрик Средне-Волжского края и Куйбышевской области. В конце 1930-х гг. оно состояло из Вьюнковского, Гимовского, Калининского и Муловского участков.
 - ¹² Барышское РТУ было образовано в 1931 г. в одноименном районе Средне-Волжского края (территория современной Ульяновской области). Включало Бутырские, Вителевские, Жадово-Павловские, Гурьевские, Измайловские торфоразработки, снабжавшие топливом целую группу суконных фабрик.
 - ¹³ В отдельных случаях в документах периода второй–третьей пятилеток ударниками назывались рабочие, выполнявшие от 101% до 150% нормы, стахановцами – свыше 150%.
 - ¹⁴ Находились на другом берегу Волги напротив Ульяновска. Добычу на данном месторождении в этом году осуществлял Ульяновский городской топливный трест (гортоп).
 - ¹⁵ Александровское хозяйство располагалось в одноименном населенном пункте южнее Ковылкино – современный райцентр Республики Мордовия.
- заводе «Серп и молот», 1883–2001. М. : РОССПЭН, 2005. 368 с.
4. Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А. Трудовая активность железнодорожников в годы второй пятилетки. 1933–1937 (по материалам Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 1122–1127.
 5. Климов И. П. Из истории стахановского движения на автотранспорте Урала в годы довоенных пятилеток // Новый исторический вестник. 2019. № 3 (61). С. 44–56.
 6. Фельдман М. А. Место стахановского движения в предвоенной советской истории // Вопросы истории. 2015. № 8. С. 3–19.
 7. Чемоданов П. А. Стахановское движение в экономической и социокультурной жизни советской провинции в 1935–1941 годах (на материалах Кировской области). Киров : ИД «Герценка», 2019. 224 с.
 8. Пиксайкин В. К. Добыча торфа предприятиями местной топливной промышленности Мордовской АССР в 1940–1990-е гг. // Экономическая история. 2011. № 3. С. 37–46.
 9. Родионов Н. Я. Государственная политика в сфере выявления и использования топливно-сырьевых источников на Урале (1920–1930-е гг.) // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 123–127.
 10. Раевский Д. П. Торфяная промышленность в цифрах за 20 лет // За торфяную индустрию. 1937. № 10–11. С. 17–20.
 11. 40 лет торфяной промышленности СССР / под ред. А. Ф. Баусина. М. ; Л. : Государственное энергетическое издательство, 1957. 296 с.
 12. Баусин А. Ф. Торфяная промышленность в третьем пятилетии // За торфяную индустрию. 1939. № 4–5. С. 5–6.
 13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 758 (Главторф, Цуторф, Госторф, Союзторф ВСНХ. 1918–1933). Оп. 1. Д. 802.
 14. Гзелишвили М. В. О лучших людях торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1936. № 7. С. 25–27.
 15. Знатные люди торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1938. № 7. С. 3–6.
 16. Школьников Я. А. Знатные люди торфа // Торфяное дело. 1934. № 8. С. 3–5.
 17. Шлыков Б. Е., Школьников Я. А. Множить ряды стахановцев // За торфяную индустрию. 1937. № 10–11. С. 20–23.
 18. Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 367 с.
 19. Зыкин И. В. «Зеленое золото» индустриализации: Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. Екатеринбург : ООО Универсальная типография «Альфа Принт», 2021. 303 с.
 20. Грановский Е. Стахановское движение и технический прогресс // Правда. 1939. 30 окт.

Список литературы

1. Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А. Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2005. 604 с.
2. Журавлёв С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 240 с.
3. Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка» близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском



21. Латсон И. Торфяное машиностроение // За торфяную индустрию. 1940. № 3. С. 15–17.
22. Шмидт Я. П. Решения пленума ЦК партии – программа боевых действий // За торфяную индустрию. 1937. № 4. С. 1–5.
23. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГАРМ). Ф. Р. 662 (Управление народно-хозяйственного учета при СНК МАССР. 1934–1940). Оп. 4. Д. 124.
24. ЦГАРМ. Ф. Р. 662. Оп. 4. Д. 130.
25. ЦГАРМ. Ф. Р. 662. Оп. 4. Д. 300.
26. Серов И. А. Дать техминимум рабочим с начала сезона. Опыт на торфопредприятии Васильевский Мох в сезоне 1934 г. // За торфяную индустрию. 1935. № 6. С. 39–40.
27. Баусин А. Ф. Итоги работы торфяной промышленности в 1938 г. и задачи на 1939 г. // За торфяную индустрию. 1939. № 3. С. 3–7.
28. Стахановцы о своей работе // За торфяную индустрию. 1938. № 11. С. 11–20.
29. А. К. Опыт работы передовых стахановцев сделать достоянием отстающих бригад // За торфяную индустрию. 1938. № 10. С. 3–6.
30. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р. 2394 (Управление народно-хозяйственного учета Пензенской области. 1930–1940). Оп. 1. Д. 1233.
31. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А. 374 (Центральное статистическое управление РСФСР при Совете Министров РСФСР. 1927–1991). Оп. 15. Д. 1894.
32. ГАПО. Ф. Р. 2394. Оп. 1. Д. 847.
33. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 9391 (Средне-Волжский (Куйбышевский) краевой (областной) комитет профсоюзов рабочих торфяной промышленности. 1931–1939). Оп. 6. Д. 22.
34. СОГАСПИ. Ф. 9391. Оп. 8. Д. 23.
35. Воейков Е. В. Торфяная и сланцевая промышленность Поволжья. 1930–1941 гг. Самара : Издательство Самарского научного центра РАН, 2011. 404 с.
36. ГАПО. Ф. Р. 2 (Исполнительный комитет Пензенского губернского Совета рабочих крестьянских и красноармейских депутатов. 1917–1932). Оп. 4. Д. 226.
37. ГАПО. Ф. Р. 2. Оп. 4. Д. 200.
38. Зезюлин Н. Моя жизнь – моя работа. М. ; Л. : ОНТИ НКТП, 1935. 16 с.
39. Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев 14–17 ноября 1935 г. Стенографический отчет. М. : Партиздат, 1935. 382 с.
40. СОГАСПИ. Ф. 9391. Оп. 5. Д. 7.
41. СОГАСПИ. Ф. 9391. Оп. 7. Д. 9.
42. СОГАСПИ. Ф. 9391. Оп. 7. Д. 8.
43. Выше темпы добычи и сушки торфа // За торфяную индустрию. 1938. № 7. С. 1–3.
44. Совещание работников торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1938. № 3. С. 7–9.
45. ГАПО. Ф. Р. 2394. Оп. 1. Д. 1615.
46. Савин Ф. Торфоразработки ждут людей // Красная Мордовия. 1941. 19 февр.
47. Чемоданов П. А. Советский стахановец второй половины 1930-х годов как культурно-психологический тип // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 3 (65), ч. 1. С. 190–194.
48. Больше заботы об условиях работы // Пролетарский путь (Ульяновск). 1934. 10 июня.
49. ЦГАРМ. Ф. Р. 721 (Александровское торфяное хозяйство. 1939–1949). Оп. 1. Д. 5.
50. Чолахян В. А. Подготовка рабочих кадров в промышленности Нижнего Поволжья в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 100–106.

Поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 181–187
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 181–187
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-181-187>, EDN: WNOHEA

Научная статья
УДК [327.51:314.151.5(47+57)]|1944/1945|



Взаимоотношения с союзниками по антигитлеровской коалиции в процессе репатриации советских граждан: трудности и противоречия (1944–1945)

А. Ф. Бичехвост

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Бичехвост Александр Федорович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, istoriya2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8035-7840>, AuthorID: 275401

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы истории взаимоотношений стран антигитлеровской коалиции в процессе репатриации советских граждан на завершающем этапе Великой Отечественной войны и после ее окончания. Исследуются причины, препятствовавшие возвращению граждан СССР в 1944–1945 гг. на Родину по вине англо-американских союзников.

Ключевые слова: репатриация, репатрианты, военнопленные, гражданские перемещённые лица, Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан, союзники по антигитлеровской коалиции

Для цитирования: Бичехвост А. Ф. Взаимоотношения с союзниками по антигитлеровской коалиции в процессе репатриации советских граждан: трудности и противоречия (1944–1945) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 181–187. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-181-187>, EDN: WNOHEA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Relations with allies in the anti-Hitler coalition in the process of repatriation of Soviet citizens: Difficulties and contradictions (1944–1945)

A. F. Bichehvost

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Alexander F. Bichehvost, istoriya2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8035-7840>, AuthorID: 275401

Abstract. The article examines the problems of the history of relations between the countries of the anti-Hitler coalition in the process of repatriation of Soviet citizens at the final stage of the Great Patriotic War and after its end. The reasons that prevented the return of Soviet citizens to their homeland in 1944–1945 due to the fault of the Anglo-American allies are investigated.

Keywords: repatriation, repatriates, prisoners of war, civilian displaced persons, office of the Commissioner of the Council of People's Commissars of the USSR for the Repatriation of Soviet citizens, allies in the anti-Hitler coalition

For citation: Bichehvost A. F. Relations with allies in the anti-Hitler coalition in the process of repatriation of Soviet citizens: Difficulties and contradictions (1944–1945). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 181–187 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-181-187>, EDN: WNOHEA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

США, страны Запада, поставляя новейшие виды вооружения и боеприпасы Украине, руками украинских националистов в начале 20-х гг. XXI столетия развернули боевые действия против России. «Холодная война» (1946–1991), о победе в которой американские политики оповестили мир в 90-е гг. XX в., оказалась незавершенной и в современных условиях перерастает в «горячую». Важно понять и объяснить истоки «холодной войны», причины ухудшения отношений между бывшими союзниками. Фактически нача-

ло «холодной войне» положила позиция, занятая США и Великобританией в вопросе репатриации советских граждан в 1944–1945 гг.

Освобождая территорию нацистской Германии и продвигаясь к Эльбе, американские войска возвращали свободу сотням тысяч советских военнопленных, гражданским перемещённым лицам, иностранным подданным, вывезенным на принудительные работы в Третий рейх. Советские граждане либо оставались на местах, где их застало освобождение, либо шли за аме-



риканскими войсками навстречу Красной армии. Майор Польшалов, уполномоченный по репатриации советских граждан из зоны действий XII американской военной группы (1-й, 3-й, 9-й и 15-й армий), в докладе о проделанной работе за период с 19 апреля по 20 августа 1945 г., направленном помощнику Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-майору В. М. Драгуну, делился впечатлениями от увиденного на территории Германии: «Проезжая район действия 16-го корпуса 9-й американской армии с 20 по 28 апреля, я встретил следующую обстановку: с освобождением Рурской области 9-й американской армией было освобождено около 800 000 наших советских граждан и военнопленных, переживших все ужасы фашистского плена, представляющих из себя изнурённых, голодных и раздетых людей. Большая масса этих измученных, голодных, одетых в деревянные колодки или босиком, двигались за наступающими американскими частями в поисках приюта и спасения от смерти» [1, л. 338].

Следовало срочно оказать помощь обездоленным людям. Острейшей стала проблема размещения освобожденных. Выход виделся в создании сборных пунктов и лагерей в оккупационной зоне союзников. По словам Польшалова, «не имея официальных наших представителей на местах, американское командование само, с помощью офицеров, освобождённых из плена, собирало наших советских граждан и организовывало лагерь» [1, л. 340]. На американское командование возлагались особые надежды в создании материально-технической инфраструктуры лагерей, приемлемых бытовых и санитарно-гигиенических условий для перемещенных лиц. «Второй и основной задачей, – указывал Польшалов в отчетном докладе, – нужно было обеспечить всех советских граждан помещением, общественным питанием, одеждой, обувью и постельными принадлежностями, создать для беспризорных детей интернаты, организовать учёбу. Помещения были разрушены, канализация, водопровод не работали, электроосвещения не было. Нужно было своими силами с помощью американского командования восстанавливать и создавать человеческие условия жизни в каждом лагере» [1, л. 341].

В американской оккупационной зоне начался поиск пригодных для жилья зданий и помещений, так как освобожденные часто располагались под открытым небом, устраивались в немецких служебных помещениях – гаражах, конюшнях, естественно, не приспособленных для жизни. Лагерь и сборные пункты развертывались в помещениях рабочих команд, военных казармах, частных домах. В лагерях, расположенных в немецких городах Вейцлер и Кобург, обездоленные люди размещались в зданиях на голлом цементном полу [1, л. 378].

Военное командование союзников на первых порах не проявляло особой ответственности в решении задач жилищного и бытового обустройства советских граждан. О безучастном отношении союзнической администрации к советским людям сообщал генерал-майор А. И. Вихорев в служебной записке «К вопросу о невыполнении союзным командованием в лагерях своих обязательств по отношению к советским гражданам – бывшим военнопленным и депортированным». Докладывая о сложившихся в октябре – декабре 1944 г. тяжелых бытовых условиях жизни граждан СССР в одном из французских лагерей, он сообщал: «Жилищные условия отвратительные: бараки летние, полевого типа. Стены в них дырявые, с большими щелями, отчего всё время не прекращается сквозняк. Крыши текут, полы отсутствуют. Такое сочетание приводит к сплошной грязи. Нет матрацев, постельных принадлежностей. Люди спят на голых досках, укрываются лишь имеющимися одеялами. Особенно тяжело положение детей в семейных бараках, которые не отличаются от описанных. Бани нет. К ремонту бараков только приступили. Положение с питанием отвратительное» [2, л. 101].

Серьезной проблемой оставалась организация медицинской помощи. Объективности ради отметим, что по мере увеличения численности освобожденных советских людей американские военные власти постепенно помогали налаживать процесс лечения в репатриационных лагерях. Майор Польшалов докладывал: «По приезде на места офицеры связи с помощью американского командования первым делом организовывали горячее общественное питание, изолировали всех больных в наспех приготовленные помещения для санпунктов и госпиталей, тут же находились врачи, медобслуживающий персонал, через американское командование обеспечивающийся медикаментами и хирургическими инструментами, и начинали лечебный процесс... Встал вопрос об открытии госпиталей для тяжелобольных, отдельно для военнопленных и гражданских. В конце мая и в начале июня во всех районах, где были сосредоточены лагеря, были открыты госпитали в специальных помещениях, или приспособленных для госпиталя, с нашим медицинским персоналом, с американской администрацией. Там, где не хватало наших врачей, присылались на работу немецкие, а в госпиталях для военнопленных – американские врачи» [1, л. 344–345].

Однако преувеличивать роль американского командования в медицинском обслуживании советских граждан оснований нет. В сводке, поступившей 10 апреля 1945 г. на имя секретаря ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкова от Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан генерал-полковника Ф. И. Голикова, в разделе III «Состояние работы по репатриации



за рубежом» отмечалось: «На 6.4.45 в американских лагерях было до 100 больных советских людей, такое же количество было и в английских госпиталях, причём из них 30% тяжело больных туберкулёзом. Лечение проходит неудовлетворительно» [3, л. 36].

Острой оставалась проблема организации полноценного питания бывших узников. О недостатках в организации продовольственного снабжения перемещённых лиц в лагере г. Ахена на границе Бельгии и Голландии и последующем улучшении качества пищи упоминал в воспоминаниях «невозвращенец» И. А. Лугин: «Кормили нас первое время довольно скудно, что объяснялось транспортными затруднениями американцев. Война ведь продолжалась. Но постепенно питание улучшилось, особенно в качестве. Больные и дети получали молоко в порошке, а иногда и шоколад» [4].

Советская репатриационная миссия в Париже потребовала от американской стороны обеспечить советским военнопленным в сутки рацион питания равный по питательности рациону американского солдата (3 600 калорий), а гражданским лицам выдавать паек, обеспечивавший ежедневное потребление 2 000 калорий. Американцы не пошли на организацию дифференциации в снабжении: и советский военнопленный, и гражданский человек потребляли пищу, обеспечивавшую поступление в организм 2 000 калорий в день, хотя на практике и эта скромная норма не соблюдалась [4].

Постепенно американские военные власти организовали снабжение сборных лагерей продуктами, открывали столовые и пищеблоки, увеличивали нормы питания. «Обеспечение питанием лагерей проходило в основном через американское командование, по нормам, установленным для американского солдата, – указывал Польшалов в отчёте о проделанной работе. – Помимо отпускаемых продуктов американским командованием, производилась самозаготовка продуктов и свежих овощей у местного населения за средства, имеющиеся в лагере» [1, л. 345].

Руководитель войскового тыла в Великой Отечественной войне генерал-лейтенант интендантской службы Н. А. Антипенко в послевоенных воспоминаниях обращал внимание на нарушения союзниками Ялтинской (Крымской) конференции (4–11 февраля 1945 г.) обязательств по обеспечению питанием репатриантов: «В числе освобожденных нами из немецкой неволи были и граждане других стран – американцы, англичане, французы и др. О них тоже позаботились работники тыла фронта, доставив их в Одесский порт хорошо экипированными, с запасами продовольствия. К сожалению, не всегда тем же отвечали нам союзники. Они нередко передавали нам репатриированных не с трехдневным запасом продовольствия, согласно договоренности, а с однодневным. Я уже не говорю о других,

ныне широко известных, нарушениях западными союзниками обязательств относительно репатриации советских граждан» [5, с. 740].

В период массового освобождения граждан СССР в американской оккупационной зоне советские репатрианты остро ощущали нехватку одежды и обуви, постельных принадлежностей. И. А. Лугин вспоминал: «В лагерь мы приезжали полуодетыми или в изодранной одежде военнопленного. Американцы по какой-то причине не откликнулись на острые нужды в одежде и обуви лагерников. Вероятно, это была политика местной администрации, не подготовленной к встрече с людьми из другого мира. Даже больше, американцы вскоре стали ограничивать походы в город, отбирать и тут же сжигать добычу. Конфискацию принесённой одежды можно объяснить стремлением предупредить распространение возможных эпидемий. Но каково было колхознику, впервые в жизни заполучившему приличный костюм, видеть, как он горит у него на глазах? Или же матери, доставшей простыню или пелёнки? Конечно, брать чужое добро – дело не похвальное, но для освобождённого голого раба это был минимальный грех» [4].

Американские власти были вынуждены изыскивать дополнительные возможности, чтобы обуть и переодеть освобожденных людей, носивших концлагерные робы, обветшалую и грязную рабочую одежду. По признанию Польшалова, «с обеспечением одежды и обувью как гражданских, так и в/пленных, дело обстояло плохо, лишь небольшой процент всех лагерей в зоне 12-й армейской группы был обеспечен в плановом порядке через американское командование по соглашению Ялтинской конференции, основная же масса лагерей обеспечивалась одеждой и обувью за счёт местных ресурсов, из складов, оставленных немцами и через владельцев предприятий, изготавливающих одежду, обувь и материалы. Приходилось собственными силами начальников лагерей изыскивать эти места, организовывать свои пошивочные и сапожные мастерские и обеспечивать лагеря советских граждан. Большое количество лагерей, особенно в первый период репатриации, из-за отсутствия наших представителей на местах и неразворотливости начальников лагерей, советские граждане отправлялись на Родину американским командованием не обмундированными» [1, л. 346].

В мае 1945 г. из района действий 23-го корпуса 15-й американской армии были репатрированы необмундированными 14 000 бывших военнопленных, из них 4 000 офицеров [1, л. 346]. «... Люди ходят оборванные и без белья и так они вывезены на Родину», – сообщалось в официальном источнике [1, л. 378].

В гражданском лагере в немецком г. Вецлар (американская зона оккупации) 10 000 чел. были обеспечены бельем на 55%, верхним платьем



и обувь – на 65%, постельными принадлежностями и кроватями – на 40%. Одежд на весь лагерь было выдано 100 шт. [1, л. 378]. Плачевное положение с обеспечением репатриантов одеждой, обувью, спальными принадлежностями сложилось в гражданских лагерях в американской зоне ответственности в немецких городах Диц, Гиссен, Кобург, Бамберг и др. [1, л. 346].

Фиксировались другие факты недружественного отношения союзников к советским людям. Англо-американские военные унижали человеческое достоинство наших соотечественников, ограничивали их права, размещали в лагерях вместе с немецкими военнопленными. 23 сентября 1944 г. руководство СССР направило правительству Великобритании ноту протеста с изложением фактов недопустимого содержания советских граждан в лагерях на территории Англии. Письмо аналогичного содержания было вручено государственному секретарю США [6, с. 176–177]. В справке-докладе заместителя Уполномоченного генерал-лейтенанта К. Д. Голубева содержались сведения о жестоким отношении английских властей к советским людям: «Тов. Васильев из Лондона сообщил 12 октября № 728, что военнопленные сосредоточены в лагерях совместно с немцами и администрация поручена немцам» [7, с. 61]. Согласно донесению от 18 октября 1944 г. начальника советской военной миссии в Великобритании генерал-майора А. Ф. Васильева советские военнопленные, находившиеся в Англии, «материально обеспечены плохо и в лагерях живут совместно с немцами» [7, с. 59].

19 октября 1944 г. генерал-полковник Ф. И. Голиков направил народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову докладную записку с предложением заключить специальное соглашение с правительствами союзных стран о репатриации советских граждан. В докладной записке Ф. И. Голиков подчеркивал: «Практика работы по организации возвращения на Родину советских граждан, находящихся на территории, освобожденной союзными войсками, показывает, что основным препятствием в этом деле на сегодня является отсутствие соглашения по этому вопросу между союзными странами. Все поступающие от наших представителей из Англии, Франции, Италии и Бельгии донесения указывают на недопустимое отношение к нашим людям со стороны союзных властей, для устранения которого они не могут принять должных мер, не имея юридически оформленного на то положения и полномочия. Даже основной вопрос о том, чтобы с нашими людьми обращались не как с военнопленными, а как со свободными гражданами союзной державы, до сих пор остается неразрешенным» [7, с. 64].

Предложение Ф. И. Голикова было первой рекомендацией о подготовке к подписанию меж-

дународных договоров о взаимной репатриации граждан союзных держав, которые в последующем были утверждены на Крымской (Ялтинской) конференции союзников по антигитлеровской коалиции.

Попытка разрешить накопившиеся противоречия в вопросе репатриации граждан СССР была предпринята в октябре 1944 г. во время личных контактов руководителей СССР и Великобритании. Проблема советских военнопленных стала предметом обсуждения премьер-министра У. Черчилля и министра иностранных дел Э. Идена во время встречи с советским руководством в Москве в октябре 1944 г. Сталин настаивал на быстрейшем возвращении советских граждан и обещал, что примет соответствующие меры в отношении освобожденных британских военнопленных в Польше и Восточной Германии [8, с. 206].

6 ноября 1944 г. руководство Советского Союза направило правительству Великобритании памятную записку, в которой обобщались ранее внесенные предложения по вопросу о репатриации граждан СССР. Руководство советского государства отмечало, что британское правительство не признало упоминавшиеся в нотах советского правительства от 23 сентября и 23 октября 1944 г., памятной записке Народного Комиссара Иностранных Дел СССР от 16 октября 1944 г. конкретные факты об антигуманном отношении британских властей к освобожденным советским гражданам. Руководители СССР предложили комплекс мер по улучшению положения советских людей в английских сборных лагерях [6, с. 194]. И хотя союзники предпринимали попытки устранить недостатки в содержании наших соотечественников, в ряде лагерей непростые условия жизни сохранялись.

В интервью корреспонденту ТАСС от 11 ноября 1944 г. Уполномоченный СНК СССР по делам репатриации генерал-полковник Ф. И. Голиков информировал общественность о возвращении на Родину десятков тысяч советских граждан из Финляндии, Румынии, Польши. Уполномоченный отмечал, что первые десять тысяч прибыли из Англии, большая подготовительная работа по репатриации советских граждан велась во Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурге [7, с. 88]. Ф. И. Голиков обращал внимание на плохие условия содержания советских граждан в лагерях, расположенных в оккупированной зоне союзников: «... Многие наши люди, попав на освобожденную союзными войсками территорию, продолжают еще оставаться в лагерях для военнопленных, иногда вместе с немецкими военнопленными. Констатированы случаи, когда наши люди в этих лагерях находились и еще находятся в зависимости от немцев. Условия их содержания нередко крайне неудовлетворительны: они плохо одеты, плохо питаются,



находятся без медико-санитарной помощи, подвергаются притеснениям» [7, с. 88]. Языком дипломатического стиля Уполномоченный утверждал: «Все эти ненормальности в обращении с освобожденными советскими гражданами вытекают, очевидно, из непонимания некоторыми представителями союзных властей своих обязанностей в отношении граждан союзной державы. Советское правительство принимает энергичные меры для устранения этих неполадков. Есть все основания полагать, что они прекратятся в самом ближайшем будущем» [7, с. 88].

Серьезным шагом на пути урегулирования процесса репатриации и улучшения положения советских граждан в оккупационных зонах союзников послужили предложения К. Д. Голубева и помощника начальника Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанта Н. В. Славина, направленные 11 января 1945 г. народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову. К докладной записке прилагался проект «Соглашения о порядке содержания и репатриации граждан СССР и граждан США, освобожденных и освобождаемых Красной Армией и войсками США в процессе военных действий против Германии» и «Справка о фактах ненормального отношения к советским военнопленным и гражданам, находящимся в лагерях, со стороны американских военных властей, по донесениям советских представителей за границей» [7, с. 136–144]. Справка была составлена на основе донесений, поступивших в октябре 1944 – январе 1945 г. из Рима, Парижа, Вашингтона от сотрудников дипломатических и репатриационных миссий А. А. Громыко, В. М. Драгуна, М. А. Костылева, Лаймятова, Н. В. Новикова, И. М. Сараева [7, с. 138–144]. В ней излагались факты, связанные с нарушениями союзниками статуса граждан СССР.

11 февраля 1945 г. в результате переговоров на Крымской (Ялтинской) конференции СССР, США и Англия заключили аутентичные соглашения о взаимной репатриации граждан. Соглашения предусматривали реализацию комплекса мер по защите, содержанию и возвращению на родину граждан союзных держав [9, с. 264–267, 270–272, 275–279].

Для советской стороны заключение Крымских (Ялтинских) соглашений о взаимной репатриации было объективной необходимостью, вызванной рядом причин [10, с. 51–66], и, не в последнюю очередь, тяжелым морально-психологическим и бытовым положением советских граждан за границей, предвзятого и антигуманного отношения к ним союзников. Видеть в советских гражданах «жертв Ялты» из-за позиции советского руководства, настаивавшего на соблюдении принципа обязательного возвращения всех граждан СССР, – свидетельство необъективного и тенденциозного подхода к оценке

репатриации, ее причин, игнорирование фактов антигуманного, недружественного обращения союзников с освобожденными советскими гражданами, незнание конкретно-исторического материала. По утверждению И. К. Голодяева, первые международные соглашения о репатриации, подписанные на Ялтинской конференции, были результатом согласия союзников «на советские условия ради возвращения западных граждан» [11].

После подписания соглашений на Крымской (Ялтинской) конференции в отдельных местах оккупационных зон англо-американских войск процесс репатриации советских граждан ускорился, в других – замедлился. Негативное отношение к советским гражданам практически не изменилось.

Представители Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, работавшие в американской оккупационной зоне, продолжали сообщать о новых фактах неуважительного отношения к советским гражданам со стороны американских военнослужащих, преследовании советских людей, их запугивании, беспричинных избиениях и убийствах. В лагере № 103 в немецком г. Тельгте американцы застрелили двух советских военнопленных. Тела последних бесследно исчезли. Комендант объяснил причину убийства обитателей лагеря попыткой к бегству. В городах Падеборн и Зоэст были убиты два советских военнопленных, в лагере Бонн–Дуйсдорф американский военнослужащий застрелил выполнявшего служебные обязанности красноармейца караульной роты. 12 мая 1945 г. был убит советский военнослужащий Барабанщиков [1, л. 378–379]. Зафиксированные трагические случаи, произошедшие с советскими людьми, были не единственными.

Советское руководство постоянно обращало внимание союзников на нарушения США и Англией Крымских (Ялтинских) соглашений о репатриации. Об этом шла речь во время работы Берлинской (Потсдамской) конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) трех союзных держав – СССР, США и Великобритании.

23 июля 1945 г. член и одновременно генеральный секретарь советской делегации К. В. Новиков через политического советника главного командующего британскими оккупационными войсками в Германии Стрэма направил «Памятную записку делегации СССР делегациям США и Великобритании о репатриации советских граждан из Италии» с изложением фактов тяжелого положения граждан СССР в лагере в районе Чизенатино. В записке излагались факты, которые В. М. Молотов сообщил 22 июля 1945 г. на заседании глав правительств [12, с. 338].

На двух заседаниях, состоявшихся 30 июля и 1 августа 1945 г., были обсуждены вопросы «Репатриация советских граждан из Прибалтики,



Западной Украины и Белоруссии», «О репатриации советских граждан» и «О недопущении советских офицеров в лагеря советских военнопленных» [12, с. 253–254, 270]. Советская делегация вручила участникам переговоров тексты двух записок с обвинениями англо-американских военных властей в насильственной задержке в Норвегии выходцев из Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, размещении в лагерях вместе с немецкими военнопленными советских граждан, недопущении в лагеря советских уполномоченных по репатриации [12, с. 339–400, 415].

В очередной раз представители английской и американской делегаций обещали сделать запросы компетентным органам своих стран о фактах, изложенных советской делегацией, и проинформировать о принятых мерах. Советской стороне оставалось надеяться на изменение позиции англо-американских властей. Однако продолжавшая поступать от советских репатриационных органов и их представителей негативная информация о нарушениях союзниками прав советских граждан, условий их содержания и репатриации не давала оснований для оптимизма.

Согласно справке Управления репатриации ГСОВГ о ходе репатриации советских граждан из английской и американской зон оккупации Западной Германии и Дании по состоянию на 10 декабря 1945 г. в Советский Союз были репатриированы 2 102 758 чел., подлежали отправке 186 311 чел., 185 169 чел. находились в лагерях и вне лагерей под контролем союзников [7, с. 485]. Нерепатрированными оставались преимущественно одиночные граждане. Американцы продолжали настаивать на реализации собственных принципов репатриации советских граждан, хотя на словах американская сторона признавала необходимость строгого соблюдения Крымских (Ялтинских) соглашений.

21 декабря 1945 г. во время Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Англии секретарь США Д. Бирус вручил министру иностранных дел СССР В. М. Молотову и министру иностранных дел Соединенного Королевства Великобритания Э. Бевину меморандум по вопросу о репатриации граждан СССР. Государственный секретарь США утверждал, что из Западной Германии было репатриировано свыше 2 034 000 советских граждан. В американской зоне оккупации в Германии, по утверждению государственного секретаря, оставалось около 20 000 советских граждан. В подготовленном меморандуме, одновременно направленном американским генералом Макнерни и Кларку, государственный секретарь США призывал военнослужащих-соотечественников руководствоваться инструкциями, которые определяли категории лиц, подлежавших обязательной репатриации. По мнению американской стороны, не желавшие репатрироваться советские подданные могли

рассчитывать на покровительство в американской оккупационной зоне Западной Германии. Одновременно определялся объем компетенций представителей советских репатриационных органов по возвращению граждан Советского Союза, но с оговоркой, только тех, кто проживал на территории СССР до 1 сентября 1939 г. [7, с. 486–488].

22 декабря 1945 г. члену Коллегии НКВД СССР С. К. Царапкину было направлено письмо исполнявшего обязанности заместителя уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-майора Я. Д. Басилова. В нем содержались сведения о помощи и поддержке американским командованием националистических комитетов (украинских, белорусских, литовских, латвийских, эстонских, Русской православной общины), срывающих репатриацию советских граждан [7, с. 490].

Серьезные препятствия сохранялись в работе советских офицеров репатриационных миссий. В письме Я. Д. Басилова сообщалось: «В лагерях под американским контролем и руководством ЮНРРА находится, как видно из приведенных выше цифровых данных, большая часть оставшихся здесь не репатриированных советских граждан и преимущественно из западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтийских республик. В этих лагерях и сосредоточены сейчас те советские граждане, которые открыто заявляют о своем враждебном отношении к Советскому Союзу и по этим причинам не желают возвращаться к себе на родину. Естественно, что в этих лагерях находит благоприятную почву антисоветская пропаганда, проводимая националистическими комитетами. наших офицеров в этих лагерях, несмотря на присутствие американских представителей, встречают враждебно, нередко с антисоветскими выкриками и наносят личные оскорбления. Беседы наших офицеров с отдельными советскими гражданами, находящимися в этих лагерях, по вопросам возвращения на родину, за последнее время не дают положительных результатов» [7, с. 490].

Предвзятое и негуманное отношение союзных властей к советским гражданам, находившимся в оккупационных зонах союзников, усилия, направленные на срыв репатриации в 1944–1945 гг., объяснялись рядом причин:

во-первых, союзники надеялись смягчить проблему трудовых ресурсов, обеспечить экономику собственных и зависимых стран высококвалифицированными кадрами, привлекая советских граждан редких профессий и специальностей;

во-вторых, советские люди становились резервом пополнения иностранных вооруженных сил, формирования военных контингентов для установления американского мирового господства, удержания в зависимости колониальных стран;



в-третьих, явные предатели и изменники Родины, нашедшие покровительство у англо-американских хозяев, могли стать основой агентурной базы, использоваться в антисоветской пропагандистской работе, организации враждебных действий в советской оккупационной зоне, странах, находившихся в сфере влияния СССР;

в-четвертых, ухудшение отношений с союзниками в процессе репатриации советских граждан СССР становилось все более явным по мере возвращения на родину иностранных граждан, освобожденных в ходе наступательных боев Красной армией;

в-пятых, в планах развязывания «холодной войны», затягивание и срыв процесса репатриации советских граждан рассматривались бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции как предлог и средство для развертывания и ведения «холодной войны».

В послевоенных воспоминаниях видный советский и белорусский дипломат К. В. Киселёв, принимавший участие 12 февраля 1946 г. в пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, на которой обсуждалась проблема беженцев – жертв Второй мировой войны отмечал: «После обсуждения вопроса о беженцах всем стало ясно: кое-кто в Соединенных Штатах Америки и Англии хотел бы использовать беженцев в своих интересах – в качестве дешевой рабочей силы, а также в целях борьбы против Советского Союза и стран народной демократии» [13]. Это утверждение объективно.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р.-9526 (Управление Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации. 1944–1953). Оп. 1. Д. 200.
2. ГАРФ. Ф. Р.-9526. Оп. 1. Д. 168.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС 1898, 1903–1991). Оп. 125. Д. 314.
4. Лугин И. А. Полплотка свободы. URL: <https://coollib.com/b/461836/read> (дата обращения: 20.01.2024).
5. Антипенко А. Н. Тыл в Берлинской операции // 9 мая 1945 года / сост. В. Д. Вознесенский, Д. Б. Рубежный; под ред. А. М. Самсонова. М. : Наука, 1970. 749 с.
6. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : Документы и материалы : в 2 т. Т. 2 : 1944–1945 / Министерство иностранных дел СССР; редкол. : Г. П. Кынин [и др.]. М. : Политиздат, 1983. 494 с.
7. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952: сборник документов : в 2 т. / отв. ред. О. В. Лавинская, В. В. Захаров ; сост. К. М. Гринько, Е. В. Полтарацкая; при участии С. Дальке, М. Уля. Т. 1 : 1944–1946. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 877 с.
8. Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. 400 с.
9. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сборник документов : в 6 т. Т. 4 : Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М. : Политиздат, 1984. 302 с.
10. Бичехвост А. Ф. К вопросу о причинах репатриации советских граждан (1944–1946) // Проблемы экономической, социальной и политической истории России XX века : материалы региональной научной конференции, посвященной 120-летию профессора В. К. Медведева (Саратов, 13 октября 2023 г.) / под ред. В. Н. Данилова, А. А. Гуменюка. Саратов : Саратовский источник, 2023. 128 с.
11. Голодяев И. К. Репатриационная политика союзников и Франции в СССР в 1943–1953. URL: https://www.joslyon.com/wp-content/uploads/2020/09/Lyon_11_2.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
12. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сборник документов : в 6 т. Т. 6 : Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М. : Политиздат, 1984. 511 с.
13. Киселёв К. В. Записки советского дипломата. URL: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z0000007/index.shtml> (дата обращения: 19.01.2024).

Поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 10.02.2024

The article was submitted 22.01.2024; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 188–192

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 188–192

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-188-192>, EDN: WORBQZ

Научная статья

УДК [316.658:394.46](47+57)|1957|



«Глазами друзей»: использование международной повестки в советском праздничном пропагандистском дискурсе (по материалам юбилейных торжеств 1957 г. в Ленинграде)

А. В. Ломакин

¹ Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), Россия, 197022, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5

² Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9

Ломакин Александр Владимирович, ¹ ассистент кафедры истории культуры, государства и права; ² аспирант кафедры новейшей истории России, lloommm_98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1896-2710>, AuthorID: 1160076

Аннотация. На материале периодической печати, текстов праздничных радиотрансляций и документов советских и партийных властей Ленинграда воссоздаются особенности использования международной повестки в качестве одного из тропов праздничного пропагандистского дискурса. На примере юбилейных торжеств 1957 г. в СССР автор приходит к выводу о том, что использование международной тематики в информационном освещении праздников способствовало укреплению положительного образа СССР как международного лидера в глазах советских граждан, а также позволяло создавать впечатления о проводимых торжествах как о событиях всемирного масштаба.

Ключевые слова: советские праздники, годовщины революции, пропаганда, международная повестка, СССР, «хрущевская оттепель»

Для цитирования: Ломакин А. В. «Глазами друзей»: использование международной повестки в советском праздничном пропагандистском дискурсе (по материалам юбилейных торжеств 1957 г. в Ленинграде) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 188–192. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-188-192>, EDN: WORBQZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Through the eyes of friends”: The use of the international agenda in the Soviet festive propaganda discourse (based on the materials of the 1957 anniversary celebrations in Leningrad)

A. V. Lomakin

¹ Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”, 5 Professora Popova St., St. Petersburg 197022, Russia

² Saint Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Alexander V. Lomakin, lloommm_98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1896-2710>, AuthorID: 1160076

Abstract. Based on the material of the periodical press, texts of festive radio broadcasts and documents of the Soviet and party authorities of Leningrad, the features of using the international agenda as one of the tropes of festive propaganda discourse are recreated. On the example of jubilee celebrations in 1957 In the USSR, the author comes to the conclusion that the use of international themes in the information coverage of holidays contributed to strengthening the positive image of the USSR as an international leader in the eyes of Soviet citizens, and also allowed creating impressions of the celebrations as world-wide events.

Keywords: Soviet holidays, anniversaries of the revolution, propaganda, international agenda, USSR, “Khrushchev’s thaw”

For citation: Lomakin A. V. “Through the eyes of friends”: The use of the international agenda in the Soviet festive propaganda discourse (based on the materials of the 1957 anniversary celebrations in Leningrad). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 188–192 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-188-192>, EDN: WORBQZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Празднование годовщин Великой Октябрьской Социалистической революции (далее – ВОСР) в послевоенную эпоху не обходилось без использования пропагандистских элементов, связанных с международным положением СССР. Закрепив за собой статус великой державы по окончании Второй мировой войны, СССР, с одной стороны, брал на себя определенные обязательства как лидер стран народной демократии, а с другой стороны, получал возможность использовать этот факт во внутривнутриполитических целях. В праздничной пропаганде международная повестка не занимала центрального места, однако ее роль была значительной, что находило отражение как в публикуемых ежегодных призывах ЦК КПСС к годовщинам революции, так и в других элементах праздника, прежде всего в информационном освещении и сопровождении торжества, а также в привлечении представителей зарубежной общественности к участию в праздниках в качестве гостей.

В рамках данной статьи международный аспект праздничной пропаганды рассматривается в контексте мероприятий 1957 г., проводимых по случаю 40-летия ВОСР. Это было празднование первой круглой годовщины революции, отмечаемое после смерти И. В. Сталина, и первое в условиях обновленных целей и задач партии, в частности в условиях курса на мирное сосуществование социалистических и капиталистических стран, провозглашенного XX съездом КПСС 1956 г. Нельзя не отметить, что 1957 г. был поистине «праздничным годом»: СССР принимал VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, а в Ленинграде состоялись масштабные празднества по случаю 250-летия города. Эти торжества также проходили в контексте встречи юбилея Октября, и Ленинграду как «колыбели революции» отводилась особая роль. На базе делопроизводственных документов фондов архивов Санкт-Петербурга (ЦГА СПб, ЦГАИПД СПб, ЦГАЛИ СПб), а также ряда опубликованных источников в данной статье реконструируется использование международной повестки в качестве одного из тропов праздничного пропагандистского дискурса.

Проведенные Б. А. Грушиным исследования результатов социологических опросов периода «оттепели» наглядно показывают, что большинство граждан СССР однозначно оценивали Октябрьскую революцию как главное событие мировой истории XX в. [1, с. 430]. Поскольку революция была, безусловно, событием международного масштаба, нет ничего удивительного в том, что в дни празднования годовщин ВОСР обязательным было привлечение международной общественности к торжествам для подчеркивания всемирного статуса и самих событий октября 1917 г., и отмечаемых годовщин. Проводимые в 1957 г. юбилейные торжества

не стали исключением, праздник проходил с особым размахом и был отмечен приездом в СССР ряда иностранных гостей. В газетах тиражировалась фотография трибуны Мавзолея, где вместе с руководителями КПСС стояли и лидеры коммунистических партий ряда зарубежных государств: Пальмиро Тольятти, Сун Цин-лин, Янош Кадар, Антонин Новотный, Киву Стойка, Тодор Живков, Хо Ши Мин, Вальтер Ульбрихт, Мао Цзэдун, Ким Ир Сен, Энвер Ходжа [2] и др. Никогда прежде иностранные лидеры компартий мира не встречали юбилей Октября на главной трибуне страны плечом к плечу с советскими лидерами. На протяжении нескольких недель пресса освещала пребывание иностранцев в СССР, публиковала поздравления и отзывы. «Мы уезжаем гордые и восхищенные увиденным в величественные октябрьские дни, силой, единством и могуществом Советского государства, советского социалистического строя, которые ярко были продемонстрированы в день 40-й годовщины Великой Октябрьской революции», – говорил перед отъездом глава компартии Болгарии Тодор Живков [3].

Активное освещение международной политики в печати работало и на личный престиж Н. С. Хрущева, потому как, в отличие от И. В. Сталина, он много выезжал за границу с дипломатическими миссиями и в целом позиционировался как специалист в этой области (что, помимо прочего, будет поставлено ему в вину в октябре 1964 г., когда его будут снимать с должности [4, с. 243–244]). В праздничной пропаганде международная активность советского партийного лидера также транслировалась как пример удачной дипломатии. Например, в радиотрансляции Первмая 1956 г. в Ленинграде в качестве аргумента «твердого и последовательного отстаивания ленинского принципа мирного сосуществования стран с различными общественными системами» приводилась поездка Н. С. Хрущева и Н. И. Булганина в Англию [5, л. 8]. В действительности же реализация нового курса была связана с рядом проблем. Сам Н. С. Хрущев вспоминал, что после XX съезда начались «переживания во всех компартиях» [6, с. 300]. Юбилей Октября был отличной возможностью показать единство и сплоченность социалистического лагеря. В 1957 г. внешняя политика СССР выглядела более удачно, чем год назад: Венгерский и Суэцкий кризисы 1956 г. остались позади, а Москва, летом принимавшая тысячи иностранных гостей фестиваля молодежи и студентов, теперь встречала десятки международных лидеров. Это давало отличный материал для пропаганды внешнеполитических успехов СССР в дни праздников.

Празднование юбилея Октября в Ленинграде проходило также с привлечением иностранных гостей, которые были приглашены



на торжественное заседание в Таврический дворец 12 ноября [7, л. 1]. Согласно спискам ответственных работников и членов приглашенных делегаций среди гостей Ленинграда были лидеры и видные члены мирового коммунистического движения: Жак Дюкло и Жаннет Вермеерш (Франция), Фридль Фюрнберг (Австрия), Судисман (Индонезия), Вилле Песси (Финляндия), Гербен Вагенаар (Голландия), Тим Бак (Канада) и др. Иностранцы наряду с местными партийными лидерами входили в Президиум заседания в Таврическом [7, л. 1–2, 5–6]. Прием широко освещался в прессе. Так, «Правда» писала о прибытии в Ленинград представителей более 50 делегаций различных государств (включая Францию, Великобританию, Италию) и их участия в праздничных мероприятиях, в том числе митингах на заводах «Электросталь», «Красный треугольник» и фабрике «Скороход» [8]. Также были опубликованы отчеты о торжественном заседании, прошедшем «в сердечной обстановке» [9]. Столь большое внимание иностранных гостей к Ленинграду объяснялось прежде всего особым статусом города, являвшегося «колыбелью революции».

При этом пребывание в Ленинграде китайской делегации почти не освещалось, поскольку после так называемого разоблачения культа личности И. В. Сталина на XX съезде КПСС в отношениях двух держав наметился серьезный разлад. Вероятно, в том числе и этим был обусловлен весьма специфический состав представителей КНР, приглашенных на торжественное заседание в Таврический дворец. В Ленинграде гостила военная делегация, в составе которой были: Су Юй, Сюй Гуан-Да и Сяо Цзин-Гуан (Цзингуан), являвшиеся тремя из десяти человек, удостоенных звания генерала Народно-освободительной армии Китая – НОАК (генерала армии); Лю Я-Лоу (Ялоу), воевавший под Сталинградом и ставший первым главнокомандующим ВВС НОАК; генерал НОАК (генерал-полковник) и будущий член ЦК КПК Чен Си-Лянь и другие военные [7, л. 45]. В списках приглашенных гостей от КНР «гражданских» политических деятелей не значилось. О присутствии китайцев в Ленинграде сообщалось отдельно, в небольшой заметке говорилось о посещении делегацией одного из боевых кораблей Балтийского флота, Военно-Морской академии им. А. Н. Крылова, комнаты Ленина в Смольном, а также об устроенном командующим войсками Ленинградского военного округа М. В. Захаровым обеда в честь китайских гостей [10]. Однако допустить публичных намеков на охлаждение отношений с Китаем было невозможно, поэтому в праздничном информационном сопровождении, напротив, подчеркивалась нерушимость союза СССР и КНР. На первой странице праздничного выпуска «Правды» красовалась фотография трибуны мавзолея, где Мао

Цзэдун стоял между Н. С. Хрущевым и Н. А. Булганиным [2], а в радиотрансляции с главной площади страны звучала тема «Говорят страны лагеря социализма» и первое слово предоставлялось именно Пекину [11, л. 118].

На ленинградском радио «китайская» тема также была частой. Так, во время Первой 1957 г., проводившегося также под знаменем 40-летия Октября, ленинградцы могли услышать стихотворение Прокофьева «Братья» (в документе автор указан без инициалов, вероятно, имеется в виду А. А. Прокофьев – ответственный секретарь Ленинградского отделения Союза писателей):

«Ты, песня, веснянкой крылатой
Под самое солнце взлетай!
Живут два могучие брата -
Советский Союз и Китай.

Один для другого опора.
Их клятва о дружбе навек
Идет за долины и горы,
Летит через тысячи рек.

Горит на знаменах багровых,
Пристрастий своих не таит
И всюду в простых и суровых
Сердцах миллионов горит...»
[12, л. 110].

Так же как и радио-включения из социалистических стран, чтения праздничных стихов на международную тематику в 1950-е гг. становятся весьма распространенным явлением. Они были направлены прежде всего на советского слушателя и зрителя и далеко не всегда отражали реальную ситуацию на международной арене. Их целью было конструирование «правильного» и положительного представления о ситуации в мире и о положении СССР. На это же было направлено и праздничное оформление города лозунгами и призывами ЦК КПСС, в которых на протяжении 1950–1960-х гг. устойчивое место занимала группа призывов «международной тематики» [13, с. 68]. В Ленинграде середины 1950-х гг. они традиционно украшали набережную лейтенанта Шмидта, а центральной темой была борьба СССР за мир [14, л. 30].

Важно отметить, что пропагандисты стремились избегать любых негативных интенций, пусть даже идеологически верных. Так, из текста радиотрансляции празднования 40-й годовщины ВОСР в Ленинграде цензор вычеркнул целый блок текста, рассказывающего о восприятии Октябрьской революции за рубежом: «Злобным звериным воем встретили ее рождение враги, пророка ей гибель через несколько недель или месяцев. Но буржуазные пророки просчитались – и не на недели, не на месяцы и годы, а навсегда, навечно!» [11, л. 8]. Видимо, в контексте нового внешнеполитического курса незачем было



вспоминать «старые обиды», тем более в праздничный день. Куда важнее было подчеркнуть новые достижения дипломатии, статус СССР как международного лидера, избегая какой-либо противоречивости. В этом кроется одно из отличий советской праздничной пропаганды от будничной, газетной, в которой нередко были выпады в адрес западных стран и всегда находилось место какой-либо форме негатива (будь то осуждение разжигателей новой войны или возмущение колониальной политикой некоторых капиталистических стран). Главной целью праздничных радиотрансляций было вызывать положительные эмоции, заставляя слушателей ощущать радость и гордость за свою страну, зачастую в ущерб «качественности» пропагандистских форм. Приведем наиболее яркий пример, относящийся еще к 1953 г., когда во время празднования очередной годовщины ВОСР звучали следующие строки Михаила Дудина:

«... О ней молва идет из края в край,
Крутой волной по всей планете катит.
С моей страной – плечо к плечу – Китай,
Народы стран народных демократий...»
[15, л. 38–39].

В этом отрывке наглядно видна особенность праздничной поэтической радиопропаганды: она во многом ограничена аудиальным восприятием и рассчитана на эмоциональное воздействие «в моменте». Если бы данное стихотворение было напечатано, вряд ли оно вызвало бы у читателей что-то кроме улыбки («катит», «народы стран народных демократий»). В материалах газет, напротив, международный аспект праздничной пропаганды раскрывался скорее не эмоциональными средствами («дружеские приветия» и «сердечные поздравления» едва ли обладали способностью вызвать отклик в душе), а через количество сообщений и широкий охват поздравляющих стран.

Спустя неделю после юбилея Октября 1957 г., в «Правде» продолжали публиковаться поздравления от иностранцев, причем не только официальные, от компартий из разных уголков мира, но и, например, от коллектива Северочешского маслозавода, г. Усти над Лабой (Чехословацкая Республика) или жителей деревни Сейка-Маре, района Меднаш, области Сталин (Румынская Народная Республика) [9]. Очевидно, что целью публикации таких поздравлений «от простого населения» была демонстрация всенародного и интернационального статуса Великого Октября. В итоге создавалось впечатление, что вместе с советскими гражданами годовщины революции празднуют все слои населения всех стран планеты. «Историкам будущего найдется над чем поработать, описывая переживаемые нами дни. Ни одно торжество ни одного государства планеты никогда еще не волновало

такое множество людей...», – писала газета «Советская культура» [16]. Ощущение присутствия в центре праздника «вселенского масштаба» создавало атмосферу причастности к чему-то крупному и великому.

Помимо демонстрации высокого международного статуса СССР и крепких дружественных связей со странами социалистического лагеря, в некоторой степени информационное воздействие было направлено и на преодоление железного занавеса, поскольку публиковались поздравления и «прогрессивных» представителей капиталистических стран.

В контексте праздничных мероприятий издавались книги воспоминаний и отзывов иностранцев о СССР. Так, в 1959 г. вышел сборник «Глазами друзей», в который вошли как очень известные тексты, написанные, еще в 1920-е и 1930-е гг. (отрывки из «10 дней...» Джона Рида, статей Теодора Драйзера, Бернарда Шоу и др.), так и тексты 1950-х гг., в которых иностранные корреспонденты, писатели, художники рассказывали о своих впечатлениях об СССР. Примечательно, что значительный массив привлеченных в сборнике текстов связан с празднованиями годовщин ВОСР: наряду с поздравительными статьями и письмами публиковались также и впечатления иностранцев о посещении ноябрьских праздников. Так, индийский писатель Ходжа Ахмад Аббас писал о масштабных торжествах, увиденных им в Москве, о посещении «Города Феникса – колыбели революции» (Ленинграда), о непрекращающихся концертах, банкетах и вечерах, о переполненных народом магазинах и о том, что «не удивился бы, если бы бутылки из-под вина и водки, помещенные друг за дружкой, опоясали земной шар» [17, с. 228–229].

Также в сборнике были опубликованы статья «Освещающая гроза» голландского писателя Тойна Де Фриза, в которой он, подчеркивая достижения советского общества, в том числе запуск искусственного спутника Земли, поздравляет молодое поколение советского народа с 40-й годовщиной Октября [18, с. 321–324]; статья «Страна любимая» чешского писателя Иржи Марека [19, с. 325–327], стихотворение «Октябрь 1917–1957» испанского поэта и драматурга Рафаэля Альберти, заканчивающееся строкой «... На небе светит солнце Октября» [20, с. 329], эссе «Мир в долгу перед советскими людьми (Из воспоминаний последнего сорокалетия)» американской журналистки Анны-Луизы Стронг [21, с. 341–346] и другие тексты, написанные к годовщине Октября 1957 г. Безусловно, большинство этих авторов были членами компартий, однако в данном сборнике они представляли прежде всего как иностранцы, делящиеся своими впечатлениями и эмоциями. Так, советские читатели могли удовлетворить свой интерес о взгляде на их родину «со стороны», а также убедиться, что весь мир



радуется их победам и празднует славную годовщину Октября вместе с ними. Неслучайно и предисловие к сборнику начинается словами: «Немного выходит на свете книг, которые читаешь с таким увлечением, как эту» [22, с. 3].

Таким образом, международная повестка в праздничной советской пропаганде транслировалась через ряд специфических форм и выполняла достаточно разнообразные функции. В лозунгах и призывах ЦК КПСС, украшавших город, важное место занимала тема борьбы СССР за мир во всем мире. В газетах печатались поздравительные письма и дружеские приветия, отчеты о пребывании в СССР международных делегаций, фотографии иностранных лидеров. В радиотрансляциях звучали включения из других стран, читались стихи на международную тематику, освещались внешнеполитические успехи СССР и его лидеров. Создавались книги, в которых печатались поздравления иностранцев и их мысли (впечатления) о Советском государстве. Международная повестка в праздничном дискурсе выполняла несколько задач: поддерживала положительный образ СССР как международного лидера (причем не только среди социалистических стран, но и как оплота мировой демократии вообще), увеличивала масштаб празднуемых годовщин (не просто государственный праздник СССР, но праздник всего «прогрессивного человечества»), предоставляла советским гражданам положительный «взгляд со стороны» на Советский Союз и на проводимые торжества, что в свою очередь создавало эффект объективности. При этом в отличие от будничного освещения международных отношений в красные дни календаря пропагандисты старались избегать негатива и использовали, как правило, только непротиворечивые нарративы, отражавшие успехи СССР и сплоченность вокруг него коммунистов всего мира. Таким образом, торжества обретали интернациональный характер, что не только улучшало эмоциональный фон в обществе, но и усиливало значимость праздничных мероприятий, позволяло советским гражданам почувствовать себя в центре праздника «мирового» уровня.

Список литературы

1. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. Кн. 1: Жизнь 1-я. «Эпоха Хрущева». М. : Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.
2. Устинов А. Москва. 7 ноября 1957 года. Празднование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1957. 8 нояб.
3. Отъезд из Москвы делегации Народной Республики Болгария // Известия. 1957. 22 нояб.
4. Медведев Р. Хрущёв: политическая биография. Benson : Chalidze Publications, 1986. 274 с.
5. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 293 (Государственная телерадиокомпания «Петербург – 5 канал». Санкт-Петербург. 1933–1998). Оп. 4. Д. 137.
6. Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М. : Варгиус, 1997. 512 с.
7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7384 (Санкт-Петербургский городской Совет народных депутатов. Санкт-Петербург. 1917–1993). Оп. 37. Д. 1668.
8. Вчера в городе Ленина. Выступления зарубежных делегаций на собраниях рабочих // Правда. 1957. 12 нояб.
9. Пребывание в Ленинграде членов зарубежных делегаций // Правда. 1957. 13 нояб.
10. Китайские гости в Ленинграде // Правда. 1957. 14 нояб.
11. ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 4. Д. 404.
12. ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 4. Д. 401.
13. Попов А. Д., Пивоваров Н. Ю. Демонстрация дискурсивной власти: высшее партийное руководство СССР и организация празднования 1 мая и 7 ноября (1950–1960-е годы) // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 59–73.
14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24 (Ленинградский областной комитет КПСС. Смольнинский район, Ленинград. 1927–1991). Оп. 92. Д. 210.
15. ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2–3. Д. 4528.
16. Великий праздник великого народа // Советская культура. 1957. 12 нояб.
17. Аббас Х. А. В стране Красной Звезды // Глазами друзей : сборник / сост. В. В. Устинов, О. К. Кирик. Л. : Лениздат, 1959. С. 228–233.
18. Фриз Т. Д. Освежающая гроза // Глазами друзей : сборник / сост. В. В. Устинов, О. К. Кирик. Л. : Лениздат, 1959. С. 321–323.
19. Марек И. Страна любимая // Глазами друзей : сборник / сост. В. В. Устинов, О. К. Кирик. Л. : Лениздат, 1959. С. 325–327.
20. Альберти Р. Октябрь 1917–1957 // Глазами друзей : сборник / сост. В. В. Устинов, О. К. Кирик. Л. : Лениздат, 1959. С. 329.
21. Стронг А.-Л. Мир в долгу перед советскими людьми (Из воспоминаний последнего сорокалетия) // Глазами друзей : сборник / сост. В. В. Устинов, О. К. Кирик. Л. : Лениздат, 1959. С. 340–346.
22. Саянов В. Предисловие // Глазами друзей : сборник / сост. В. В. Устинов, О. К. Кирик. Л. : Лениздат, 1959. С. 3–5.

Поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 10.02.2024



ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 193–199

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 193–199
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-193-199>, EDN: YQPEJZ

Научная статья
УДК [94+355.48](430.113)|1814|+929Беннигсен

История освобождения Гамбурга весной 1814 года

А. А. Гунько

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гунько Андрей Анатольевич, аспирант кафедры всеобщей истории, violla0217@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0001-9777-7013>, AuthorID: 1178659

Аннотация. В данной статье рассматривается история освобождения генералом Л. Л. Беннигсеном весной 1814 г. города-государства Гамбург от солдат Великой армии Наполеона. После изнурительной, почти годовой оккупации многонаселенного города, пережившего уничтожение целых районов, разграбление банка, выдворение из города части местного населения, эпидемию сыпного тифа, унесшую жизни нескольких тысяч человек, местные жители вновь приветствовали армию союзников по антинаполеоновской коалиции в окрестностях своего города. В отличие от первого освобождения города от французов весной 1813 г. местные власти теперь подготовились к официальным торжествам более основательно. Был разработан специальный регламент, горожанам через прессу были доведены до сведения правила поведения при вхождении союзных войск в город. Главный императив и городских властей, и военного командования союзников – избежать эксцессов на почве мести. Также на основе анализа источников личного происхождения и прессы того времени раскрывается восприятие занятия союзными войсками города как местным населением, так и русскими офицерами.
Ключевые слова: история Германии, Наполеоновские войны, кампания 1814 г., Гамбург, Даву, Беннигсен

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00113: «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи».

Для цитирования: Гунько А. А. История освобождения Гамбурга весной 1814 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 193–199. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-193-199>, EDN: YQPEJZ
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

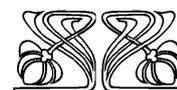
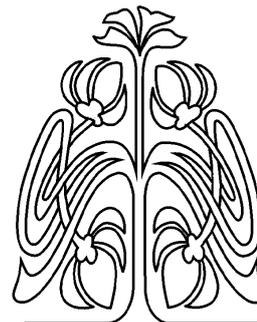
The story of liberated Hamburg in the spring of 1814

A. A. Gunko

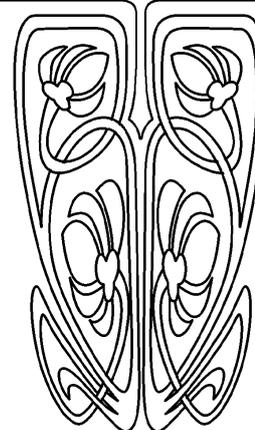
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Andrew A. Gunko, violla0217@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-9777-7013>, AuthorID: 1178659

Abstract. This article examines the history of the liberation of General L. L. Bennigsen in the spring of 1814 the city-state of Hamburg from soldiers of the Great Army of Napoleon. After a grueling,



**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**





almost year-long occupation of a crowded city that has survived the destruction of entire districts, the looting of a local bank, the expulsion of part of the local population from the city, an epidemic of typhus, which claimed the lives of several thousand people, the citizens welcomed the Allied Coalition Forces in the vicinity of their city again. In contrast to the first liberation of the city from the French in the spring of 1813 local authorities now prepared for official celebrations more thoroughly. A special regulation was drawn up and the rules of conduct for the entry of Allied troops into the city were communicated to the citizens through the press. The main imperative of both the city and the Allied military command is to avoid revenge excesses. Also, the article, based on the analysis of sources of personal origin and the press of that time, reveals the perception of occupation by the allied troops of the city as a local population and Russian officers.

Keywords: the history of Germany, the Napoleonic Wars, the campaign of 1814, Hamburg, Davout, Bennigsen

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 20-18-00113: "Man at War: The Anthropology of Military History of the Napoleonic Era".

For citation: Gunko A. A. The story of liberated Hamburg in the spring of 1814. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 193–199 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-193-199>, EDN: YQPEJZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Развитие военно-исторической антропологии с ее претензиями на «человеческое измерение» войны подтолкнуло историков к поиску новых исследовательских полей, в частности феномена оккупации [1]. Применительно к истории наполеоновских войн одной из ключевых тем в русле данного историографического направления становится изучение разных сторон взаимодействия гражданского населения оккупированных территорий и иностранных военных [2]. В свою очередь одним из перспективных направлений разработки этой темы может стать изучение истории осады и блокады различных городов и крепостей через совмещение традиционных подходов военной истории с ее новыми антропологическими измерениями, путем рассмотрения истории той или иной осады и блокады как извне – с военно-политической точки зрения (от тактики ведения осадной войны до политических последствий), так и изнутри – с точки зрения имагологии (враги и союзники глазами осажденных), психолингвистики (пейоративы и похвала в дискурсе осажденных), исторической памяти (мифологизация осады), истории эмоций (чувства и страхи осажденных) и т. д.

В данной статье рассматривается реакция горожан Гамбурга на повторное освобождение Вольного города армией под командованием Л. Л. Беннигсена в конце мая 1814 г. Основными источниками для настоящего исследования являются письма жителей Гамбурга [3], воспоминания военных [4] и местная пресса [5–7].

Попытки комплексно обозреть жизнь внутри этого торгового города в условиях французской оккупации начались со второй половины XIX в.: К. Мёнкеберг [8], П. Хольцхаузен [9], Э. Хекшер [10], Е. В. Тарле [11] последовательно изложили экономические, социальные, политические события и процессы в городе, вписывая их в общий контекст истории германских земель в период наполеоновских войн. На рубеже XX–XXI столетий эта традиция сохранилась [12]. В зарубежной историографии приобрело популярность освещение истории Гамбурга с точки зрения истории повседневности, микроистории,

гендерной истории, складывания немецкого национализма и развития патриотизма (К. Ааслештад [13, 14], К. Хагеманн [15, 16], М. Хевитсон [17] и др.), в то время как в отечественной историографии исследователи больше интересовались отдельными сюжетами военной стороны вопроса, в частности участием в блокаде Гамбурга ополчений [18, 19].

Со времен Средневековья Вольный город Гамбург, защищая свой суверенитет, вслед за другими городами-государствами Ганзейской лиги пытался упрочить торговые связи по всему Старому Свету [14, р. 583–584]. В одном из своих очерков, посвященных рассуждениям о влиянии Континентальной блокады на крупнейшие торговые города Западной Европы, Е. В. Тарле описывает экономическое положение Гамбурга в эпоху Французской революции как «главного посредника в торговле Франции с Севером, ибо французский флаг, гонимый англичанами, не смел нигде показаться. В эту же эпоху много французских семейств перевело свои капиталы в Гамбургский банк, ибо держать их во Франции было небезопасно» [11, с. 256].

Гамбург оказался в тот период для Франции и Англии своего рода «тихой гаванью», так как прямые торговые отношения между соседями по Ла-Маншу были прерваны в результате разразившейся войны: французские купцы могли на законном основании торговать с Гамбургом и не быть в ответе перед своим правительством, хотя ясно было, что за Гамбургом стоят англичане. Именно до прихода Наполеона к власти, по утверждению Е. В. Тарле, особенно развились и укрепились связи между Гамбургом и французскими мануфактурами и торговыми домами [11, с. 256]. Э. Хекшер также указывает на расцвет торговли в ганзейских городах (в частности в Гамбурге как крупнейшем и влиятельнейшим из них) в качестве импортеров в Европу английских и колониальных товаров в 1803–1806 гг., когда Эльба и Везер были перекрыты [10, р. 167–168].

Когда Наполеон в целях экономического удешевления Англии ввел Континентальную блокаду, это, конечно, должно было ударить по ин-



тересам всех торговых городов, в том числе и Гамбурга. Однако специфика геополитического расположения Гамбурга сыграла свою роль, дав ему некоторые преимущества перед Бременом или Любеком (особенно после утраты Голландией суверенитета): закрыв коридор возможностей для купцов, она открыла потайную дверцу для нелегальной коммерции неимущих (low-class) слоев населения. В 15 мин ходьбы от городских стен, служивших таможенной границей, располагался датский городок Альтона [11, с. 263; 8, S. 46–47]. Фактически это был пригород Гамбурга. Предприимчивые жители Гамбурга поспешили обратить сложившуюся ситуацию в свою пользу – расцвела контрабанда английскими товарами. Горожане – мужчины, женщины, дети – в свободное от работы время перебирались в Альтону, чтобы пронести в ботинках (иногда во рту) через городские ворота такие контрабандные товары, как кофе, черный перец или сахар [8, S. 31–32; 10, p. 187–192; 13, p. 652]. Внутри города их ждали торговцы, которые охотно покупали этот товар [8, S. 46–47].

Любопытен случай, который демонстрирует практику ведения теневых торговых операций между Гамбургом и остальной французской империей: после включения Гамбурга в начале 1811 г. в состав департамента Буш-де-л'Эльба (Département des Bouches de l'Elbe) Первой империи в городе весной того же года «неожиданно» оказались в большом количестве колониальные товары. Однако гамбургским купцам было позволено ввезти их лишь под тем условием, что они вывезут на ту же сумму шелковых материй из Лиона. При этом подчеркивалось, что эта «милость» оказывается только потому, что «Гамбург составляет теперь часть французской империи» [11, с. 263–264]. Для того чтобы оценить масштаб контрабандных операций, конкретизируем: только с 11 по 31 марта 1811 г. (по новому стилю) французские власти конфисковали 162 т кофе, 26,9 т сахара и 12,7 т перца [14, p. 655].

Внутриполитическая обстановка в городе накалилась после неудачного похода Наполеона в Россию: так, в начале 1813 г. по всей Германии распространились слухи о «приближающихся русских», в связи с чем прокатилась волна антифранцузских выступлений. Жители Гамбурга не остались в стороне: катализатором мятежа против французов стал арест контрабандистов 11 февраля 1813 г. на глазах у обнищавшей толпы [14, p. 659]. На следующее утро в Гамбурге вспыхнуло спонтанное движение против французов, и очень характерно, что первыми пострадавшими оказались именно таможенные чиновники. Толпа горожан, недовольная торговыми ограничениями, диктуемыми Парижем, напала на дом начальника французской полиции, с домов срывали французские гербы, со шляп – трехцветные кокарды [14, p. 659; 11, S. 47–48].

Волну общественного негодования окончательно подавить французским оккупантам не удалось и в конечном итоге 28 февраля французы под командованием Ж. Ж. Карра Сен-Сира оставили Гамбург и отступили к Бремену [11, S. 52; 20, S. 16]. Узнав об этом «смятении» в Гамбурге, П. Х. Витгенштейн – генерал от кавалерии – направил туда летучий отряд под командованием Ф. К. Теттенборна [11, S. 56–57; 21, с. 78; 22, с. 291; 23, с. 177], который и удерживал Гамбург на протяжении чуть более двух месяцев (до конца мая 1813 г.). Отдельно отметим, что через 5 дней после ухода французов из Гамбурга Людвиг фон Гесс получил письмо от Штэгеманна – прусского советника, в котором чиновник сообщил о прибытии Ф. К. Теттенборна с 7000 чел. в пределы Гамбурга. Гесс же в свою очередь проинструктировал Ф. К. Теттенборна (тот находился в Лауэнбурге) о настроениях, царивших в городе, и последний, разделив свой отряд пополам, отправил каждый из отрядов в Гамбург и Любек. Из этого факта можно сделать вывод о том, что прибытие отряда Ф. К. Теттенборна согласовывалось с представителями города заранее.

Не найдя материальной поддержки со стороны союзников, в ночь с 29 на 30 мая отряд Ф. К. Теттенборна (4 казачьих полка, батальон мекленбуржцев и остатки городского ополчения) спешно покинул город. Гамбург сдали без боя, за что Теттенборна позднее упрекал А. Х. Бенкендорф, отмечая, что «если бы он имел [что, по мнению Бенкендорфа, было очень легко сделать] хотя бы два десятка речных канонерских лодок, то он остался бы хозяином течения реки. <...> Имея господствующее положение на реке, они [французы] смогли легко высидеться ночью на острове Вильгельмсбург, выгнать оттуда слабый Ганзеатический отряд, который его защищал, и обосноваться там, на расстоянии малого пушечного выстрела от укреплений Гамбурга» [24, с. 216–217].

Вслед за казаками отбыл и их довольно внушительный обоз. Насчет этих повозок и в западной, и в отечественной историографии до сих пор не утихают споры: западные специалисты (Д. Ливен, А. Краузе и т. д.) ошибочно, на наш взгляд, считают, что эти вещи и повозки принадлежали лично Ф. К. Теттенборну, называя их в своих монографиях «добычей». В тоже время Элизабет Кампэ указывает в своих письмах на добровольный характер сбора этих запасов, которые уходили на содержание казачьих отрядов [3, S. 9–10; 25, с. 397; 26, S. 232]. На следующий день Гамбург занят датчанами, а к вечеру вместо датчан в город вошли французы под командованием Л.-Н. Даву и Ж. Д. Р. Ван-дама.

Французы укрепились в Гамбурге, и Наполеон намеревался максимально жестко показать



гамбургцам (а, возможно, и не только им), какова цена неповиновения. Созрел масштабный план террора. По указу Наполеона город обложили контрибуцией в размере 48 млн франков и объявили «вне действия Конституции» (*hors de Constitution*), развернулись активные работы по подготовке Гамбурга к осаде [27, с. 105]. А дальше были разграбление французами местного банка, изгнание не имеющих средств на пропитание жителей за пределы города и в завершение – эпидемия брюшного тифа...

31 марта 1814 г. Париж был взят коалицией союзников. Однако Гамбург все еще оставался одним из последних бастионов Первой империи, обороной которого руководил несгибаемый маршал Л.-Н. Даву. Уже все местные газеты обсуждали на своих страницах подробности дальнейшей судьбы Наполеона, а князь Экмюльский словно был глух к этим новостям. Попытки Л. Л. Беннигсена договориться с французским маршалом о сдаче города были неудачны. Даву верил, что «звезда славы Наполеона не может погаснуть под ударами союзников» [28, с. 63].

6 апреля Наполеон отрекся от французского престола, и только после получения неопровержимых доказательств падения режима Л.-Н. Даву согласился город сдать. После переговоров об условиях эвакуации (именно эвакуации, а не капитуляции) оставшихся в Гамбурге солдат Великой армии город готовился встречать своих освободителей в лице командующего Л. Л. Беннигсена. За день до планируемых торжеств по случаю долгожданного освобождения города – 30 мая 1814 г. – в местной газете был опубликован так называемый «регламент поведения», включавший себя в 11 пунктов. Приведем несколько наиболее интересных: «...Некоторые жители подвергли себя самообману в порыве слепой мести за себя и своих близких, чем вызвали беспорядки в городе. Чем безответственнее такое грубое поведение, тем серьезнее оно должно быть наказано. В связи с этим сотрудникам полиции предписывается разгонять все собрания и группы, а провокаторов, вызывающих беспорядки, немедленно задерживать, чтобы они могли быть привлечены к ответственности в зависимости от обстоятельств и подвергнуты наказанию в зависимости от тяжести преступления. Все добропорядочные граждане приложат все свои силы, чтобы подавить эти беспорядки на корню и заключить нарушителей в тюрьму, чтобы они, а не город, понесли последствия [в ходе] самого сурового судебного разбирательства над ними» [5]. Городская администрация настоятельно призывала сограждан «воздержаться от стрельбы в своих начальников. <...> Родители должны всячески стараться оградить своих детей от всякого озорства, поскольку, в конечном итоге, они несут ответственность за допущенные ими оплошности» [5].

Помимо этого, «запрещалось передвижение как верхом, так и пешком по месту следования многотысячной процессии – а именно от рынка Цойгхаус к Штайнвеген, Гроссе Ноймаркт, Нойенвалль, Юнгфернштиг, возле [городской] тюрьмы, Пфердемаркт, округа Шпрее, Соборной площади, и далее за Сент-Петри и Гросс-Блайхен» [5]. Также, по мнению членов муниципалитета, граждане Гамбурга «должны в момент восстановления [независимости] забыть о том, что когда-то их угнетало или причиняло им боль; они должны видеть в незнакомцах только друзей и избегать любого повода для разногласий или конфликтов, воздерживаться от любых самовольных разбирательств и от любых жалоб, которые могут иметь [последствия] против отдельных лиц». Иными словами, члены городского сената хотели сохранить порядок и избежать любого рода конфликтов. В газете говорилось о стремлении вернуться к «старым порядкам», «единению сограждан» и Провидении, «которое благословит наши труды, залечит наши раны и снова позволит расцвести нашему счастью» [6].

Важно отметить, что год назад, когда отряд Теттенборна входил в Гамбург, война еще продолжалась, официальных торжеств предусмотрено не было, и подобной заботы о соблюдении порядка муниципалитет не выказывал, полагаясь на устные договоренности с командиром казаков (возможно, некоторые указания по встрече казаков были даны Ф. К. Теттенборном при личной встрече с И. Л. фон Гессом – главой гамбургской делегации. Однако они не находят отражения ни в официальных документах, ни в газетах того периода). К тому же действовало распоряжение М. И. Кутузова по поведению русских войск на территории Германии: так, еще до начала кампании Заграничных походов (1813–14 гг.) фельдмаршал российской армии М. И. Кутузов при взятии Кёнигсберга особым распоряжением предписал П. Х. Витгенштейну, чтобы «войски наши, вступившие в Кёнигсберг, были признаваемы от жителей яко освободители, а отнюдь не завоеватели <...> и предпишите наистрожайше, чтобы обхождение с обывателями было такое, которое бы никакой причины к неудовольствию подать не могло». Особо четко подчеркивалась «неприкосновенность собственности прусских обывателей» [29, с. 33–34].

Немаловажным в подготовке к торжествам оказалось обращение самого Л. Л. Беннигсена к горожанам Гамбурга, опубликованное в газете 12 июня 1814 г., в котором генерал вспоминал о событиях мая 1813 г. «как об уроке и предостережении». «Я надеюсь, – писал генерал, – что русские, которые приедут к вам, докажут уважение к вашим законам. Рассчитывайте на мое правосудие и на мою защиту, пока приказы моего императора удерживают меня с вами. Напротив, я полагаюсь на ваши искренние усилия подготовить возвращение суверенитета вашего города



путем согласия и мудрых советов, а также на христианское доверие к Богу, которое укрепило ваших предков, и ради этой благородной и великой цели подавить всякую мелочную месть» [5].

Газета Allgemeine Zeitung сообщает, что 31 мая после отхода последней французской колонны генерал Л. Л. Беннигсен торжественно въехал в город во главе своих войск «под неописуемый восторг жителей» (unter unbeschreiblichem Jubel der Einwohner einen feierlichen Einzug) [7]. Один из участников Заграничных походов А. Ф. Раевский рисовал ту же картину всеобщего ликования: «Армию нашли мы уже под стенами Альтоны. Кто бы поверил, взирая на веселье, красою и юностью цветущие лица воинов, на опрятность одежды, блеск их оружия, на игривость коней, едва удержанных крепкой рукой всадников, что они прошли пространство необъятное, что дымные биваки были их жилищем, труды и нужда – всегдашними спутниками! Шумные волны жителей покрывали равнину, прилежащую к городу; песни радостного восторга оглашали воздух. С каким удовольствием офицеры и солдаты поздравляли друг друга с блистательным окончанием знаменитого подвига спасения Европы! Никакое перо не может выразить необыкновенных чувств, объемлющих душу ратников, когда после долговременной, жестокой борьбы, с опасностями и смертью, терпение и мужество приводят их наконец к желанной цели! Клики благодарности слышны были со всех сторон. Живо воображаю, каким блаженством исполнена была благородная душа неустрашимого вождя нашего, друга славы и человечества Беннигсена! О, сколь счастлив был он в сравнении с жестокосердечным Давустом, в котором славлюбие усыпило все чувства добра и великодушия!» [4, с. 69].

Далее Раевский продолжал: «Все предместье, некогда гордившееся красотой улиц и зданий, превращено в пепел: следы мудрой предусмотрительности маршала Давуста, бича Польши и Германии, разрушителя прекрасных мостов в Дрездене и Мейссене. <...> На рубежах владений Ганзеатических встретили нас почетнейшие граждане с изъявлениями восторга и признательности вольных жителей освобожденного Гамбурга; ряды милых девушек, в белой одежде, осыпали генерала Беннигсена и храбрых его сподвижников венками из лавров и роз; одна из них (дочь бургомистра) произнесла краткое, но выразительное приветствие от лица всех сограждан. <...> Национальная гвардия, из богатейших жителей составленная, в блестящей одежде, расположена была у въезда и далее к городу» [4, с. 70].

О первой встрече с жителями Гамбурга А. Ф. Раевский писал следующее: «Не нахожу слов для изъяснения чувств моих, когда я увидел армию нашу в стенах ликующего Гамбурга. <...> Все

окна, кровли кипели веселым народом; радостное «ура» гремело со всех сторон, цветы и венки сыпались дождем. <...> Вскоре во всем протяжении шествия не осталось ни одного воина, который не был бы украшен этим лестным знаком уважения народа свободного. Чем иным этот последний мог доказать свою признательность храбрым рушителям железных цепей его рабства?» [4, с. 70–71].

В суматохе торжеств бюргеры не упустили возможность немножечко подзаработать на русских офицерах. В пользу неимущих горожан была устроена благотворительная распродажа предметов рукоделия местных дам. Раевскому это показалось очень «патриотично»: «При этом случае не могу не упомянуть с сердечным, сладостным удовольствием о благородном патриотизме здешних дам. Женщины и девушки всех состояний беспрестанно заняты были работой, [результат] которой в назначенные дни продавались на публичных торгах в пользу несчастных гамбургцев. Само собой разумеется, что цена этому товару была невероятно велика. Иностранцы, а особенно русские офицеры немало способствовали её возвышению. Картины, кошельки, корзинки, цепочки, шитье – одним словом, произведения всех рукоделий доставляли весьма значительное вспоможение бедным. Кажется, впрочем, что красота и любезность работавших определяли и цену работ их: картинка или кошелек красавицы без сомнения продавались в десять раз дороже» [4, с. 67].

Другой непосредственный свидетель этих торжеств Элизабет Кампэ – интеллектуалка, держательница литературного салона в Гамбурге, дочь книгоиздателя и патриотка своего города. Она оставила письма, в которых отдавала предпочтение рассуждениям-наставлениям для будущих защитников своей малой Родины, будто обращаясь к каждому горожанину Гамбурга: «теперь оружие может покоиться, но не ржаветь; его целесообразное использование – первое, чему учат мальчика, и рано ему внушают, что его первый долг – это борьба за Отечество. Если бы высшее благо, [такое] как дорого купленная свобода, когда-либо подвергалось бы опасности из-за незаконного насилия, давайте докажем, что мы не напрасно испытали силу нашего оружия. Все мы едины, – заключает Э. Кампэ, – мы сами являемся защитной стеной, и чужаки больше не будут обременять нас игом в святилище нашей Родины» (здесь Э. Кампэ имеет в виду не только сопротивление гамбургцев действиям Л.-Н. Даву, но и Ганзейский добровольческий легион. – А. Г.) [3, S. 231–232].

Оккупация Гамбурга войсками Л.-Н. Даву оставила у гамбургцев печальные воспоминания [28]. В своей статье «Даву в Гамбурге...» П. Хольцхаузен отмечает, что в последний день оккупации – 31 мая 1814 г. – оставшиеся французские солдаты и жандармерия уходили



с заряженными ружьями, так как город все больше полнился слухами различной достоверности о нападении и убийствах французов, на которых набрасывалась «гамбургская чернь в трусливой жажде мести, ища помощи у военных» [9, С. 190–191].

Освобождение Гамбурга было воспринято с большой радостью населением города; армия Л. Л. Беннигсена приветствовалась с таким же искренним восторгом, с каким местные жители праздновали краткосрочное освобождение их города весной 1813 г. Действия сената города в 1814 г. диктовались стремлением властей всеми способами снять с себя (и города) ответственность за возможные беспорядки во время торжеств, целью беспорядков могли стать, например, оставшиеся в военных госпиталях солдаты Великой армии: если годом ранее – в 1813 г. – отряд Ф. К. Теттенборна входил в Гамбург по формальному приглашению делегации из членов муниципалитета и, опираясь по большей части на устные договоренности с предводителем «летучего отряда», то в 1814 г. освобождение города последовало после почти годовой жестокой оккупации и активных боевых действий вокруг Гамбурга, что, на наш взгляд, не могло не сказаться на эмоциональном состоянии горожан, разделивших судьбу своего Отечества (косвенное подтверждение этому можно найти в поспешном отъезде Элизабет Кампэ из Гамбурга в конце июня 1814 г., о котором она сама сообщает в последнем письме своему адресату) [3, С. 232].

Список литературы

1. *Гладышев А. В.* Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации / гл. ред. А. В. Чудинов. М. : Издательство Института всеобщей истории РАН (ИВИ), 2018. С. 10–21.
2. *Гладышев А. В.* Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации... С. 182–204.
3. *Campe E.* Hamburgs außerordentliche Begebenheiten und Schicksale in den Jahren 1813 und 1814. Hamburg : Hoffmann und Campe Verlag, 1814. 241 S.
4. *Раевский А. Ф.* Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М. : Кучково поле, 2013. 210 с.
5. *Allgemeine Zeitung.* 12 Juni 1814. URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10504769_00665_u001/1 (дата обращения: 18.11.2022).
6. *Allgemeine Zeitung.* 9 Juni 1814. URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10504770_00973_u001/1 (дата обращения: 18.11.2022).
7. *Allgemeine Zeitung.* 14 Juni 1814. URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10504769_00673_u001/1 (дата обращения: 23.11.2022).
8. *Mönckeberg C.* Hamburg, unter dem Drucke der Franzosen: 1806–1814: historische Denkwürdigkeiten. Hamburg : Gustav Eduard Nolte, 1864. 348 S.
9. *Holzhausen P.* Davout in Hamburg : ein Beitrag zur Geschichte der Jahre 1813–1814. Mülheim (Ruhr) : M. Röder, 1892. 192 S.
10. *Heckscher E.* The Continental System: An Economic Interpretation. L. ; Edinburgh ; N. Y. ; Toronto ; Melbourne ; Cape Town ; Bombay ; Oxford : Clarendon Press, 1922. 448 p.
11. *Тарле Е. В.* Континентальная блокада : исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I // Тарле Е. В. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. 3. 654 с.
12. *Luz H. S. da.* «Franzosenzeit» in Norddeutschland (1803–1814). Napoleons Hanseatische Departements. Bremen : Temmen, 2003. 352 S.
13. *Aaslestad K. B.* Paying for War: Experiences of Napoleonic Rule in the Hanseatic Cities // Central European History. 2006. Vol. 39, iss. 4. P. 646–659.
14. *Aaslestad K. B.* Republican Traditions: Patriotism, Gender, and War in Hamburg, 1770–1815 // European History Quarterly. 2007. Vol. 37. P. 582–602.
15. *Hagemann K.* Female Patriots: Women, War and the Nation in the Period of the Prussian-German Anti-Napoleonic Wars // Gender History. 2004. Vol. 16, № 2. P. 397–424.
16. *Hagemann K.* Introduction: Gender and the History of War – The Development of Research // Oxford Handbook of Gender, War and the Western World since 1600 / ed. by K. Hagemann, S. Dudink, S. O. Rose. Oxford : Oxford University Press, 2020. P. 1–34.
17. *Hewitson M.* Belligerence, Patriotism and Nationalism in the German Public Sphere, 1792–1815 // English Historical Review. 2013. Vol. 128, iss. 533. P. 839–876.
18. *Спиридонова Л. М.* Участие Пензенского ополчения в осаде Гамбурга // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 4 (43). С. 161–164.
19. *Терентьев В. О.* Действия отряда генерал-лейтенанта Е. И. Маркова в ходе осады Гамбурга союзными войсками в 1813–1814 гг. // Материалы IX Международной военно-исторической конференции / под ред. Д. Ю. Алексеева, А. В. Арановича. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2016. С. 28–38.
20. *Jacobi B.* Hannover's Theilnahme an der deutschen Erhebung im Frühjahr 1813 mit besonderer Rücksicht auf die Truppenformationen an der Elbe, Mit zwei Terrainzeichnungen. Hannover : Helwing, 1863. 258 S.
21. *Богданович М. И.* История войны 1813 года : в 2 т. СПб. : В типографии Штаба Военно-Учебных заведений, 1863. Т. 1. 723 с.
22. *Попов А. И.* Гамбурга освобождение // Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы. Энциклопедия : в 2 т. / отв. ред. В. М. Безотосный [и др.]. М. : РОССПЭН, 2011. Т. 1. С. 291.



23. Венков А. В. Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. М. : Вече, 2013. 368 с.
24. Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М. : Российский фонд культуры, 2012. 702 с.
25. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М. : РОССПЭН, 2012. 679 с.
26. Krause A. Der Kampf um Freiheit. Die Napoleonischen Freiheitskriege in Deutschland. Darmstadt : Theiss, 2013. 352 S.
27. Гунько А. А. Л.-Н. Даву в Гамбурге в 1813–1814 гг. глазами Элизабет Кампэ // История и историческая память : межвузовский сборник научных трудов / под ред. А. В. Гладьшева, С. А. Мезина. Саратов : Саратовский государственный университет, 2021. Вып. 22/23. С. 100–111.
28. Гунько А. А. Хронология освобождения Гамбурга весной 1814 г. // История и историческая память / под ред. А. В. Гладьшева, С. А. Мезина. Саратов : Саратовский государственный университет, 2022. Вып. 25. С. 58–69.
29. Предписание М. И. Кутузова командующему корпусом от кавалерии генералу П. Х. Витгенштейну об установлении порядка в Кёнигсберге и дружественных отношений с жителями // М. И. Кутузов : сборник документов : в 5 т. / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М. : Воениздат, 1956. Т. 5. 827 с.

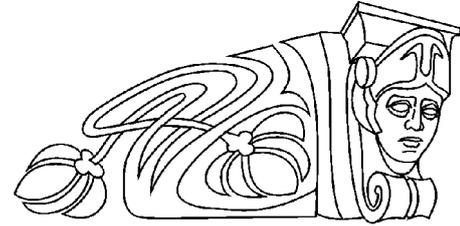
Поступила в редакцию 29.11.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 29.11.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 200–209
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 200–209
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-200-209>, EDN: YUAWHC

Научная статья
УДК 339.9(470+571:479.25)|20|

Торгово-экономические отношения между Арменией и Россией в постсоветский период



В. А. Чолахян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, AurhorID: 474841

Аннотация. В статье исследованы проблемы и перспективы постсоветской интеграции на примере торгово-экономических отношений между Арменией и Россией. Анализируются причины вступления Армении в ЕАЭС и подписания Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС, которое рассматривается как облегченная версия Соглашения об ассоциации. Изучены новые векторы развития Республики Армения после смены политического руководства в результате «бархатной революции» 2018 г. как проявления большого прагматизма в интеграционном взаимодействии со странами ЕАЭС и защиты национальных интересов при проведении многовекторной политики.

Ключевые слова: российско-армянские торгово-экономические отношения, постсоветская интеграция, членство Армении в ЕАЭС, Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС, национальная безопасность

Для цитирования: Чолахян В. А. Торгово-экономические отношения между Арменией и Россией в постсоветский период // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 200–209. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-200-209>, EDN: YUAWHC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Trade and economic relations between Armenia and Russia in the post-Soviet period

V. A. Cholakhyan

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vachagan A. Cholakhyan, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, AurhorID: 474841

Abstract. The article examines the problems and prospects of post-Soviet integration on the example of trade and economic relations between Armenia and Russia. The reasons for Armenia's accession to the EAEU and at the same time the signing of the Comprehensive and Expanded Partnership Agreement with the EU, which is considered a simplified version of the Association Agreement are analyzed. The author studies new vectors of development of the Republic of Armenia after the change of political leadership as a result of the “velvet revolution” of 2018 as a manifestation of greater pragmatism in integration cooperation with the EAEU countries and protection of national interests in the conduct of a multi-vector policy.

Keywords: Russian-Armenian trade and economic relations, post-Soviet integration, Armenia's membership in the EAEU, Comprehensive and Expanded Partnership Agreement with the EU, national security

For citation: Cholakhyan V. A. Trade and economic relations between Armenia and Russia in the post-Soviet period. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 200–209 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-200-209>, EDN: YUAWHC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На протяжении всего постсоветского периода российско-армянские торгово-экономические отношения развивались достаточно стабильно. Между странами сохраняются тесные исторические, экономические, культурные и социальные

связи. Экономические отношения между Арменией и Россией можно характеризовать в категориях прагматизма, обусловленного фактором географии. Отсутствие прямой географической или коммуникационной связи Армении с Росси-



ей не мешает прагматическому сотрудничеству между двумя странами.

В начале 1990-х гг. на динамику и направления этого процесса влияли два вида факторов – внутренние и внешние. Внутренними факторами являлись внутривластные и экономические проблемы Армении и Российской Федерации, а внешними – ситуация в кавказском регионе и двусторонние отношения Армении и России со странами региона. Трудности Армении усугублялись чрезвычайно сложной политической и экономической ситуацией на Южном Кавказе (конфликт в Нагорном Карабахе, политическая ситуация в Грузии и т. д.), что привело к полной транспортной изоляции Республики Армения (РА).

Первым официальным документом, подписанным между Арменией и Россией, стало соглашение от 3 декабря 1991 г. «О принципах торгово-экономического сотрудничества между РА и РСФСР на 1992 г.». Менее чем через год, 30 сентября 1992 г., в Ереване было подписано межправительственное Соглашение о свободной торговле между РФ и РА, а для координации внешнеэкономических отношений стороны приняли решение о взаимном учреждении торговых представительств [1].

24 сентября 1993 г. в Москве был подписан Договор о создании Экономического союза, а 15 апреля 1994 г. – соглашение о создании зоны свободной торговли [2]. В марте 1994 г. Правительству РА удалось подписать Соглашение с Правительством РФ о расконсервации и возобновлении промышленной эксплуатации Армянской атомной электростанции [3]. В том же году 21 октября был образован Платежный союз государств-участниц СНГ [4].

Эти и другие соглашения начала 1990-х гг. были призваны стать инструментом сдерживания распада единого экономического пространства бывшего СССР. Однако в условиях доминирования противоречивых настроений на пространстве СНГ они оказались малоэффективными.

В сентябре 1995 г. Указом президента РФ Б. Н. Ельцина был утвержден «Стратегический курс России с государствами-участниками СНГ», в котором отношения со странами СНГ признавались важным фактором включения РФ в мировые политические и экономические структуры [5]. Указ стал предпосылкой развития торгово-экономических отношений в рамках СНГ, в том числе между Арменией и Россией.

Уже в ноябре 1995 г. при содействии РФ был восстановлен и введен в эксплуатацию 2-й блок Армянской АЭС, что имело важное социальное, экономическое и экологическое значение для Республики Армения [3]. 16 марта 1995 г. был подписан договор между РФ и РА о российской военной базе на территории Республики Армения [6]. В мае 1996 г. в Москве было подписано межправительственное соглашение о торгово-

экономическом сотрудничестве на 1996–1997 гг. [7], в рамках которого стала работать постоянная комиссия по экономическому сотрудничеству в сфере транспорта, сельского хозяйства, промышленности и энергетики [8].

В августе 1997 г. в ходе визита президента Л. Тер-Петросяна в Москву был подписан договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения [9]. Тогда же стороны договорились о строительстве газопровода через Грузию в Армению [10, с. 296]. В 1997 г. была учреждена первая крупная компания с иностранным участием ЗАО «АрмРосгазпром». Ее крупнейшим акционером стал российский Газпром.

Взаимовыгодное экономическое сотрудничество между РФ и РА позволило в 1998 г. довести взаимный товарооборот до \$167,5 млн, что на 7,5% превосходило показатели 1997 г. В экспортно-импортных операциях с Республикой Армения участвовали 66 субъектов РФ [8].

Таким образом, к началу 2000-х гг. между Арменией и Россией в целом была сформирована договорно-правовая база торгово-экономических отношений. К этому времени в обеих странах произошла смена власти: в Армении Л. Тер-Петросяна на посту президента заменил Р. С. Кочарян, а в России В. В. Путин стал премьер-министром, а затем и президентом. Между двумя президентами стали налаживаться доверительные отношения. Во время визита президента РФ В. В. Путина в Ереван 14–15 сентября 2001 г. был подписан основополагающий договор «О долгосрочном экономическом сотрудничестве между РФ и РА до 2010 года», предусматривавший согласование основных направлений социально-экономических преобразований и гармонизацию нормативно-правовой базы в области регулирования хозяйственной деятельности между двумя государствами. В Приложении к Договору содержалась Программа долгосрочного торгово-экономического сотрудничества между администрациями областей Армении и субъектов России и поощрения взаимных капиталовложений [11].

Российский капитал постепенно стал проявлять интерес к сотрудничеству с Арменией: на 1 сентября 2002 г. в РА уже действовали 439 юридических лиц из России [12, с. 55]. Однако полноценному развитию российско-армянских торгово-экономических связей мешала значительная задолженность (\$16 млн) Армении за российский газ и топливо для АЭС. Предложения армянской стороны создать совместное предприятие на базе крупнейшей в стране Разданской ГРЭС в счет списания долгов успеха не имели.

Общая задолженность армянских потребителей «голубого топлива» перед Международной группой компаний (МГК) «ИТЕРА», которая



с 1996 г. полностью обеспечивала потребности Армении в природном газе, на 1 декабря 2001 г. составляла свыше \$36 млн. По этой причине МГК «ИТЕРА» в декабре 2001 г. сократила на 50% объемы поставляемого в Армению природного газа, что стало предметом переговоров в Москве 17 декабря того же года между президентом Армении Робертом Кочаряном и президентом МГК «ИТЕРА» Игорем Макаровым. Стороны смогли договориться о возобновлении в полном объеме поставок газа в Армению – до 5,2 млн куб. м в сутки [13].

Со своей стороны руководство Армении заявило о намерении прекратить ретрансляцию в республике российского телеканала РТР ввиду его задолженности (около 6 млн руб.) министерству транспорта и связи РА. Телеканал ОТР был отключен по той же причине и даже предполагалось перевести российские компании на вещание в дециметровом диапазоне с ограниченным радиусом действия, что грозило привести к сокращению российского информационного присутствия в Армении [12, с. 57].

Решение проблемы внешней задолженности РФ стало одним из ключевых положений в документе, составленном Советом по внешней и оборонной политике «Стратегия для России – Повестка дня для Президента – 2000», подготовленном Советом по внешней и оборонной политике. В частности, предлагалось отказаться от устаревшего принципа интеграции и перейти к принципу «избирательной вовлеченности», а именно «к созданию транснациональных финансово-промышленных групп (отечественных ТНК с участием предприятий стран бывшего СССР) и обмену долгов на собственность» [14, с. 24].

По состоянию на 1 апреля 1997 г. общая задолженность стран СНГ перед Россией составляла 35 трлн руб. Причем многие страны СНГ не осуществляли соответствующие платежи российским партнерам, надеясь на реструктуризацию своего долга. Внешний долг Армении перед Россией к 2001 г. составлял \$98 млн. Проблема задолженности Армении перед Россией была урегулирована в соответствии с новой «Стратегией» в ходе официального визита премьер-министра РФ М. Касьянова в Ереван 4–5 ноября 2002 г. В счет погашения долга Армения передала России контрольные пакеты акций пяти армянских предприятий: Севано-Разданский каскад, включающий в себя семь гидроэлектростанций, расположенных на р. Раздан в Армении, ЗАО «Марс» и три научно-исследовательских института – «ПП материаловедения», ЗАО «Ереванский НИИ математических машин», ЗАО «Ереванский НИИ АСУ» на общую сумму около \$100 млн. [15, с. 2].

Подписание межправительственного соглашения «Имущество за долги» привело не только к снижению политического доверия между

двумя странами, но и вызвало определенный общественный резонанс, связанный с несоответствием размера госдолга и реальной стоимости переданных предприятий [16, с. 121]. Оппозиционные армянские политики предлагали найти другие способы погашения долга во избежание усиления экономического влияния России на Армению [17].

Сложной проблемой оставалась транспортная блокада Армении. В целях улучшения транспортного сообщения между Россией и Арменией 10 января 2005 г. в Тбилиси было подписано соглашение между Минтрансом России и министерством экономического развития Грузии об организации прямого паромно-железнодорожного сообщения через порты «Кавказ» (Россия) и Поти (Грузия) [18]. В 2005 г. паром совершил всего три рейса – в марте, апреле и июле и перевез 5,7 тыс. т груза. Одна из причин столь слабой востребованности парома, по мнению министра транспорта РФ И. Левитина, заключалась «в высоких тарифах на Грузинской и Армянской железных дорогах» [19].

Экономическое сотрудничество между РА и РФ развивалось по трем основным направлениям: государственный уровень сотрудничества (передача РФ четырех энергоблоков «Разданской ТЭЦ», научно-исследовательских институтов, предприятий «Алмаст», «Марс»); крупное частное партнерство (приобретение «Русалом» акций «Арменала», «Внешторгбанком» – акций «Армсбербанка») и, наконец, инвестиции представителей малого и среднего бизнеса. По данным Московской бизнес-ассоциации, в Армении к февралю 2006 г. действовали 19 крупных или средних компаний и около 600 малых предприятий с участием российского капитала. Общая сумма российских инвестиций в экономику Армении в период с 1991-го по 2005 г. составила почти \$430 млн [20].

В 2005 г. ЗАО «Электрические сети Армении» – компания-оператор электрических сетей РА – перешло под контроль группы ИНТЕР РАО ЕЭС (100,0% российский капитал). В 2012 г. компания инвестировала в поддержание и развитие электросетей Армении \$20,0 млн, а с сентября 2015 г. 100% акций компании контролируются «Группой Ташир» [12, с. 60].

Начало 2006 г. ознаменовалось «газовой атакой» на Армению: Россия настояла на переводе газовых отношений на рыночную основу и повысила цены на поставляемый газ вдвое (с \$54 до \$110 за тысячу кубометров). Согласно данным газеты «Коммерсант», «вопрос был поставлен ребром: или Армения будет покупать газ по новой цене, или отдаст в счет оплаты за него два ключевых промышленных объекта – пятый энергоблок Разданской ТЭС и всю газотранспортную систему республики» [21].

Результатом активных переговоров стало подписание в апреле 2006 г. долгосрочного со-



глашения между «Газпромом» и правительством Армении сроком на 25 лет. В пресс-релизе российской компании отмечалось, что «АрмРосгазпром» «приобретет у правительства Армении 5-й недостроенный энергоблок Разданской ТЭС (Раздан-5) и первый, 40-километровый участок строящегося газопровода Иран–Армения». Это позволяло «Газпрому» получить квалифицированное большинство в уставном капитале «АрмРосгазпром», а цена на российский газ устанавливалась в размере \$110 за 1000 куб. м до 1 января 2009 г.

В свою очередь правительство Армении выступило 6 апреля со своим пресс-релизом, в котором говорилось, что Раздан-5 будет продан за \$248,8 млн и, помимо этого, «Газпром» инвестирует \$140 млн для модернизации энергоблока [22].

По мнению директора Института Кавказа А. Искандаряна, «газ, являясь достаточно мощным инструментом в руках России, не оказал особого сильного давления на экономику Армении, повлияв на общественный дискурс армян» [23].

Проблема «предательства» России по отношению к своему стратегическому союзнику на некоторое время стала одной из ведущих в армянском экспертном сообществе и в СМИ. Однако при сравнении с ценами на российский газ в Грузии (\$230) и Азербайджане (\$235) обвинения со стороны оппозиции в адрес властей в «распродаже страны и отдаче стратегических сфер экономики в руки иностранцев» разбивались огромным потоком инвестиций в Армению. По сравнению с 2006 г., в 2007 г. общий объем российских инвестиций возрос в 5 раз и составил 32,6% всех зарубежных вложений в экономику республики. Товарооборот Армении с Россией возрос на 68,2% и составил \$632,1 млн [24, с. 24–25].

Важнейшими событиями в экономической сфере в 2007 г. стали открытие 19 марта газопровода Иран–Армения и победа «Российские железные дороги» ОАО «РЖД» в тендере на концессионное управление ЗАО «Армянские железные дороги» [12, с. 62]. Договор РА с ОАО «РЖД» заключен на 30 лет с правом пролонгации на 20 лет после первых 20 лет работы. Объем инвестиций ОАО «РЖД» в ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога» за период 2008–2013 гг. составил \$267 млн [25].

По итогам 2008 г. объем товарооборота между Россией и Арменией составил \$900 млн, а в целом за период 2001–2008 гг. вырос в 9 раз. Общий объем российских инвестиций с 2001-го по 2010 г. превысил \$4,5 млрд, что составило 46% всех совокупных вложения в экономику РА [26]. Фактически Россия из страны кредитора Армении превратилась в ее основного инвестора. Столь значительный объем российских инвестиций в Армению можно объяснить не только

экономическими, но и геополитическими причинами: Россия укрепляла свои позиции на Южном Кавказе, а Армения не только становилась ее важнейшим форпостом, но и получала новые возможности для экономического развития и упрочения своей национальной безопасности.

Политика армяно-российского стратегического сотрудничества получила дальнейшее развитие во время визита Президента РФ Д. А. Медведева в Ереван в 2010 г. Стороны подписали соглашение о продлении срока пребывания российской военной базы в Армении и о строительстве на армянской территории новых энергоблоков АЭС с водо-водяным ядерным реактором мощностью 1060 МВт [27]. Эти соглашения закрепили за Россией роль гаранта национальной и энергетической безопасности Армении.

В 2012 г. общий объем российско-армянского товарооборота достиг \$1,2 млрд, а экспорт армянской продукции в Россию вырос на 43,6%. Наиболее крупными российскими компаниями в Армении являлись «Газпром», «Интер РАО ЕЭС», «Банк ВТБ», РЖД, «Российский алюминий», АФК «Система», ОАО «Мобильные телесистемы» МТС (торговая марка Vivacell) и др. В частности, российская компания «РУСАЛ» вложила в завод «Арменал» более \$70 млн, модернизировала производство, на котором ежегодно производилось 25 тыс. т алюминиевой фольги, или 7% ее мирового производства [28]. В целом количество предприятий с российским капиталом в 2012 г. составляло более четверти всех компаний республики с участием иностранного капитала [29].

С самого начала обретения независимости правительство Армении в своей внешней, в том числе и экономической, политике стремилось проводить линию комплементаризма (взаимодополняемости) и вовлеченности (интегрированности), т. е. пыталось развивать отношения не только с Россией, но и США, а также странами Западной Европы. Однако по мере усиления противостояния России и США Армении приходилось принимать судьбоносные для себя решения. В 2012–2013 гг. речь шла, прежде всего, о выборе между Западом и Россией, а точнее, между ЕС и ЕАЭС.

К 2012 г. внешнеэкономическая политика Армении, основанная на комплементаризме, стала колебаться в сторону проевропейского вектора развития. Это вызвало обоснованное беспокойство в России и выразилось в приглашении Армении присоединиться к Таможенному союзу. Об этом заявил президент РФ Д. А. Медведев в марте 2012 г. на заседании Межгосударственного совета ЕврАзЭС, предупредив о возможных трудностях у государств, которые не станут членами Таможенного союза [30].

В апреле 2012 г. министр иностранных дел России С. В. Лавров в ходе встречи с президентом



Армении С. А. Саргсяном сделал армянской стороне приглашение в Таможенный союз. Наконец, в июле того же года спикер Государственной Думы РФ С. Е. Нарышкин, выступая перед научной общественностью в Национальной Академии наук, прямо заявил о привилегиях Армении при вступлении ее в Таможенный союз [31].

Армянская сторона всячески затягивала переговорный процесс по этому вопросу, мотивируя это отсутствием у страны общих границ со странами Таможенного союза. Более того, руководство Армении, получив финансовую помощь от ЕС, проводило активную работу по реформированию отечественного законодательства в соответствии с европейскими стандартами и было готово заключить Ассоциативное соглашение по созданию всеобъемлющей и глубокой зоны свободной торговли [32]. В июле 2013 г. переговоры между Арменией и Европейским Союзом по соглашению «О глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли» вступили в завершающую фазу.

Таким образом, до осени 2013 г. интеграционная политика РА в русле комлементаризма исходила из возможности одновременного участия в «Зоне Свободной Торговли» со странами СНГ и ЕС. Однако в сентябре 2013 г. руководство Армении приостановило процесс создания ассоциации с ЕС и заявило о намерении вступить в Таможенный союз и впоследствии участвовать в формировании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [33].

Выбор в пользу евразийских интеграционных процессов объяснялся комплексом причин и соответствовал стратегическим интересам Армении. Руководство РА во главу угла всех интеграционных процессов поставило проблемы обеспечения национальной безопасности страны. Президент РА С. А. Саргсян высоко оценил роль России как гаранта мира и безопасности Республики Армения: Находясь в одной системе военной безопасности (ОДКБ), невозможно и неэффективно изолироваться от соответствующего геоэкономического пространства [34]. Подписание Договора о присоединении Армении к ЕАЭС произошло 10 октября 2014 г. в рамках заседания Высшего Евразийского экономического совета в Минске, а с января 2015 г. РА стала полноправным членом ЕАЭС.

По мнению директора института стран СНГ К. Затулина, «ассоциация с ЕС предполагает координацию не только таможенной и экономической политики, но и совместные планы в сфере обороны и безопасности. А это противоречило бы обязательствам Армении, которая вместе с Россией является членом военно-политического союза – Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ)» [35]. Кроме того, РФ являлась основным инвестором в армянскую экономику – прямые иностранные инвестиции

(ПИИ) оценивались в половину от всех накопленных РА.

Членство в ЕАЭС обеспечивало Армении энергетическую безопасность, преимущества в торговле, привилегии в ценах на российские энергоносители. В частности, после резкого увеличения цены на газ в начале 2013 г. Россия и Армения договорились о новой формуле цены на поставки российского топлива: вместо \$270 за 1000 куб. м – \$189 [36]. Вступление в Таможенный союз давало надежды Армении на восстановление железнодорожного сообщения с Россией через Абхазию. Весомым аргументом в пользу ЕАЭС являлась зависимость экономики Армении от объема денежных переводов трудовых мигрантов, находящихся на заработках в России – в разные годы от 10 до 20% ВВП Армении формировался за счет частных валютных трансфертов [37, с. 65]. Как показали социологические исследования, проводимые в Армении в октябре 2013 г., 67% населения республики поддержало вступление в Таможенный союз [38]. По мнению заведующего кафедрой экономико-математических методов Государственного экономического университета Армении, доктора экономических наук А. Тавадяна, ущерб от невступления Армении в ЕАЭС составил бы примерно \$1 млрд, т. е. одну треть от суммы годового бюджета страны [39].

Для России включение Армении в единое евразийское экономическое пространство имело не только экономическое, но и геополитическое значение: она получала дополнительные возможности упрочения своего присутствия на Южном Кавказе. В ходе официального визита Президента РФ в РА в декабре 2013 г. правительство Армении безвозмездно предоставило российской военной базе в Гюмри дополнительные территории и отказалось от своих 20% акций в Армросгазпроме в пользу Газпрома [40].

Процесс согласования условий вступления РА в ЕАЭС с Белоруссией и Казахстаном длился до октября 2014 г. В ходе переговорного процесса президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев предложил Армении присоединиться к ЕАЭС в рамках границ, признанных Организацией Объединенных Наций, т. е. без территории Нагорного Карабаха [41, с. 33–34].

Официальное вступление Армении в ЕАЭС произошло 2 января 2015 г. [42, с. 72]. Это совпало по времени с введением экономических санкций в отношении России из-за украинского кризиса и снижением мировых цен на нефть. Девальвация российской валюты, уменьшение объема инвестиций и потока трансфертов из РФ в Армению привели к снижению экономической активности в республике. Рост ВВП в РА в 2016 г. составил всего 0,5%, товарооборот между двумя странами в 2015 г. сократился почти на треть, а в 2016 г. вырос на 10% [38].



Параллельно евразийскому экономическому направлению внешней политики руководство РА не переставало участвовать и в интеграционных процессах с ЕС в целях сохранения преемственности политики баланса. В русле политики комплементаризма Армения подписала 24 ноября 2017 г. в Брюсселе Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с Европейским союзом. Формат соглашения имеет символическое, уникальное значение как в экономической плоскости, так и политической: вместо «или – или» появился подхода «и – и» к сочетанию европейского и евразийского векторов интеграции. Соглашение о партнерстве 2017 г. представляло собой облегченную версию «Соглашения об ассоциации с ЕС» 2013 г., поскольку исключало положения о зоне свободной торговли между Арменией и Европейским Союзом. Несмотря на это, даже после вступления Армении в ЕАЭС, ЕС оставался важным партнером Еревана. В январе – октябре 2017 г. доля стран ЕС во внешнеторговом обороте Армении составляла 24,1%, лишь незначительно уступая РФ (26,8%) [43].

В отличие от 2013 г. Москва в 2017 г. не возражала против подписания Ереваном Соглашения о партнерстве с ЕС. Нейтральная позиция России объяснялась ее стратегической, безальтернативной ролью в вопросе военной безопасности Армении и доминирующим положением в экономике республики. К тому же данное Соглашение не противоречило участию Армении в ЕАЭС. Наконец, в условиях санкционной политики Запада, Соглашение Армении о партнерстве с Европейским Союзом могло стать площадкой для развития взаимоотношений ЕС – ЕАЭС.

В 2018 г. отношения между РФ и РА подверглись серьезному испытанию. Смена власти в Армении в результате «бархатной революции» сопровождалась усиленной информационной кампанией, направленной на снижение реального влияния России в стране и усиление многовекторной политики. На ключевых должностях в правительстве Армении оказались люди, связанные с Западом либо учебой в европейских или американских вузах, либо работой на западные структуры. Они заявили о необходимости отстаивания национальных интересов и достоинства армянского народа. Новую внешнеэкономическую политику правительства Армении во главе с премьер-министром Н. В. Пашиняном можно охарактеризовать как «оптимистичный прагматизм», основанный на реализации своего суверенитета как в отношениях с Россией, так и во взаимодействии с Западом.

Прежде всего, правительство страны подтвердило заинтересованность Армении в развитии взаимной торговли и совместных инвестиционных проектов с Россией и ЕАЭС в целом. Это способствовало укреплению сотрудничества

на корпоративном уровне и усилению интеграционных тенденций в рамках ЕАЭС. После паузы, вызванной некоторой неопределенностью в выборе вектора развития Армении, многие российские крупные инвесторы заявили о намерении возобновить инвестиционные проекты при условии соблюдения верховенства закона [44].

Однако пандемия COVID-19, вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе в сентябре 2020 г. и последовавший внутривосточный кризис в РА существенно повлияли на развитие торгово-экономических связей между Россией и Арменией. Товарооборот между двумя странами в 2020 г. сократился на 3,5%, а за 7 месяцев 2021 г. вырос на 17,2%, достигнув \$1,3 млрд [45]. В структуре импорта из России в 2021 г. преобладали природный газ (24,3%), нефтепродукты (13,9%), продовольственные товары и с/х сырье (18,8%), машины, оборудование и транспортные средства (9,9%), металлы и изделия из них (9,2%), драгоценные камни, драгметаллы и изделия из них (7,8%), а также продукция химической промышленности (7,6%) [46].

В армянском экспорте в Россию основу составляют алкогольные напитки, фрукты и овощи. В частности, около 80% экспорта армянской коньячной продукции приходится на Россию. Высока доля текстиля, текстильных изделий и обуви. Далее следуют машины, оборудование и транспортные средства, а также драгоценные камни, драгметаллы и изделия из них. Таким образом, российские поставки в РА представляют собой начальные звенья трансграничных цепочек добавленной стоимости, а армянские поставки в РФ – финальные [29, с. 24].

В октябре 2021 г. в Ереване была подписана Межправительственная программа по развитию российско-армянского межрегионального сотрудничества на 2022–2027 гг., в которой определялись новые направления сотрудничества, выделялись области привлечения взаимных инвестиций. Уже в первом полугодии 2022 г. взаимный товарооборот между двумя странами составил более \$2 млрд. При этом экспорт Армении увеличился на 66,3%, составив \$633,4 млн, а импорт вырос на 40,5%, достигнув почти \$1,4 млрд [47].

По итогам 2022 г. совокупный товарооборот между двумя странами достиг рекордных \$5,3 млрд. Фактическое удвоение объемов двусторонней торговли за один год объясняется четырехкратным ростом экспорта из Армении в Россию при незначительном росте импорта товаров из России в Армению. Это позволило Армении впервые во внешнеэкономических отношениях с Россией получить практический паритет. На этом фоне армянская экономика в 2022 г. продемонстрировала невиданный рост в 12,6% [48].

По мнению экспертов, резкий рост армянского экспорта в основном обусловлен реэкспортом в размере \$1,3 млрд, который вызван по-



следствиями российско-украинского конфликта, в частности санкциями, примененными против России. Аналитики выявили значительные отклонения по числу произведенных в Армении компьютеров, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и прочих товаров и количеству экспортированной в Россию продукции [49].

Министр экономики Армении В. Керобян в интервью газете «Ведомости» не отрицал роль реэкспорта в росте товарооборота с Россией. «Конечно, реэкспорт тоже сыграл свою роль, но это обеспечило лишь часть прироста, хотя и значительную. Уход западных компаний с российского рынка дал возможность армянским поставщикам расширить бизнес. Армения реэкспортирует в Россию товары, но не санкционные: правительство следит за этим, чтобы не попасть под вторичные санкции» [50].

Армения не только не присоединилась к западным санкциям против России, но полностью отказалась от расчетов в торговле с ней в долларах и евро. Армянские банки обслуживают российские платежные карты «Мир». Во внешнеторговом обороте Армении Россия занимает первое место. Ее доля в 2022 г. увеличилась в годовом разрезе с 31,6% до 34,3%. Аналогичная ситуация сложилась и в инвестиционном сотрудничестве двух стран: общий объем российских инвестиций составляет почти 40% (\$ 2 млрд) от суммы иностранных инвестиций в экономику Армении. При этом примерно четверть всех инвестиций приходится на диаспоральный капитал, который в основном вкладывается в IT-сектор, ювелирный, туристический и строительный бизнес, сельское хозяйство и легкую промышленность [51].

Составной частью общих инвестиций являются частные трансферты из России в Армению. По официальным данным ЦБ РА, если в 2021 г. частные переводы из РФ составляли около \$1,8 млрд (17% ВВП страны), то в 2022 г. сумма денежных переводов физических лиц между российскими и армянскими банками выросла в 2 раза и составила \$3,6 млрд. За тот же период примерно 110 тыс. граждан РФ приехали в Армению и остались на постоянное проживание (релокация). Они открыли около 2500 предприятий и более 4 тыс. бизнесов в форме ИП. Все эти факторы обеспечили примерно четверть всего прироста ВВП. По расчетам министерства экономики Армении из 12,6% прироста ВВП релокация создала более 3% роста [50].

В настоящее время в развитии двусторонней торговли остаются серьезные логистические проблемы. Наземное транспортное сообщение между двумя странами осуществляется через единственный КПП Верхний Ларс на российско-грузинской границе. Несмотря на проводимые там работы по реконструкции и расширению

полос, он остается самым загруженным пунктом пропуска международного транспортного коридора «Север–Юг» и к тому же зависит от климатических условий. В 2022 г. армянские экспортеры понесли огромные потери из-за логистического коллапса и роста стоимости перевозок. Сохраняются сложности и с запуском паромного сообщения Поти – Кавказ из-за политических и бюрократических проволочек действующего оператора порта – голландской компании АРМ Terminals. Поэтому в условиях западных санкций Армения стала регулярно использовать новый трансконтинентальный торговый маршрут через Каспий и Иран до Индийского океана, недоступный для любого иностранного вмешательства [52].

Таким образом, торгово-экономические отношения между Арменией и Россией прошли несколько этапов. В 1990-е гг. происходило становление торгово-экономических отношений между двумя странами. Интеграционное взаимодействие базировалось не только на солидной правовой базе, но и на политическом сотрудничестве и общей истории. Проблема обеспечения национальной безопасности и нерешенность нагорно-карабахской проблемы подтолкнули руководство Армении к выстраиванию долгосрочных, стратегических и союзных отношений с Россией.

В 2000–2010 гг. Россия значительно укрепила свои позиции в экономике Армении. Вся энергетическая сфера РА (Мецаморская АЭС и Разданская ГРЭС, распределительные электрические сети, газ и газораспределительные линии) оказалась монополизированной российским капиталом. Железнодорожная сеть Армении, которая так и не реализовала проект железнодорожного маршрута в главный порт Ирана Бандар-Аббас, перешла в концессионное управление РЖД. Наконец, крупные предприятия военно-промышленного комплекса бывшей Армянской ССР также стали российской собственностью. Благодаря этому руководству Армении удалось фактически «обменять долги на инвестиции» – общий объем российских инвестиций с 2001 по 2010 г. превысил \$4,5 млрд, что составило 46% всех совокупных вложений в экономику РА.

Параллельно правительство РА в своей внешнеэкономической политике стремилось проводить линию комплементаризма. Армения стала полноправным членом Совета Европы и начала процесс гармонизации своего законодательства с европейским с целью дальнейшей экономической интеграции. В 2012 г. ускоренный процесс евроинтеграции Армении вызвал обеспокоенность России, что выразилось в неоднократных предложениях высшему руководству РА присоединиться к Таможенному союзу Казахстана, Белоруссии и России, и даже привело к общению с Арменией на сугубо прагматичной основе: резкому повышению цены на импортируемый в республику российский газ.



Только после встречи президентов двух стран 3 сентября 2013 г. руководство РА заявило о выборе в пользу будущего «пророссийского» Евразийского экономического союза. Главным аргументом такого поворота внешнеэкономической политики РА от ЕС к ЕАЭС вне зависимости от интерпретации идеи о давлении России на Армению стало осознание ее руководством необходимости укрепления военной безопасности страны, обеспечением которой после распада СССР занималась Россия и возглавляемый ею военно-политический институт ОДКБ.

«Экономическое воссоединение» Армении и России в рамках ЕАЭС открыло новые возможности для развития торгово-экономических отношений. В настоящее время Россия остается ведущим прямым инвестором в экономику Армении, чему способствует довольно либеральный режим предпринимательской деятельности в РА. Вместе с тем высокие инвестиционные риски связаны с нарастанием геополитической напряженности на Южном Кавказе из-за армяно-азербайджанских противоречий, а также с транспортными ограничениями и неустойчивым финансовым положением.

В настоящее время руководство РА, де-юре и де-факто оставаясь верным стратегическим, союзническим отношениям с Россией, стремится отстаивать собственные национальные интересы и проводит политику комлементаризма. Армения не присоединилась к западным санкциям против России и стремительно наращивает торгово-экономические отношения с ней. По итогам 2022 г. совокупный товарооборот между двумя странами достиг рекордных \$5,3 млрд, а РА впервые во внешнеторговых отношениях с РФ достигла практического паритета. Значительные успехи в развитии армяно-российских торгово-экономических отношений в 2023 г. позволяют надеяться на дальнейшую полноценную интеграцию, которая может стать основой для преодоления любых препятствий в отношениях между двумя странами.

Список литературы

1. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о свободной торговле (Ереван, 30 сентября 1992 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901912731> (дата обращения: 19.10.2023).
2. Договор о создании Экономического союза (Москва, 24 сентября 1993 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900462> (дата обращения: 19.10.2023).
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о расконсервации и возобновлении промышленной эксплуатации Армянской атомной электростанции (Москва, 17 марта 1994 г.) // Информационно-справочный бюллетень Министерства Российской Федерации по делам СНГ. 1999. № 3, июль.
4. Соглашение о создании Платежного союза государств – участников Содружества Независимых Государств (Москва, 21 октября 1994 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900221> (дата обращения: 19.10.2023).
5. Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств. Утвержден 14 сентября 1995 г. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 14.09.2023).
6. Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о российской военной базе на территории Республики Армения. URL: <https://uic.am/wp-content/uploads/2015/01/paym-razmabaza-1995-rus.pdf> (дата обращения: 14.09.2023).
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о торгово-экономическом сотрудничестве на 1996–1997 годы // Официальный сайт МИД РФ. URL: www.mid.ru (дата обращения: 14.09.2023).
8. Информационно-справочный бюллетень Министерства Российской Федерации по делам СНГ. 1999. № 3, июль.
9. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8306454> (дата обращения: 14.09.2023).
10. Иванов Э. М. Экономическое сотрудничество Армении с Россией // Армения: Проблемы независимого развития / под общ. ред. Е. М. Кожокина. М. : РИСИ, 1998. С. 290–312.
11. Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о долгосрочном экономическом сотрудничестве на период до 2010 года // Официальный сайт МИД РФ. URL: www.mid.ru. (дата обращения: 08.09.2023).
12. Григорян Г. Торгово-экономические отношения между Арменией и Россией (1991–2016 гг.) // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 2. С. 49–68.
13. Международная группа компаний «ИТЕРА» возобновила в полном объеме поставки газа Армении. URL: <https://ria.ru/20011221/39761.html> (дата обращения: 08.09.2023).
14. Стратегия для России – Повестка дня для Президента – 2000 / Совет по внешней и оборонной политике (СВОП). М. : Вагриус, 2000. 351 с.
15. Корон Е. Касьянов привез домой армянские акции // Новое время. 2002. 9 нояб. С. 2.
16. Агаджанян Г. Г. Становление и развитие внешней политики Республики Армения в 1991–2003 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. 214 с.
17. Хачатрян А. Договор Между Ереваном и Москвой о погашении долга расширяет влияние России на Кавказе. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/54690> (дата обращения: 06.10.2023).
18. Соглашение между Минтрансом и Грузией от 10 января 2005 г. URL: <https://cssrzd.ru/orders/orders-77.php> (дата обращения: 08.09.2023).
19. Для возобновления и регулярного функционирования. URL: <https://portnews.ru/digest/print/1008/?backurl=/digest/> (дата обращения: 08.09.2023).



20. В Армении действуют 19 крупных или средних компаний с российским капиталом. URL: <https://armenpress.am/rus/news/549258/> (дата обращения: 14.09.2023).
21. «Газовая атака» российского премьера в Армении. URL: <https://forum.hayastan.com/> (дата обращения: 08.09.2023).
22. История газопровода Иран – Армения. URL: <https://modernarmenia.mediamax.am/ru/story/> (дата обращения: 13.09.2023).
23. 2006 год стал скачком в дистанцировании России от Южного Кавказа – политолог. URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/arm1-20061226-41622485/> (дата обращения: 08.09.2023).
24. *Искандарян А.* Армения-2007: Публичность против элитности // Кавказ-2007. Ежегодник Института Кавказа / ред. А. Искандарян. Ереван : Луйс, 2009. С. 18–31.
25. *Соловьев В., Гукасян В.* Армяно-российские отношения в период независимости. Краткая хронология. Ереван : Паст, 2018. 39 с.
26. Статистические базы данных, Иностранные инвестиции, Национальная статистическая служба Республики Армения. URL: www.armstat.am/ (дата обращения: 13.09.2023).
27. Итоги переговоров РФ и Армении: военная база, мирный атом и инвестиции. URL: (<http://rian.ru/politics/20100820/267238963.html>) (дата обращения: 14.09.2023).
28. *Вардомский Л. Б., Пылин А. Г., Ильина М. Ю.* Экономика Армении: идеи, модели и результаты развития: научный доклад / под общ. ред. Л. Б. Вардомского. М. : Институт экономики РАН, 2016. 59 с.
29. Рейтинг крупнейших коммерческих компаний Армении. 20.09.2012. URL: <http://news.am/rus/news/121627.html> (дата обращения: 15.09.2023).
30. Заявление для прессы по итогам заседания Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества Высшего Евразийского экономического совета // Президент РФ (Официальный сайт). 2012. 19 марта. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/14807 (дата обращения: 15.09.2023).
31. Нарышкин: Армения может стать членом Таможенного союза. URL: <http://duma.gov.ru/news/7136/> (дата обращения: 15.09.2023).
32. В Армении пройдет очередная неофициальная встреча глав МИД стран «Восточного партнерства». URL: <https://regnum.ru/news/1624626> (дата обращения: 21.09.2023).
33. Совместное заявление по итогам визита Президента Республики Армения в Российскую Федерацию // Президент РФ (Официальный сайт). 2013. 3 сент. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1517> (дата обращения: 28.09.2023).
34. *Александров М.* Вступление Армении в Таможенный союз – это рациональное решение. REGNUM. 09.09.2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1704889.html> (дата обращения: 28.09.2023).
35. Показательное выступление. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2013/11/28/5774957.shtml> (дата обращения: 29.09.2023).
36. Путин: Российский газ для Армении подешевеет до \$189 за тысячу кубов. URL: <https://ria.ru/20131202/981349883.html> (дата обращения: 28.09.2023).
37. *Федоровская И. М.* Армения и Таможенный союз // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 1. С. 62–67.
38. *Манукян С. А., Арутюнян Г. А., Сафарян А. В.* Социологическое исследование «Отношение армянского общества к евразийской и европейской интеграции» // Исследовательско-аналитическая общественная организация «Интеграция и развитие». 2013. URL: http://www.noravank.am/rus/books/detail.php?ELEMENT_ID=12503 (дата обращения: 29.09.2023).
39. *Мартirosян С.* Два года Армении в ЕАЭС: позитива больше // Ритм Евразии. 16.01.2017. URL: <http://www.ritmeurasia.org/news-2017-01-16-dva-goda-armenii-v-eaes-pozitiva-bolshe27852> (дата обращения: 06.10.2023).
40. Визит Путина в Армению укрепил выбор Еревана. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2013-12-03/Vizit-Putina-v-Armeniyu-ukrepil> (дата обращения: 29.09.2023).
41. Назарбаев приглашает Армению в ЕАЭС без Нагорного Карабаха. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31559851&pos=4;-88#pos=4;-88 (дата обращения: 06.10.2023).
42. *Минасян С.* Армения-2014: между Европейским и Евразийским союзами // Кавказ-2014. Ежегодник Института Кавказа / ред. А. Искандарян. Ереван : Институт Кавказа, 2016. С. 64–75.
43. *Айвазян А. С.* Новое измерение европейской политики соседства (на примере соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве ЕС и Армении). Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-izmerenie-evropeyskoy-politiki-sosedstva-na-primere-soglasheniya-o-vseobemyuschem-i-rasshirennom-partnerstve-es-i-armenii> (дата обращения: 11.10.2023).
44. *Абрамов В. Л.* Республика Армения в Евразийском экономическом союзе: новые векторы развития. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/respublika-armeniya-v-evraziyskom-ekonomicheskom-soyuze-novyie-vektory-razvitiya> (дата обращения: 11.10.2023).
45. Россия и Армения договорились развивать новые совместные проекты. URL: <https://regnum.ru/rossija-i-armeniya-dogovorilis-razvivat-novie-proiects/> (дата обращения: 11.10.2023).
46. *Пылин А. Г.* Проблемы и перспективы торгового-экономического сотрудничества Армении и России в современных условиях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-armenii-i-rossii-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 11.10.2023).
47. Россия и Армения подписали План мероприятий по развитию межрегионального сотрудничества



- на 2022–2027 гг. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_armeniya_podpisali_plan_meropriyatiy_po_razvitiyu_mezhregionalnogo_sotrudnichestva_na_2022_2027_gg.html (дата обращения: 12.10.2023).
48. Армения со многими странами ЕС в разы укрупнила объемы внешней торговли, стремительно нарастив обороты и в направлении США, ОАЭ, Японии, Великобритании и Канады. URL: https://finport.am/full_news.php?id=48561 (дата обращения: 12.10.2023).
49. Значительную часть экспорта из Армении в 2022 году составлял реэкспорт объемом более \$1,3 млрд. URL: https://arka.am/ru/news/economy/znachitelnuyu_chast_eksporta_iz_armenii_v_2022_godu_sostavlyal_reeksport_obemom_bole_1_3_mlrld_fond (дата обращения: 12.10.2023).
50. Россия и Армения полностью отказались от расчетов в долларах и евро. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2023/03/16/966716-rossiya-i-armeniya-otkazalis-ot-raschetov-v-dollarah-i-evro> (дата обращения: 13.10.2023).
51. Россия и Армения подвели итоги двустороннего сотрудничества за 2022 год. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_armeniya_podveli_itogi_dvustoronnego_sotrudnichestva_za_2022_god.html (дата обращения: 12.10.2023).
52. Международный транспортный коридор «Север–Юг» и его значение для Ирана. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-i-ego-znachenie-dlya-irana/> (дата обращения: 14.10.2023).

Поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 12.11.2023; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 12.11.2023; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 210–219

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 210–219

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-210-219>, EDN: ZUSINW

Научная статья

УДК [327:008=81](94+71+931)|17/20|



Взаимодействие стран Британского содружества наций (Австралии, Канады, Новой Зеландии) по вопросу сохранения культурного наследия коренных народов

А. В. Буденкова

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, Россия, 660049, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89

Буденкова Анна Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, anna_budenkova@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0009-0887-2309>, AuthorID: 281152

Аннотация. В статье представлен обзор современной отечественной и зарубежной историографии проблем коренных народов. Показаны интерес и низкая степень изученности взаимодействия стран Британского содружества наций по вопросу сохранения культурного наследия малочисленных народов. На материалах оригинальных источников освещается история отношений исконных обитателей Австралии, Канады и Новой Зеландии и колонистов XVIII–XXI вв., которая повлияла на формирование современного сотрудничества стран по вопросам сохранения достояний культуры. Показаны эволюция и основные направления взаимодействия, без которых невозможно осуществить реализацию концепции поддержания культурного многообразия и сотрудничества в сохранении материальной и духовной культур малых народов, а также формировании нового гуманитарного направления внешнеполитической деятельности этих стран с прямым участием автохтонного населения.

Ключевые слова: коренные народы, метрополия, колонии, внешняя политика, Австралия, Канада, Новая Зеландия, культурное наследие, борьба за права, культурное многообразие

Для цитирования: Буденкова А. В. Взаимодействие стран Британского содружества наций (Австралии, Канады, Новой Зеландии) по вопросу сохранения культурного наследия коренных народов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 210–219. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-210-219>, EDN: ZUSINW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Collaboration of the countries of the British Commonwealth of Nations (Australia, Canada, New Zealand) on the issue of preserving the indigenous peoples' cultural heritage

A. V. Budenkova

Krasnoyarsk State Pedagogical University, 89 Ady Lebedevoy St., Krasnoyarsk 660049, Russia

Anna V. Budenkova, anna_budenkova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0887-2309>, AuthorID: 281152

Abstract. The article provides an overview of current topics in Russian and foreign research on indigenous issues, on the basis of which the interest and low study degree of collaboration of the British Commonwealth of Nations countries on the issue of preserving the indigenous peoples' cultural heritage is shown. Using materials from original sources, the article highlights the history of relations among the native peoples and colonists of Australia, Canada and New Zealand in the 18th – 21st centuries. The historical events influenced the formation and underlie modern cooperation among countries on issues of preserving cultural heritage. The evolution and main areas of cooperation are shown, without which it is impossible to implement the concept of maintaining cultural diversity and cooperation on issues of preserving the aboriginal peoples' material and non-material culture, as well as the formation of a new humanitarian direction in the foreign policy activities of these countries with the direct participation of the First nations.

Keywords: indigenous peoples, parent state, colonies, foreign affairs, Australia, Canada, New Zealand, cultural heritage, struggle for rights, cultural diversity

For citation: Budenkova A. V. Collaboration of the countries of the British Commonwealth of Nations (Australia, Canada, New Zealand) on the issue of preserving the indigenous peoples' cultural heritage. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 210–219 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-210-219>, EDN: ZUSINW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Наследие колониального прошлого является неотъемлемой частью анализа международных отношений и внешней политики стран, которые были прочно связаны с метрополиями, на протяжении многих десятилетий пребывая в статусе колоний и доминионов. Получив независимость, многие из них, поддерживаемые преференциальными торгово-экономическими связями, долго следовали за своими колонизаторами в русле их внешней политики. Более того, формальная деколонизация не была окончательной точкой, поскольку за ней последовали новые формы «колониальной» политики.

Современных исследователей привлекают различные аспекты, связанные с колониальным прошлым стран всех пяти континентов, к ним относятся и изучение проблем, связанных с собственно колониальной политикой, и «постколониальные исследования», в число которых входит осмысление вопроса колониального наследия как части культурного наследия колонизированных народов.

В этом направлении среди исследований зарубежных авторов необходимо отметить работы общего характера такие как «Деколонизация колониального наследия. Новые планы, участники и практики в Европе и за ее пределами» [1], сборник «Культурное наследие коренных народов. Права, дебаты, вызовы», в котором впервые был затронут вопрос прав коренного населения на свое культурное наследие [2].

Среди работ, сфокусированных на «создании колониалистами истории», поддержании имперских ценностей и использовании исторического нарратива и памяти в политических интересах можно выделить труд Кинана Джентри «История, наследие и колониализм: историческое сознание, британскость и культурная идентичность в Новой Зеландии, 1870–1940» [3], в котором автор критикует изучение процессов формирования идентичности и культур колониализма, основываясь не только на опыте Новой Зеландии, но также Австралии и Канады.

Анализируя направления современных исследований, необходимо уделить внимание работам, затрагивающим политику ассимиляции коренного населения, присущую Британским поселенческим колониям и повлиявшую на современное состояние отношений между коренными народами и поселенцами, внутреннюю и внешнюю политику колонизированных стран, имеющую прямое отношение к трагическим последствиям забвения культуры коренного населения. Одной из первых работ по сравнению политики ассимиляции коренного населения Австралии, Канады и Новой Зеландии был труд Эндрю Армитажа, в котором анализируется и сравнивается социальная политика в отношении аборигенов, особое внимание уделяется ювенальной политике этих стран [4].

Ряд работ посвящен различным вопросам прав коренных народов и правового регулирования отношений между коренными народами и поселенцами. Среди них необходимо выделить «Оксфордский справочник международного права в области культурного наследия», одна из глав которого посвящена вопросам культурного наследия коренных народов как части глобального культурного разнообразия, коллективную монографию «Равные субъекты, неравные права. Коренные народы в Британских поселенческих колониях, 1830-е – 1910» [5]. Внимания заслуживает работа Пола де Паскаля о правовом взаимодействии коренного населения и поселенцев в прошлом и настоящем в Канаде [6]. В правоведческом поле лежат и исследования истории и перспектив политического и общественного взаимодействия коренных народов и государственной власти в Новой Зеландии [7]. Сравнительное исследование «Коренные народы, бедность и самоопределение в Австралии, Новой Зеландии, Канаде и США» позволяет увидеть сходство и отличия в государственной социально-экономической политике в отношении коренных народов, оценить условия их жизни и сопоставить требования [8].

Вопросам образования и сохранения языков коренного населения в Канаде [9], Австралии [10] и Новой Зеландии [11], проблемам сохранения здоровья (физиологического и психологического) и взаимодействию с поселенцами и социумом в целом посвящен ряд работ канадских [12], австралийских [13] и новозеландских авторов [14].

Отечественные исследователи тоже не обходят вниманием тему колониального наследия во внешней политике колонизированных стран. Однако наибольший интерес вызывают, конечно же, государственная политика в отношении коренных народов и опыт политического и общественного взаимодействия коренных народов и поселенцев [15–17], проблемы современного правового регулирования статуса коренных народов, защиты и обеспечения их прав [18–20], институциональные вопросы поддержки коренного населения Австралии и Новой Зеландии [21]. Тема зарубежного опыта сохранения физиологического и психологического здоровья коренных народов [22] не менее актуальна, как и тема разрешения конфликта компаний-природопользователей и коренных народов [23].

Тема зарубежного опыта сохранения культурного наследия коренных народов затрагивалась российскими учеными в отношении коренных народов, проживающих на территории России, и в контексте политики поддержания биологического разнообразия в соответствии с конвенцией ООН. Однако, с точки зрения международного сотрудничества, по вопросам сохранения культурного наследия опыт зарубежных стран остается неисследованным. Этот опыт представляет интерес не только с позиции нового направления



внешнеполитической деятельности, но и для понимания современной политики стран Европы и Америки в связи с их возросшим вниманием к вопросу колониального наследия как части культурного наследия стран-колонизаторов и колонизированных народов.

Истоки взаимодействия стран Британского Содружества по вопросам, относящимся к коренным народам, восходят к началу XIX в., когда в Лондоне в 1823 г. было образовано «Общество против рабства», а в 1837 г. «Общество защиты аборигенов» («The Aborigines' Protection Society») (APS), которое действовало в Австралии, Новой Зеландии, Фиджи, Канаде, Южной Африке и Конго. В 1909 г. после их слияния образовалось «Общество по борьбе с рабством и защиты аборигенов», действовавшее вплоть до 1947 г. и сохранившее основное – правозащитное направление деятельности «Общества защиты аборигенов». Несмотря на то, что члены этого общества боролись за равенство прав колонизаторов и аборигенов перед законом, они не уделяли внимания вопросам защиты и сохранения культурных ценностей коренных народов.

В целом взаимоотношения колонистов и коренных народов в разных частях Британской империи складывались по-разному. Именно разнообразие исторического опыта является ключевым фактором, вызвавшим в настоящее время потребность обмена знаниями по преодолению проблем, возникших в жизни коренных народов. Наименее драматично начинали складываться отношения между колонистами и аборигенами в Новой Зеландии. В 1840 г. было подписано соглашение между племенами Новой Зеландии и Коронай, которое обеспечивало основу для отношений между колонизаторами и маори [24]. Для поддержания условий договора был учрежден Департамент протектората (1840–1846 гг.) под руководством миссионера и учителя Дж. Кларка, носившего титул главного протектора. Его целью была защита прав народа маори, гарантированных Договором Вайтанги. Однако целеустремленность и настойчивость Дж. Кларка в отношении защиты прав маори привели к скорому упразднению департамента [25].

Исторические отношения между коренными народами и обществами поселенцев на территории современной Канады имеют свою специфику. Одним из основных договоров между поселенцами и коренными народами общепринято считать Закон об индейцах 1876 г. («Индийский акт»), однако Королевская прокламация 1763 г., Ниагарский договор 1764 г. и многие другие договоры определили отношения между большинством коренных народов и Коронай в восточной и центральной частях современной Канады задолго до него. На коренные народы Дальнего Запада и Северо-Запада распространялись законы, принятые в соответствии с этими вехами, хотя многие из них остались без договоров. Однако в основу

Индийского акта лег Закон о постепенной цивилизации, принятый в 1857 г., который был направлен на ассимиляцию индейцев в канадское поселенческое общество путем поощрения предоставления избирательных прав [26]. В то же время Закон о постепенном предоставлении избирательных прав также предоставил генеральному суперинтенданту по делам индейцев исключительный контроль над статусом индейцев. Конфедерация Канады поставила перед федеральным правительством задачу объединить отдельные группы аборигенов в рамках одного закона. Таким образом, несмотря на разнообразие опыта и отношений между аборигенами и поселенцами по всей стране, включая сильные военные и экономические союзы в определенных регионах, Конфедерация установила совершенно иные отношения между этими двумя группами, игнорируя интересы и договорные права аборигенов и единообразно делая их законными подопечными государства. Системы контроля, установленные в предыдущем законодательстве, теперь заново определялись в одном законе – Законе об индейцах 1867 г., который фактически рассматривал аборигенов как детей, иницируя гомогенизирующие и патерналистские отношения.

Обращаясь к истории отношений поселенцев и коренных народов Австралии, можно выделить единственный легитимный акт, регулировавший их. Это Закон о защите аборигенов 1869 г., штат Виктория. С колонизацией Австралии после 1788 г. изначально был применен новый правовой режим, основанный на общем праве. Управление по делам колоний рассматривало Австралию в целях ее приобретения и применения английского законодательства как оседлую колонию, т. е. незаселенную признанным сувереном или народом с узнаваемыми институтами и законами. Таким образом, с аборигенами не было заключено никаких договоров. Более того, с ними не было заключено никаких соглашений о приобретении их земель или о регулировании отношений между ними и колонистами [27]. В Новой Зеландии в 1854 г. тоже начал действовать закон о применении английских актов (English Acts Act), а в 1861 г. на ее территории начал функционировать Департамент коренных народов, который в дальнейшем с расширением его функций подвергся реорганизации. Однако период с конца XIX до начала XX в. в Новой Зеландии, так же как и Канаде, можно назвать периодом конфликтов и компромиссов между коренными народами и Коронай, связанной как с продажей земель, принадлежащих племенам в Новой Зеландии и последующими войнами из-за них, так и борьбой коренных народов Канады за традиции и церемонии, которые попадали под запрет, например, Запрет потлача.

В Австралии же в 1920-е гг. Ассоциация защиты коренных народов призвала Королевскую комиссию по конституции рекомендовать внести в Конституцию поправку, позволяющую



федеральному правительству взять на себя «верховный контроль над всеми аборигенами». Это было связано прежде всего с тяжелыми условиями жизни аборигенов. Бедность, плохое здоровье и недоедание носили повсеместный характер. Такие события, как резня в Кимберли (1927 г.), жестокое обращение с прокаженными на крайнем северо-западе Западной Австралии, столкновения между аборигенами и японцами в Арнеменде и разногласия по поводу обеспечения минимальной заработной платы для аборигенов, занятых в скотоводческой отрасли, привлекли внимание общественности. В 1928 г. правительство Содружества отреагировало на общественное давление, в том числе и активность Ассоциации защиты коренных народов, запросив отчет Главного защитника аборигенов Квинсленда Дж. У. Бликли об условиях жизни аборигенов в центральной и северной Австралии [28]. Его отчет при упоминании лишь вскользь фактов правовых нарушений содержал массу негативных деталей, из которых состояла повседневная жизнь аборигенов, таких как отсутствие должного жилья и одежды, проблемы недоедания и здоровья, а также неудовлетворительная работа учреждений, предназначенных для аборигенов-полукровок.

За период между двумя мировыми войнами в жизни коренных народов Австралии, Канады и Новой Зеландии не произошло кардинальных изменений, однако все они участвовали в защите своих наций во время Второй мировой войны. Именно военное время отчетливо показало, что, несмотря на обездоленность, участие коренных народов в войне доказало их равноценный вклад в национальное единство. К тому же признание странами Британского Содружества в числе прочих в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека ООН привело к видимым изменениям отношения к коренным народам в Новой Зеландии и Канаде. Так, в Новой Зеландии в 1945 г. Департамент по делам коренных народов был реорганизован в Департамент по делам маори, хотя его основная функция и заключалась в том, чтобы «облегчить путь маори к городской жизни», в 1948 г. его возглавил Типи Таинуи Ропиха (Tīpi Tainui Rōpīha), представитель народа маори.

В Канаде в 1951 г. был пересмотрен Закон об индейцах, из которого были исключены наиболее репрессивные разделы, а в некоторые разделы были внесены поправки. Для индейцев больше не было незаконным практиковать свои обычаи и культуру, такие как потлач. Им теперь разрешили посещать бильярдные и играть в азартные игры, хотя ограничения на алкоголь были ужесточены. Индейцам также разрешалось появляться за пределами резервации в церемониальной одежде без позволения индейского агента, нанимать адвокатов, а индейским женщинам – голосовать в советах племен. В целом, оценивая работу Королевской комиссии коренных народов (Royal

Commission of Aboriginal Peoples), можно сказать, что, убрав дискриминационные поправки, она придала Закону об индейцах его изначальное содержание 1876 г., но никак не расширила права коренных народов [26].

В Австралии в 1963–1968 гг. развернулась кампания за предоставление аборигенам права на землю. В брошюре Национального миссионерского совета, опубликованной в 1963 г., недвусмысленно говорится: «Никогда нельзя забывать, что по большей части Австралия была отнята у аборигенов силой без оплаты, компенсации или признания их неотъемлемого права на землю» [27]. В том же году Ким Бизли (старший) внес в парламент Содружества предложение о том, что «право собственности аборигенов на земли заповедников аборигенов должно быть создано в Северной территории» [29]. А Джо Мак Гиннесс, президент Федерального совета по улучшению положения аборигенов и жителей островов Торрессова пролива (FCAATSI), заявил на конференции 1968 г., что «не может быть народа без земли» [29]. В результате активной правозащитной позиции австралийцев в 1965 г. Австралийский Союз предоставил аборигенам право голоса на федеральном уровне, а в 1967 г. был проведен референдум по предоставлению прав аборигенам. На референдум были вынесены два вопроса. Один из них касался внесения поправок в Конституцию Австралии по ст. 51 и 127. Статья 51 гласила, что «в соответствии с настоящей Конституцией Парламент имеет право принимать законы для мира, порядка и хорошего управления Австралией в отношении...людей любой расы, кроме аборигенной расы в любом штате, для которых считается необходимым принять специальные законы» [30]. Статья 127 закрепляла положение, что при подсчете численности населения Австралийского Союза, штата или другой части Австралийского Союза коренные жители не учитываются [30]. На референдуме 1967 г. было зарегистрировано наибольшее количество голосов «за», когда-либо зафиксированное на федеральном референдуме, с беспрецедентными 90,77% проголосовавших за перемены – удаление слов «кроме аборигенной расы» из ст. 51 и исключение ст. 127 из Конституции Австралии [30].

В конце 1960-х гг. и Новая Зеландия была охвачена волной протестных движений, которые к началу 1970-х гг. окончательно развеяли миф об идеальных межрасовых отношениях в Новой Зеландии. По словам одного из активистов радикальной группировки из Окленда «Нга Таматоа», «ассимиляция провалилась, а вместо нее в воздухе витает дух принадлежности к маори (Maoriness)» [31]. Период 1970-х гг. принято называть «Ренессансом маори», потому что именно в эти годы на фоне общемирового подъема протестных и молодежных движений разного толка молодежь маори сознательно вступает в борьбу за реализацию своих прав во всех сферах



жизни и это энергичное политико-культурное обновление среди маори было дополнено быстро растущим интересом пакеха к искусству, ремеслу и литературе маори.

В 1969 г. премьер-министр Канады Трюдо предпринял попытку отменить Закон об индейцах и расформировать Департамент по делам индейцев с целью достижения большего равенства индейцев, чтобы они по сути стали такими же, как и другие граждане Канады [32]. Эти изменения были предложены в качестве основной линии в «Белой книге», но эта идея была отвергнута большинством аборигенов по всей Канаде, считавших, что ассимиляция в основное канадское общество не является средством достижения равенства. Они хотели сохранить такое юридическое различие, как индейский народ. Из-за широко распространенного сопротивления Белой книге Федеральное правительство в конечном итоге отказалось от этой политики, но на данном этапе можно отметить поворот со стороны властей Канады от политики ассимиляции к политике, направленной на установление конституционно защищенных прав коренных народов.

В 1980-е гг. коренным народам Канады удалось добиться установления гендерного равенства в отношении женщин. После консультаций и переговоров в 1985 г. в Закон об индейцах были внесены поправки, и принят законопроект С-31, позволяющий тем, кто потерял свой статус, снова его восстановить [26]. Этот же год стал знаковым и для коренных народов Новой Зеландии. В 1985 г. был принят Закон о внесении поправок в Договор Вайтанги, который ретроспективно расширил юрисдикцию Трибунала, включив в нее рассмотрение незаконной конфискации земли и ресурсов маори с 1840 г. [33], начав правовую и конституционную революцию. В 1989 г. департамент по делам маори был трансформирован в две новые организации – Министерство по делам маори и Агентство поддержки отношений иви. Одновременно с этими ключевыми событиями в середине 1980-х гг. в Австралии был принят Закон об охране культурного наследия аборигенов Австралии и коренных жителей островов Торресова пролива (1984 г.), подготовлен доклад 31-й Австралийской комиссии по реформе законодательства о признании обычного права аборигенов (1986 г.), и в 1989 г. основан Австралийский институт изучения аборигенов и жителей островов Торресова пролива.

В конце XX – начале XXI в. коренным народам стран Британского Содружества удалось не только добиться равных прав и возможностей с поселенцами, к сожалению, лишь частично сохранив свою идентичность, но и добиться признания ошибок периода колонизации. Так, в Австралии с 1995 г. по 1997 г. Комиссия по правам человека и равным возможностям провела национальное расследование

разлучения детей аборигенов и жителей островов Торресова пролива со своими семьями. Были опрошены более 500 пострадавших, а также проведены опросы в организациях и учреждениях по всей стране. В апреле 1997 г. выводы Комиссии были опубликованы в докладе «Вернем их домой», а в 1998 г. как реакция на этот доклад развернулась кампания «Книги сожалений». Основной рекомендацией доклада была необходимость официального признания и извинения за насильственное выдворение детей аборигенов и жителей островов Торресова пролива из мест их проживания и семей. Однако при широкой поддержке австралийцами инициативы организации «Австралийцы за коренные титулы и примирение» (ANTAR), «Книги сожалений» и учреждении Национального дня сожаления 26 мая 1998 г. последовал отказ австралийского правительства принести официальные извинения коренным народам [34]. Формальное извинение «украденным поколениям» от имени австралийского парламента было принесено премьер-министром Кевином Раддом лишь спустя 10 лет (13 февраля 2008 г.). В 2019 г. в Австралии появилось Национальное агентство коренных австралийцев (National Indigenous Australians Agency), в функции которого входит направлять и координировать политику развития Содружества, разрабатывать и внедрять программы и предоставлять услуги коренным австралийцам и жителям Торресова пролива, выступать в качестве советника для премьер-министра и министра по делам коренных народов при определении приоритетов коренных австралийцев и жителей Торресова пролива [35].

В Новой Зеландии институциональные трансформации произошли на два десятилетия раньше, чем в Австралийском Союзе. Еще в 1992 г. там было учреждено Министерство развития маори. Его уставные обязанности схожи с функциями Национального агентства коренных австралийцев и заключаются в содействии достижениям маори в области здравоохранения, обучения и занятости, экономического развития и наблюдении за адекватностью услуг государственного сектора для маори. Более того, в 2004 г. основана Партия маори, которая выступает в коалиции с Национальной партией Новой Зеландии.

В Канаде рубеж XX–XXI вв. можно назвать периодом активного предоставления прав самоуправления коренным народам (индейцам, инуитам и метисам) и так же, как и в Австралийском Союзе, временем признания ошибок в отношении аборигенов. После провала конституциональных конференций, еще до внесения поправки С-31 и вспышки конфликта по использованию земель коренных народов в Канесатакэ (Ока, Квебек) (1990 г.), была назначена Королевская комиссия по делам коренных народов. В результате масштабного расследования она опубликовала ряд промежуточных исследований



и заключительный отчет, состоявший из пяти томов, в котором предлагалась новая интерпретация канадской истории отношений с коренными народами, ставя последние в центр взаимодействия. В отчете содержались и рекомендации, охватывающие практически все нерешенные вопросы в этих отношениях – от здравоохранения до ветеранов, дела, связанные с земельными правами и договорами. Комиссия видела новые отношения между коренными народами и нациями, с одной стороны, и Короной и правительствами Канады – с другой, отраженные во фразе «диалог наций» (*nation-to-nation*). Под этим выражением подразумевались отношения, характеризующиеся взаимными признанием и уважением, разделением и взаимной ответственностью. «Правительства аборигенов» понимались как один из трех порядков правления в федерации [36].

В качестве ответа Федерального правительства Королевской комиссии в 1998 г. была принята программа «Набирая силу: канадский план действий по делам аборигенов», в котором вместо «диалога наций» говорилось о партнерстве между коренными народами, всеми уровнями правительства и частным сектором. Другие разделы «Набирая силу» подтверждали неотъемлемое право на самоуправление, договорные отношения и важность признания «правительств аборигенов», но избегали явного признания первоначального суверенитета коренных народов. Заявление о примирении одобряло версию канадской истории, выдвинутую Комиссией, и признавало ущерб, нанесенный индейскими школами-интернатами [37]. В итоге после судебного иска со стороны Ассамблеи коренных народов и дальнейших переговоров были принесены официальные извинения, развернута компенсационная программа, а Комиссия по установлению истины и примирению (TRC) должна была предоставить отчет о проделанной работе в 2015 г.

Из мандатного письма 2015 г. премьер-министра Д. Трюдо министру по делам коренных народов и народов Севера следовало, что федеральное правительство полностью восприняло рекомендации Королевской комиссии. Д. Трюдо определил основные обязанности министра как «возобновление отношений между Канадой и коренными народами. Это обновление должно быть диалогом между нациями (*nation-to-nation*), основанном на признании, правах, уважении, сотрудничестве и партнерстве. Я ожидаю, что вы возобновите процесс диалога с коренными народами, чтобы добиться истинного прогресса по вопросам, наиболее важным для коренных народов, нации метисов и общин инуитов вопросы, такие как жилье, занятость, здравоохранение и психиатрическая помощь, общественная безопасность и охрана правопорядка, благополучие детей и образование» [38].

Через сотни лет, имея разную историю колонизации, отношений между коренными народами

и поселенцами, правительствами и частными компаниями, коренным народам Австралии, Канады и Новой Зеландии, тяжелой ценой потерь удалось добиться равноправного диалога с европейскими поселенцами в решении правовых вопросов, установлении паритетных экономических связей, обеспечении своих семей и детей равными возможностями в сфере образования и здравоохранения, полноценного участия в политической жизни своих стран. Отчасти это произошло под влиянием внешних факторов, таких как Вторая мировая война, подъем национально-освободительного движения в послевоенное время, усилению протестных молодежных движений. К внешним факторам можно отнести и работу международных организаций, в частности деятельность Организации Объединенных Наций (ООН).

Обсуждение создания Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов началось в конце 1980-х гг. под влиянием процессов, происходивших в национальных государствах. Представители коренных народов и другие участники рабочей группы ООН по коренному населению понимали, что существующие структуры ООН не отвечали в полной мере на вопросы, стоящие перед коренными народами. Они также осознавали, что участие представителей коренного населения в ООН оставалось ограниченным. Идея создания Постоянного форума была обсуждена участниками Всемирной конференции по правам человека в Вене в 1993 г. В соответствии с Венской декларацией и Программой действий постоянный форум должен был быть основан в период первого Международного десятилетия коренных народов мира ООН (1995–2004). В июне 1995 г. в Копенгагене был организован семинар с целью обсудить создание Постоянного форума по вопросам коренных народов. В семинаре приняли участие представители правительств, коренных народов, а также независимые эксперты. В обсуждении затрагивались темы потенциальных возможностей Постоянного форума, какому органу ООН форум будет подотчетным, мандат форума и круг полномочий, какие мероприятия он будет проводить, членство, участие коренных народов, отношение к рабочей группе по коренному населению, условия финансирования и секретариального обслуживания. Доклад о результатах семинара был направлен правительствам, организациям коренных народов, межправительственным и неправительственным организациям. Следующий семинар ООН, посвященный Постоянному форуму, прошел в Сантьяго в 1997 г. На нем представители правительств, организаций коренных народов, НПО и структуры ООН ознакомились с рецензией Генерального секретаря ООН и разработали план по созданию Постоянного форума по вопросам коренного населения. В соответствии с резолюцией 2000/22 Экономического и Социального Совета (The Economic and



Social Council (ECOSOC)) от 28 июля 2000 г. был основан Постоянный форум ООН по вопросам коренных народов (the Permanent Forum on Indigenous Issue). В этой резолюции Постоянному форуму были даны полномочия «обсуждать вопросы коренных народов в рамках мандата Совета в том, что касается экономического и социального развития, культуры, окружающей среды, образования, здравоохранения и прав человека» [39].

Создание Постоянного форума является знаковым не только с точки зрения расширения сферы деятельности ООН по вопросам коренных народов и их вовлеченности в решение актуальных для них вопросов на международном уровне, но и в качестве первой наднациональной площадки взаимодействия и обмена опытом, в том числе по проблемам восстановления и сохранения культурного наследия. С 2002 г. функционирует программа ЮНЕСКО «Системы знаний местного и коренного населения» (LINKS). Ее цель информировать и способствовать обмену опытом в областях научной и экологической политики между носителями знаний коренных народов и местным населением, чтобы носители знаний местных и коренных народов и их знания были включены в современные форумы науки, политики и общества по таким вопросам, как оценка и управление биоразнообразием, оценка изменения климата и адаптация (МГЭИК, РККИК ООН), готовность к стихийным бедствиям (ISDR) и устойчивое развитие (Rio+20, Future Earth). Работа ведется на местном, национальном и глобальном уровнях, где происходит обмен международными нормами и стандартами, а также осуществляется междисциплинарное сотрудничество в различных областях знаний.

13 сентября 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о правах коренных народов, которая была опубликована в 2008 г. Для коренных народов декларация – это прежде всего инструмент, который можно использовать как меру давления на правительства в целях улучшения положения коренных народов, зачастую подверженных дискриминации и маргинализации, и для дальнейшего расширения их возможностей. Принятие Декларации о правах коренных народов является определенной вехой, с которой начинается активное взаимодействие мирового сообщества в этом направлении в целом. В 2011 г. в ходе 36-й Генеральной конференции началась разработка политики ЮНЕСКО в отношении взаимодействия с коренными народами, программа которой была принята со сроками реализации с 1 января 2018 г. по 31 декабря 2021 г. и согласовано аналитическому отчету о ее проведении был «...обеспечен всесторонний учет политики устойчивого развития всемирного наследия в области сохранения и управления на не менее чем 223 объектах всемирного наследия, включая 68 объектов в Африке и 10 в МОСРГ (малые островные развивающиеся государства и острова. – А. Б.),

а инициатива «Погружение в живое наследие и устойчивое развитие» была направлена на поиск новых способов наглядного представления многогранной и целостной природы нематериального культурного наследия... Кроме того, ЮНЕСКО начала выпускать ежемесячный бюллетень «Культура и государственная политика», позволяющий отслеживать роль культуры в государственной политике в контексте Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г.» [40]. Многосторонность работы ООН со странами мирового сообщества в области сохранения культурного наследия коренных народов подтверждает и инициатива Международного года языков коренных народов (2019 г.), переросшая в Международное десятилетие языков коренных народов (2020–2032 гг.) «ввиду срочности и серьезности ситуации, в которой находятся многие пользователи языков коренных народов, использующие как устную речь, так и язык жестов» [41].

Деятельность ООН и ЮНЕСКО в целом и их подразделений, нацеленных на работу по решению проблем коренного населения, подтолкнули к уже давно назревшему двустороннему сотрудничеству по вопросам коренных народов и страны Британского Содружества Наций. Еще в декабре 2017 г. Совет по исследованиям в области здравоохранения Новой Зеландии (The Health Research Council of New Zealand), Национальный совет по здравоохранению и медицинским исследованиям Австралии (The National Health and Medical Research Council of Australia) и Канадские институты исследований в области здравоохранения (The Canadian Institutes of Health Research, CIHR) подтвердили свое обязательство о сотрудничестве по исследованию проблем здоровья коренных народов, а в декабре 2019 г. состоялся Международный семинар по исследованиям здоровья коренных народов в Waipuna Lodge в Окленде. В феврале 2021 г. было подписано Соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве коренных народов (Indigenous Peoples Economic and Trade Cooperation Arrangement (IPETCA)), которое представляет собой необязательную экономическую договоренность для содействия расширению экономических возможностей коренных народов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это открытое многостороннее соглашение между несколькими странами (Австралия, Новая Зеландия, Канада, Тайвань), которое создает основу для совместной работы экономик и коренных народов в целях расширения торговли и экономического сотрудничества. Совместный орган принятия решений Совет партнерства позволяет как представителям экономики, так и самим коренным народам, осуществлять надзор за соблюдением и реализацией Соглашения.

В феврале 2020 г. было подписано соглашение между Австралией и Новой Зеландией о сотрудничестве по вопросам коренных народов. В нем было заявлено, что отношения между



коренными народами в вопросах культуры, торговли и инноваций являются жизненно важной частью проецирования и защиты интересов коренных народов во всем мире [42]. В этом же году было намечено два основных канала сотрудничества – ежегодные встречи, постоянный диалог между руководителями соответствующих ведомств и связи между людьми (people-to-people links), которые позволяют обмениваться передовыми подходами и знаниями. Данное соглашение послужило основой для дальнейших инициатив, таких как совместные мероприятия по управлению окружающей средой, например «Исцели страну!». Акция 2021 г. призывает к активизации действий по защите земель, вод, священных мест и культурного наследия от эксплуатации, осквернения и разрушения.

В августе 2022 г. было подписано соглашение о сотрудничестве по вопросам коренных народов между правительствами Аотеароа-Новой Зеландии и Канады. Целью соглашения является продвижение и содействие экономическому, социальному, культурному и экологическому прогрессу коренных народов посредством развития отношений, улучшения обмена знаниями и более тесного сотрудничества [43]. Соглашение направлено на укрепление связей между коренными народами Новой Зеландии (маори) и коренными народами, метисами и инуитами Канады.

В период подписания соглашений о сотрудничестве можно отметить несколько тенденций в отношениях между Веллингтоном, Канберрой и Оттавой по вопросам коренного населения. Одна из них – это диверсификация каналов взаимодействия. В 2023 г. Австралия, Новая Зеландия и Канада начали активно взаимодействовать еще в одном направлении сотрудничества – между сходными по направлению деятельности организациями (collaboration to sister organisations), например, по управлению общинами (сообществами) в городе и деревне. В качестве еще одной тенденции можно выделить рост трехстороннего сотрудничества в различных сферах (защита прав, экономика, культура). В июле 2021 г. состоялось мероприятие в рамках Экспертного механизма УВКБ ООН по правам коренных народов «Права женщин и девочек коренных народов – перспективы из Австралии, Канады и Новой Зеландии», трехсторонняя дискуссия была основана на докладе Австралийской комиссии по правам человека «Женские голоса» (2020) (Wiyi Yani U Thangani Report) [44]. В июне 2022 г. прошел первый в своем роде симпозиум по экономическому развитию «Создание путей» (Maḡamaḡa miḡu) в Австралийском национальном университете. В нем приняли участие приглашенные докладчики из числа коренных народов из Австралии, США, Канады и Новой Зеландии, которые представили на семи сессиях преобразующие подходы к экономическим вопросам коренных народов Австралии. В том же году прошла 10-я Азиатско-

тихоокеанская триеннале, одной из основных тем которой был футуризм коренных народов.

Внешнеполитическое трехстороннее сотрудничество дало мощный стимул для продолжения внутренней работы в этих направлениях. В сентябре 2022 г. в Австралии был проведен еще один виртуальный форум по политике безопасности женщин из числа коренных народов, в котором приняли участие более 150 чел. Среди них были не только представители коренных народов, но и исследователи, представители правительств. Конечной целью форума был пересмотр отношений с правительством, где женщины коренных народов станут играть центральную роль в формировании политики и систем, влияющих на их жизнь. В ходе форума подчеркивалась не только значимая роль женщин в работе по социальным и экономическим изменениям, но и то, что создание холистических организаций, основанных на комплексном подходе к интересам личности, сообщества, культуре народа, и управление ими представительницами коренных народов способствуют реализации подходов по предотвращению насилия, учитывающих культурные особенности. А в мае 2023 г. был проведен национальный саммит «Голоса женщин», по завершении которого делегаты опубликовали коммюнике, в котором изложили свои взгляды, призвали к действию и рекомендовали правительствам Австралии и другим заинтересованным сторонам работать с ними над реализацией своего видения гендерной справедливости и равенства коренных народов.

В целом культурные связи коренных народов представляют собой сложную систему взаимосвязей истории, символики, культурных событий и выражения культуры различными способами, культурных ценностей, верований и практик, понятия страны как земли рода, личной самоидентификации со своим народом, семьи, клана и сообщества. Для сохранения этих значимых для коренных народов элементов культуры важно взаимодействие по всем направлениям: правовое, торгово-экономическое, сотрудничество в сфере здравоохранения, сотрудничество по вопросам экологии, обмену социальным опытом и взаимодействие по вопросам управления, по вопросам сохранения культурного наследия. Последнее включает образование, восстановление и сохранение языков коренных народов, защиту мест проживания и размещения культурных ценностей, возвращение на родину вывезенных ранее значимых объектов культуры коренного населения.

Проанализировав этапы борьбы коренного населения в Австралии, Канаде, Новой Зеландии, влияние внешних факторов, общие тенденции в развитии отношений по вопросам коренных народов этих стран, можно заключить, что сохранение культуры и культурного наследия, имея жизненно важное значение и будучи целью большинства действий, предпринятых коренными на-



родами, по сути лежащее в основе их существования, выступает в качестве завершающего элемента как во внутренней, так и во внешней политике. На сегодняшний день сложно оценивать функции сотрудничества по сохранению культурного наследия коренных народов как нового направления во внешнеполитической деятельности стран Британского содружества наций, но его перспективы нельзя недооценивать. Это не просто новый инструмент мягкой силы или новая экономическая ниша, а прежде всего возможность для представителей коренных народов самим контролировать политические, правовые, экономические и множество других процессов, имеющих влияние на сохранение их культурного наследия.

Список литературы

1. Decolonizing Colonial Heritage. New Agendas, Actors and Practices in and beyond Europe / ed. by B. Timm Knudsen, J. Oldfield, E. Buettner, E. Zabunyan. New York: Routledge, 2022. 318 p.
2. Indigenous Peoples' Cultural Heritage. Rights, Debates, Challenges / ed. by A. Xanthaki, S. Valkonen, L. Heinämäki, P. Kristiina Nuorgam. Leiden; Boston: BRILL, 2017. 350 p.
3. Gentry K. History, heritage, and colonialism: Historical consciousness, Britishness, and cultural identity in New Zealand, 1870–1940. Manchester: Manchester University Press, the UK, 2015. 272 p.
4. Armitage A. Comparing the Policy of Aboriginal Assimilation: Australia, Canada and New Zealand. Vancouver, British Columbia, Canada: UBC Press, University of British Columbia, 1995. 301 p.
5. Evans J., Grimshaw P., Philips D., Swain S. Equal subjects, unequal rights. Indigenous peoples in British settler colonies, 1830–1910. Manchester; New York: Manchester University Press, 2003. 198 p.
6. De Pasquale P. W. (Paul Warren). Natives & settlers, now & then: historical issues and current perspectives on treaties and land claims in Canada. Edmonton: University of Alberta Press, 2007. 119 p.
7. Barnes H. M. Better Indigenous policies: an Aotearoa New Zealand perspective on the role of evaluation // An Aotearoa New Zealand perspective, Better Indigenous Indigenous Policies: The Role of Evaluation: Roundtable Proceedings. Canberra: Productivity Commission, 2013. P. 156–181.
8. Cornell S. Indigenous Peoples, Poverty and Self-Determination in Australia, New Zealand, Canada and the United States // Joint Occasional Papers on Native Affairs (JOPNA), 2006. № 2. P. 1–39.
9. Transforming the Academy. Indigenous education, knowledges and relations / ed. by M. S. Smith. Edmonton; Alberta, Canada: University of Alberta, 2013. URL: https://dspace.library.uvic.ca/bitstream/handle/1828/9249/Malinda_Smith_TransformingTheAcademy_2013.pdf?sequence=1 (дата обращения: 01.08.2023).
10. Gaby A. Rebuilding Australia's Linguistic Profile: Recent Developments in Research on Australian Aboriginal Languages // Language and Linguistics Compass. 2008. Vol. 2, № 1. P. 211–233.
11. The Value of the Māori Language: Te Hua o te Reo Māori / ed. by R. Higgins, P. Rewi, V. Olsen-Reeder. Wellington: Huia Publishers, 2014. 441 p.
12. Aguiar W., Halthes R. Aboriginal peoples and historical trauma: The process of international transmission. National collaborating centre for aboriginal health. Prince George, BC, Canada: University of Northern British Columbia, 2015. 30 p.
13. Working Together: Aboriginal and Torres Strait Islander Mental Health and Wellbeing Principles and Practice / ed. by P. Dudgeon, H. Milroy, R. Walker. Bentley, Western Australia: Curtin University, 2010. 588 p.
14. Te ahu o te reo māori: Reflecting on research to understand the well-being of te reo māori / ed. by V. I. Olsen-Reeder, J. Hutchings, R. Higgins. Wellington, New Zealand: Te Herenga Waka University Press, 2017. 200 p.
15. Скоробогатых Н. С. Аборигены-правозащитники в истории Австралийского Союза: в 2 ч. Ч. 2: Цена исторического реванша // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 2, № 4 (45). С. 152–168.
16. Скоробогатых Н. С. Аборигены-правозащитники в истории Австралийского Союза: в 2 ч. Ч. 1: Трудный путь к равноправию // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 2, № 3 (44). С. 160–175.
17. Стефанчук Л. Г. Основные этапы эволюции народа маори // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. № 15. С. 307–320.
18. Хазов Е. Н., Степанов А. А. Опыт Австралийского Союза в защите и обеспечении прав коренного и аборигенного населения Австралии // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 2. С. 171–174.
19. Ананидзе Ф. Р., Куцуров О. Ю. Правовое положение коренных народов Австралии // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 367–373.
20. Андреев К. Ю. Правовой статус коренных малочисленных народов в зарубежных странах: справочник. М.: ИНИОН РАН, 2006. 140 с.
21. Дубровин В. Ю., Соловарова Ю. Н. Особенности становления государственных институтов поддержки коренного населения стран Австралии и Новой Зеландии (англосаксонская модель) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 6 (57). С. 47–51.
22. Семенова Н. Б. Распространенность и факторы риска самоубийств среди коренных народов: обзор зарубежной литературы // Суицидология. 2017. Т. 8, № 1 (26). С. 17–39.
23. Пыжжев А. И., Пыжжева Ю. И., Зандер Е. В. Разрешение конфликта интересов компаний-природопользователей и коренных народов: зарубежный опыт // Проблемы современной экономики. 2013. № 4 (48). С. 410–413.
24. The Treaty of Waitangi, English version // New Zealand History. URL: <https://nzhistory.govt.nz/politics/treaty/read-the-treaty/english-text> (дата обращения: 01.07.2023).



25. About Te Puni Kōkiri // Ministry of Māori Development. URL: <https://www.tpk.govt.nz/en/mo-te-puni-kokiri/our-story/our-history> (дата обращения: 01.07.2023).
26. The Indian Act // Indigenous Foundations, First Nations Studies Program. Vancouver, Canada : University of British Columbia, 2009. URL: https://indigenousfoundations.arts.ubc.ca/the_indian_act/ (дата обращения: 10.09.2023).
27. Australian Law as Applied to Aborigines // Recognition of Aboriginal Customary Laws (ALRC Report 31), Australian Law Reform Commission, Australian Government. 18.08.2010. URL: <https://www.alrc.gov.au/publication/recognition-of-aboriginal-customary-laws-alrc-report-31/4-aboriginal-customary-laws-and-anglo-australian-law-after-1788/australian-law-as-applied-to-aborigines/> (дата обращения: 10.09.2023).
28. Protest and Reform in the 1920s and 1930s // Recognition of Aboriginal Customary Laws (ALRC Report 31), Australian Law Reform Commission, Australian Government, 18.08.2010. URL: <https://www.alrc.gov.au/publication/recognition-of-aboriginal-customary-laws-alrc-report-31/4-aboriginal-customary-laws-and-anglo-australian-law-after-1788/protest-and-reform-in-the-1920s-and-1930s/> (дата обращения: 10.09.2023).
29. Campaigning for land rights, 1963–68 // Collaborating for Indigenous Rights, the National Museum of Australia. URL: https://indigenousrights.net.au/land_rights/campaigning_for_land_rights,_1963-68 (дата обращения: 10.09.2023).
30. Taylor R. Indigenous constitutional recognition: The 1967 referendum and today // Papers on parliament. Paper № 68. Canberra : Parliament of Australia, 2017. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Senate/Powers_practice_n_procedures/pops/Papers_on_Parliament_68/Indigenous_Constitutional_Recognition_The_1967_Referendum_and_Today (дата обращения: 01.08.2023).
31. The Maori Renaissance // Maori and the State: Crown-Māori Relations in New Zealand/Aotearoa, 1950–2000. New Zealand Electronic Text Collection, Victoria University of Wellington Library. URL: <https://nzetc.victoria.ac.nz/tm/scholarly/tei-HilMaor-t1-body-d7-d1.html> (дата обращения: 10.09.2023).
32. Canadian Policies Affecting Indigenous Peoples. URL: <https://caid.ca/policies.html> (дата обращения: 10.09.2023).
33. Treaty of Waitangi Amendment Act 1985 (1985 No. 148) // New Zealand Acts as Enacted. URL: http://www.nzlii.org/nz/legis/hist_act/towaa19851985n148306/ (дата обращения: 10.09.2023).
34. The Sorry Books // Australian Institute of Aboriginal and Torres Strait Islander Studies, Australian Government. URL: <https://aiatsis.gov.au/explore/sorry-books> (дата обращения: 10.09.2023).
35. National Indigenous Australians Agency. URL: <https://www.niaa.gov.au> (дата обращения: 10.09.2023).
36. Linking Indigenous Communities with Regional Development in Canada // OECD Rural policy review. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/b4446f31-en/index.html?itemId=/content/component/b4446f31-en> (дата обращения: 10.09.2023).
37. Gathering Strength: Canada's Aboriginal Action Plan. URL: <https://caid.ca/GatStrCanAboActPla1997.pdf> (дата обращения: 10.09.2023).
38. Minister of Indigenous and Northern Affairs Canada Mandate Letter. URL: <https://caid.ca/PMOINACMinMa2015.pdf> (дата обращения: 10.09.2023).
39. Timeline of discussions on UNESCO Policy on engaging with indigenous peoples // UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/en/indigenous-peoples/policy> (дата обращения: 10.09.2023).
40. Аналитический доклад о выполнении программы (АДВП) за 2022 г. (охватывает период с 1 января 2018 г. по 31 декабря 2021 г.). Исполнительный совет, 214 сессия, Париж, 4 марта 2022 г. // UNESDOC, цифровая библиотека. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380770_rus (дата обращения: 10.09.2023).
41. Глобальный план действий международное десятилетие языков коренных народов (2022–2032 гг.) // UNESDOC, цифровая библиотека. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379851_rus (дата обращения: 10.09.2023).
42. Australia and Aotearoa-New Zealand Indigenous Collaboration Arrangement, Sydney, February 2020 // Ministry of Maori Development, Aotearoa-New Zealand. URL: <https://www.tpk.govt.nz/en/o-matou-mohiotanga/culture/indigenous-collaboration-arrangement> (дата обращения: 10.09.2023).
43. Indigenous Collaboration Arrangement between the Government of Aotearoa-New Zealand and the Government of Canada, Wellington, August 2022 // Ministry of Maori Development, Aotearoa-New Zealand. URL: <https://www.tpk.govt.nz/en/o-matou-mohiotanga/culture/indigenous-collaboration-arrangement-nzcan> (дата обращения: 10.09.2023).
44. The Rights of Indigenous Women and Girls – Perspectives from Australia, Canada and New Zealand, online event // Australian Human Rights Commission. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tQWYu3uqA6Y> (дата обращения: 10.09.2023).

Поступила в редакцию 18.10.2023; одобрена после рецензирования 24.10.2023; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 18.10.2023; approved after reviewing 24.10.2023; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 220–226
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 220–226
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-220-226>, EDN: EYPQAK

Научная статья
УДК 327(73:98)|20|+929Трамп



Концептуальные основы арктической стратегии администрации Д. Трампа

В. Г. Цыплин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Цыплин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, v.tsyplin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1216-7900>, AuthorID: 788271

Аннотация. Придерживаясь проблемно-тематического метода изложения материала при исследовании внутрисистемных изменений, происходящих в арктической подсистеме международных отношений в настоящее время, автор остановился на конкретных аспектах: военная стратегия Вашингтона, природа и природные ресурсы, экологические, социально-экономические проблемы, разработка месторождений полезных ископаемых в сложных природных условиях, проблемы сельского хозяйства, медико-биологические и санитарно-гигиенические направления.

Ключевые слова: Арктика, администрация Д. Трампа, стратегия, безопасность, внешняя политика

Для цитирования: Цыплин В. Г. Концептуальные основы арктической стратегии администрации Д. Трампа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 220–226. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-220-226>, EDN: EYPQAK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Conceptual basis of the Arctic strategy of the Trump administration

V. G. Tsyplin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vitaly G. Tsyplin, v.tsyplin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1216-7900>, AuthorID: 788271

Abstract. Adhering to the problem-thematic method of presenting the material when studying intra-system changes occurring in the Arctic subsystem of international relations at the present time, the author focused on specific aspects: Washington's military strategy, nature and natural resources, environmental, socio-economic problems, development of mineral deposits in complex natural conditions, agricultural problems, medical-biological and sanitary-hygienic areas.

Keywords: Arctic, D. Trump administration, strategy, security, foreign policy

For citation: Tsyplin V. G. Conceptual basis of the Arctic strategy of the Trump administration. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 220–226 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-220-226>, EDN: EYPQAK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Основные группы исследователей Арктики при анализе политики США в регионе в основном солидарны между собой. Они выделяют из арктических мегатрендов множественные попытки нового передела. Политика США в регионе четко вписывается в конкретный этап геополитического процесса. Исследование обозначенной проблематики проводилось с помощью многоуровневого анализа международной политики, который предполагал рассмотрение арктических стратегий Вашингтона периода администрации Д. Трампа, детальный разбор возникающих проблем в ходе реализации арктической политики

Белого дома, оценку действий конкретных политических лидеров и американской элиты в регионе в целом, обзор вновь принятых нормативно-правовых документов, определивших курс США в Арктике.

На первый взгляд, администрация Д. Трампа кардинальным образом пересмотрела свое отношение к Арктике. Трамп всегда скептически относился к климатическим программам, в связи с чем от него не ожидали продолжения линии Б. Обамы, например в экологическом секторе. В то же время о преемственности американской арктической политики свидетельствует отсут-



ствии серьезных кадровых изменений в Госдепе США, где практически все ключевые сотрудники, относящиеся к арктическому направлению, при новом президенте сохранили свои должности. В связи с этим ряд аналитиков полагали, что общий стратегический курс США в Арктике в начале XXI в. будет продолжен. Появились новые проекты, которые обязательно затрагивали следующие вопросы: контроль за регулированием вылова в центральной части Северного Ледовитого океана, например, 27 августа 2019 г. США ратифицировали Соглашение о рыболовстве в открытом море в этом районе; регламентирование судоходства в Беринговом проливе, например, в мае 2018 г. Комитет по безопасности на море (MSC) Международной морской организации (ИМО) на своем заседании согласовал российско-американское решение относительно маршрутов передвижения судов в Беринговом проливе [1].

Однопартийцы Д. Трампа не всегда соглашались с его арктическими новеллами. Так, в декабре 2018 г. сенатор от штата Аляска Л. Мурковски внесла в Конгресс США проект закона о восстановлении деятельности Арктического исполнительного руководящего комитета, который был учрежден Б. Обамой, а позднее упразднен Д. Трампом [2]. Во вновь созданном органе стал председательствовать министр внутренней безопасности, в связи с чем комитет перестал зависеть в своей работе от избранной администрации [3]. Другая законодательная инициатива от сенатора «Об организации судоходства и охране окружающей среды в Арктике» расширяла возможности США по регулированию морского трафика в Арктике, создала корпорацию, которая стала ведать развитием инфраструктуры американского арктического морского маршрута и отвечать за предоставление разного рода платных услуг, обеспечивающих безопасное передвижение всех типов судов в Арктике [4].

Администрация имела в регионе и военно-стратегические цели. На Пентагон был возложен ряд конкретных задач: детальное изучение арктического пространства и его климатических особенностей, проведение комплекса мероприятий по защите северной границы и морских акваторий, подготовка подразделений США к действиям в суровых климатических условиях. В 2017 г. в администрации Белого дома стали говорить о необходимости принятия новой арктической программы, контуры которой были обозначены конгрессменами в феврале 2018 г. В проекте отдельно говорилось о строительстве к 2029 г. 6 новых ледоколов, первый запланировали выпустить со стапелей в 2024 г. [5]. На его строительство предполагалось выделить \$750 млн. Однако решение Д. Трампа относительно расходования бюджетных средств было изменено, пункт о поддержке присутствия США в арктическом регионе исключили из законопроекта о финансировании внутренней безопасности. Президент поддержал

новую версию законопроекта, предусматривающего перераспределение финансовых средств. В итоге деньги, предназначенные для ледокольного флота, были потрачены на возведение стены на границе США с Мексикой. В СМИ стала появляться информация, что программа продления службы ледокольного флота была признана неликвидной. Сотрудники береговой охраны, стараясь хоть как-то поддержать старый флот, стали искать старые запчасти на торговой интернет-площадке Ebay. Такой факт вызвал бурю возмущений у оппонентов Д. Трампа. В Палате представителей Конгресса демократы оценили президентское решение как позорное и ущербное для американского руководства, наносящее серьезный урон национальной безопасности США. На мнения политиков и военных, высказавших свое недовольство относительно переноса сроков строительства ледоколов, особого внимания не обратили [6]. В конце 2018 г. было неясно, будет ли министерство внутренней безопасности США (DHS) финансировать старые ледоколы или вернется к финансированию строительства новых. В тот момент не мог прояснить ситуацию и адмирал К. Л. Шульц, возглавивший Береговую охрану США осенью 2018 г. О принятом решении можно судить из законопроекта о расходах на январь 2019 г., где были предусмотрены расходы в размере \$655 млн для первого ледокола и \$20 млн для начала строительства второго [7].

В июле 2019 г. заместитель главы Береговой охраны США вице-адмирал Д. Абель вновь высказал мысль, что Вашингтону для успешного соперничества с Россией в Арктике нужно срочно начинать строительство ледокольного флота, который будет иметь на борту зенитное и ракетное вооружение. Береговая охрана США заключила контракт на сумму \$746 млн с компанией VT Halter Marine на поставку первого патрульного ледокола. Условия соглашения подразумевали увеличение суммы сделки до \$2 млрд и заказ на строительство еще двух судов. Этот факт подтверждал информацию исследовательской службы Конгресса США о старте программы поставки кораблей ледового класса Береговой охране США (The Coast Guard Polar Security Cutter) [8], что, по мнению К. Л. Шульца, является важным шагом на пути к созданию полноценной американской полярной флотилии.

В начале президентства Д. Трампа военное руководство не претерпело особых изменений. Действиями в Арктике ведало Северное командование США, ему подчинялись подразделения на Аляске, которые выполняли задачи только в этом регионе. Взаимодействие в Арктике осуществлялось с НАТО и с ближайшими партнерами этой организации [9]. В 2019 г. в рамках программ НАТО для обеспечения приема американских субмарин проводилась модернизация портового терминала Гротсунд, а также оборудование отдельного порта для технического



обслуживания атомных подводных лодок в северной Атлантике в районе норвежского Тромсё. Параллельно усиливалось военное присутствие подразделений стран НАТО в Арктике: пролонгировались сроки соглашений о базировании в Норвегии структур американской морской пехоты с двукратным увеличением их численности, расположение на авиационной базе Анней патрульных самолетов ВМС США, модернизация пяти аэродромов, в разведывательных целях в Баренцевом море использовались американские беспилотные летательные аппараты и стратегическая разведывательная авиация Великобритании, строительство в 25 км от российской границы РЛС ПРО «Глобус-3» на острове Вардё, из-за чего островитяне были вынуждены прекратить рыболовство. Подобные схемы изложены в докладе Министерства обороны США, представленном в виде стратегического документа по Арктике Конгрессу США в июне 2019 г. [10]. Таким образом, США запланировали размещение на норвежской территории значительного военно-стратегического потенциала [11], что, по мнению представителя России в Арктическом совете Н. Корчунова, трансформировало регион в театр военных действий. А в Белом доме традиционно продолжали обвинять Москву в инициировании милитаризации и в увеличении напряженности в арктической зоне. Западные СМИ регулярно сообщали, что арктические страны ощущают активизацию российских вооруженных сил, особенно это заметно в акватории СМП, а стремления Вашингтона преподносятся как ответная мера на действия России. Ранее с подобных позиций трактовалось обращение Д. Трампа к Конгрессу США, датированное 7 ноября 2017 г., когда президент поднял вопрос о необходимости направления Пентагону денежных сумм для оснащения военных объектов на Аляске: \$5,9 млрд для модернизации систем ПРО, \$200 млн на создание нового наземного пункта перехвата ракет в Форт-Грилли, \$839 млн на программы обнаружения ракет и их уничтожение [12]. Глава ВМС США Ричард Спенсер инициировал увеличение численности американского флота и количество военных объектов в канадской арктической зоне. В марте 2018 г. в ходе слушаний в Конгрессе США, на которых анализировались военные возможности Москвы в Арктике, глава Тихоокеанского командования США адмирал Г. Хэррис заявил о большом количестве российских арктических баз с военной направленностью за полярным кругом, численность которых превышает общее количество у всех остальных стран. Он особо отметил, что Россия продолжает строительство и модернизацию военных объектов [13].

Швейцарская *Neue Zürcher Zeitung* на своих полосах сообщала, что западные агрессивные действия Москвы, возросшая активность

российского подводного флота в районе фареро-исландского рубежа вынудили Вашингтон вспомнить про арктическую военную авиабазу «Кеблавик» в Исландии. В 2017 г. остро встал вопрос о ее расконсервации и модернизации, что позволит американским военным отслеживать перемещения российских подводных лодок под арктическими льдами [14]. 24 августа 2018 г. на военно-морской базе Норфолк прошла церемония воссоздания 2-го флота ВМС США, который был расформирован в сентябре 2011 г. Одной из главных задач вновь созданного флота был контроль возросшей активности России на севере Атлантического океана.

В начале 2018 г. глава Северного командования США и по совместительству глава командования воздушно-космической обороны Северной Америки (НОРАД) генерал Лори Дж. Робинсон на слушаниях в Конгрессе докладывала о регулярно проводимых учениях и мероприятиях стратегического планирования в Арктике [15]. Она анонсировала октябрьские 2018 г. арктические учения Trident Juncture в Норвегии, которые должны были стать самыми масштабными после окончания «холодной войны». В конце года в отчетах об учениях, проведенных в европейском Приполярье, фигурировали итоговые цифры: участвовали около 50 тыс. военнослужащих из 31 страны мира; было задействовано 250 летательных аппаратов, 65 кораблей и 10 тыс. единиц бронетехники. В ходе учений американский атомный авианосец «Гарри Трумэн» впервые за 27 лет пересек Северный полярный круг [16]. В качестве арктического противника фигурировала Россия, а защищать надо было Прибалтику. Учения превратились в настоящее посмешище, так как в ходе их проведения произошли серьезные происшествия: крупное ДТП с участием военных автомобилей, две аварии на канадских фрегатах, американские десантные корабли попали в шторм, норвежский фрегат *Helge Ingstad* столкнулся с танкером и едва не затонул, экипажу потребовалась эвакуация. Жители Норвегии подали почти 450 жалоб на «неподобающее» поведение солдат и офицеров, для американских солдат учения начались с массового разгула в Исландии, что стало достоянием СМИ.

Администрация Д. Трампа рассматривала Аляску как оптимальный полигон для проведения учений арктических сил национальной обороны, имеющий инфраструктуру ПВО, истребительную авиацию. Об этом в августе 2018 г. заявил глава Северного командования США генерал Т. О'Шонесси [17]. Крупномасштабные совместные учения США «Arctic Edge» с участием подразделений ВВС, Сухопутных войск, Береговой охраны, Корпуса морской пехоты, ВМС, приданных структур и партнеров по НАТО проводятся 2 раза в год. Учения позволяли на стратегическом уровне осуществлять планирование, разрабатывать тактику, методы и спосо-



бы действий в условиях экстремального холода, определять возможности сил и средств [18].

В то же время налицо пренебрежительное отношение Д. Трампа к государственному финансированию штата Аляска. Бюджет штата на 2020 г. урезан почти на \$410 млн [19]. Возможно, планировались при этом и другие траты. Понимая, что США в Арктике принадлежит лишь небольшая территория на Аляске, а через Гренландию лежит кратчайший путь из Европы в Северную Америку, Д. Трамп стал готовиться к «крупной сделке с недвижимостью». Его настрой на покупку у Дании Гренландии, имеющей статус автономии, эксперты связывали с желанием получить стратегический плацдарм, одной размещенной на острове американской военной базы в Туле ему мало; колоссальные залежи золота, платины, урана, редкоземельных металлов и нефти, которые до настоящего времени еще не все открыты. Благодаря приобретению крупнейшего острова мира Д. Трамп вписал бы свое имя в мировую историю наряду с Э. Джонсоном и Т. Джефферсоном, которые купили для США Аляску и Луизиану. Евросоюз не поддерживал идею о передаче Гренландии в бессрочную аренду США, на что Д. Трамп обиделся и отменил визит в Данию, намеченный на начало сентября. Ему оставалось только поддерживать местных сепаратистов, которые могли к 300-летию колонизации в 2021 г. поднять вопрос о независимости и продаже своей родины американцам.

Администрация Д. Трампа осталась на позициях своих предшественников в отношении правового статуса северного морского пути (СМП) и северо-западного пути (СЗП), заявлявших о нарушении норм и положений современного международного морского права и пытавшихся присвоить им статус международных проливов с правом транзитного прохода. Это видно из заявления командующего Береговой охраной США адмирала П. Цукунфта, выступавшего за скорейшее подписание американцами Конвенции по морскому праву [20] и высказавшего свою обеспокоенность позицией российской стороны относительно введения уведомительного порядка прохода по СМП для иностранных военных кораблей и судов, относящихся к государственной некоммерческой службе [21]. В то время Москва и Оттава продолжали рассматривать эти акватории только как внутренние исторические воды, на которые распространяется полный государственный суверенитет. По мнению Вашингтона, Россия и Канада должны были вести конструктивно-миролюбивую риторику, начинать с гуманитарных и экологических вопросов. США были не готовы смириться с введением уведомительно-разрешительной системы, включающей в себя подачу заявки по определенной форме, согласование маршрута, присутствие на каждом корабле

российского лоцмана, отказ в проходе по сообщениям безопасности, сопровождение в случае необходимости российскими ледоколами. Аналогичные требования выдвигала и канадская сторона, но в 2019 г. американская сторона неоднократно настоятельно советовала Канаде забыть об исключительном праве на арктический коридор. В подобном ключе госсекретарь США М. Помпео в мае 2019 г. сформулировал перед госслужащими-членами Арктического совета свои демократические идеи, в которых Арктика была отнесена к зоне интересов национальной безопасности США. Другие страны были названы хищниками, от которых надо защищать «свободные» судоходные пути. В результате трудно предсказуемые высказывания Трампа, личное мнение госсекретаря, милитаристы, следующие буквам закона «Об оборонных расходах на 2019 финансовый год» [22] и раздувающие бюджет, формулировали положения единой стратегии. Их хорошо заметно в новой арктической концепции Пентагона: Канада должна забыть о СЗП; Китай обязан ликвидировать станции в Исландии и Норвегии, перестать финансировать инфраструктуру СМП; Россия не имеет права на милитаризацию Арктики и не должна заниматься обустройством своих северных рубежей [23]. В Вашингтоне хорошо понимали, что СМП проходит по территории, которая чаще бывает безо льда, так как его затрагивает Гольфстрим, тогда как СЗП находится в суровом климате. США попытаются забрать себе СЗП, а СМП, который будет подготовлен российской стороной, по их мнению, должен быть доступен всем.

Понимая невозможность прямого противостояния с Москвой в Арктике, Вашингтон использовал любую возможность для экономического, дипломатического, военного и информационного отстаивания интересов Запада. США реализуют стратегию, направленную на увеличение всех имеющихся секторов противостояния, используют гибридные вызовы и угрозы, усиливают антироссийские коалиции с привлечением для этого максимального количества стран, занимаются их консолидацией. Кроме военной деятельности в Заполярье, администрация Д. Трампа активизировала информационную среду, применяла средства традиционной и публичной дипломатии, привлекала НПО, что свидетельствует об определенных параметрах гибридной войны. Д. Трамп вел ее с учетом всех спектров проблем: чрезвычайно сложные природно-климатические условия, растянутость побережья и очаговый принцип действий пограничной охраны, малая плотность населения, удаленность от промышленных центров, локальное расположение хозяйственного комплекса на территории, высокие затраты на жизнеобеспечение населения, серьезные экологические трудности.



Политику США в области добычи углеводородов экономисты, эксперты и аналитики связывали с непредсказуемым президентством Д. Трампа. Отмечалось, что республиканцы практически не разделяли ценности демократов и довольно легко были готовы проститься с наследием Б. Обамы, связанным с защитой окружающей среды и сохранением экологического равновесия. Так, 24 апреля 2017 г. Д. Трамп подписал указ, который был направлен на развитие американской энергетической промышленности и снятия ограничения на бурение нефтяных скважин. Тем самым был запущен механизм пересмотра запретов на разведку и добычу углеводородов в Арктическом национальном заповеднике дикой природы и Национальном энергетическом резерве, относящихся к заповедным районам Аляски.

Новый документ давал разрешение на проведение геологических изысканий и разведочное бурение на территории в 7 млн км², что в перспективе позволит США добыть 9 трл м³ газа, 90 млрд баррелей нефти и получить баснословные прибыли [24]. Исходя из таких перспектив, для нефтегазовых корпораций стали искать облегченные варианты получения лицензий на проведение поисково-разведочных работ. Сенат США по бюджету в октябре 2017 г. принял резолюцию о «Лицензировании на заповедных и резервных территориях», что позволило увеличить финансовые поступления в федеральный бюджет и внести целый ряд изменений в налоговое законодательство. СМИ массово тиражировали заявления Д. Трампа о потере тысяч рабочих мест в результате введенных ограничений и консервации нефтегазовых запасов Аляски.

Нефтегазовый сектор приветствовал разрешительные инициативы Д. Трампа. Особо радовались отмене запрета на подводное разведывательное бурение на океаническом шельфе. В то же время политическая оппозиция, природоохранные организации и сторонники устойчивого развития в Арктике попытались заблокировать этот процесс. При голосовании в Сенате разделялись даже голоса республиканцев [25]. Значительную помощь администрации Д. Трампа оказали лоббистские действия нефтегазовых ТНК, высоко оценивших его доктрину энергетического доминирования. Они ведут свою деятельность на Аляске, стали при этом монополистами, не допускающими к арктической нефтедобыче конкурентов [26]. Эти ТНК контролируют на Аляске весь спектр операций и инвестиций нефтегазового сектора: изыскания, бурение, разработку и эксплуатацию нефтяных и газовых месторождений, транспортировку углеводородов по магистральным газопроводам и нефтепроводам и с морских терминалов, переработку углеводородов и реализацию нефтепродуктов. С годами они создали серьезные механизмы влияния как на нефтегазовые ресурсы

штата Аляска, так и на федеральную энергетическую политику в регионе.

Примечательно, что сенатор Л. Мурковски в вопросах лицензирования заповедных арктических участков поддержала инициативу президента, приведя ряд положительных факторов: дополнительные поступления в федеральный бюджет, создание рабочих мест, рост экономики и финансирования Аляски, возросшая возможность энергообеспечения населенных пунктов, укрепление национальной безопасности [27].

В ноябре 2017 г. между США и Китаем было подписано Соглашение о развитии совместного производства сжиженного природного газа (СПГ). В проекте Alaska LNG планировалось проложить газопровод протяженностью 800 миль от северных месторождений на Аляске до завода по производству СПГ, расположенного на юге штата. Далее сжиженный газ будет грузиться на танкеры и отправляться в Китай и на мировые рынки [28]. Проект должен был стать альтернативным вариантом газопроводу «Сила Сибири». Реализация проекта остановилась на фоне торговой войны между США и Китаем, а после истечения двухгодичного срока его действия последовала потеря китайских спонсоров.

Ситуацию переломила федеральный судья на Аляске Ш. Глисон, которая в своем постановлении от 29 марта 2019 г. объявила отмену запрета Б. Обамы незаконной. По ее мнению, произошло нарушение закона «О землях внешнего континентального шельфа», в котором прописано, что президент может исключать территории из американских программ лицензирования деятельности нефтегазового комплекса, а вносить может только Конгресс. В итоге судья вернула юридическую силу законодательным инициативам Б. Обамы, закрыв все возможности для выдачи лицензий нефтегазовым ТНК [29].

Участие США в работе Арктического совета в период работы администрации Д. Трампа совпало по срокам с периодом окончания американского председательства. Деятельность США в рамках этой организации, содержание декларации, принятой на министерской встрече в Фэрбэнксе 9 мая 2017 г., во многом противоречили громким заявлениям Д. Трампа по вопросам изменения климата. Предварительный вариант Фэрбэнкской декларации содержал существенные поправки в отношении угроз климатических изменений в регионе, исключение прямых обязательств по реализации Парижского соглашения [30]. Итоговый документ, принятый по итогам министерской встречи при участии госсекретаря США Р. Тиллерсона, основывался на достижениях предыдущей, демократической администрации. Высказывания президента о выходе США из Парижского соглашения, сделанные 1 июня 2017 г., носили декларативный характер.

Прекращение участия подписавшей и ратифицировавшей его стороны возможно лишь



спустя четыре года после вступления в силу, а тогда уже будут известны предварительные итоги следующих президентских выборов в стране. Результаты председательства США в Арктическом совете, отраженные в итоговой декларации, полностью противоречат климатической политике президентской администрации. В соглашении «Об укреплении международного научного сотрудничества в Арктике», которое содержит обязательные к выполнению разделы, просматриваются решения, принятые в 2014–2016 гг. [31]. Анализируя итоговые документы, разработанные на завершающем этапе председательства США в Арктическом совете, можно сделать вывод, согласно которому позиции Д. Трампа по изменению климата в них отражения не нашли.

Деятельность США в Арктическом совете под председательством Финляндии стала проходить по другим лекалам. Так, 26 октября 2017 г. на первой встрече Комитета старших должностных лиц с участием американской делегации обсуждались вопросы сокращения выбросов загрязнителей. Представители США молчали, оговорок не высказали [32]. Возможно, так было решено в ходе встречи между Д. Трампом и президентом Финляндии С. Ниинистё, состоявшейся 28 августа 2017 г., когда согласовывались вопросы взаимодействия в Арктическом совете. В материалах итоговой пресс-конференции присутствовала информация по имеющимся проблемам глобального потепления и изменения климата. Президент США заявил, что все вопросы по Арктике должны решаться только странами из этого региона. Он должен быть свободен от внешних факторов воздействия, вмешательства и давления. Прослеживалась согласованность позиций президентов по этому вопросу. Вероятно, что в дальнейшем точки соприкосновения по арктическим вопросам, имеющим идеологическую подоплеку, администрация Д. Трампа будет искать в ходе двухсторонних переговоров. Это позволит обойти острые углы, а желаемые сотрудничать с США найдутся или кого-то заставят.

В арктической политике США проблематично достичь баланса между военной стратегией, активной хозяйственной деятельностью и охраной окружающей среды. Особые сложности возникают в границах Аляски, так как хозяйство штата находится в сильной зависимости от добычи полезных ископаемых. Если в конце XX в. Арктика рассматривалась администрацией Белого дома как периферийный регион военной деятельности, не являющийся приоритетом внешней политики США, то в настоящее время просматривается усиление американского военного присутствия в регионе, а также возможное создание Вашингтоном коалиции стран с целью интернационализации Арктики и российского СМП. Можно сказать, что национальная безопасность и нейтрализация угроз, создаваемых

потенциальными недругами Китаем и Россией, является главным приоритетом арктической политики США.

Список литературы

1. IMO Approves New Shipping Corridors in Bering Sea to Improve Safety. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/imo-approves-new-shipping-corridors-bering-sea-improve-safety> (дата обращения: 21.11.2023).
2. Arctic Policy Act of 2018. № S.3739. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3739/text> (дата обращения: 21.11.2023).
3. Two U. S. bills could advance American presence in the Arctic. URL: <https://www.arctictoday.com/two-u-s-bills-could-advance-american-presence-in-the-arctic> (дата обращения: 21.11.2023).
4. Shipping and Environmental Arctic Leadership Act. № S. 3740. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3740/text> (дата обращения: 21.11.2023).
5. *Martinson E.* Defense Bill Passes US Senate with Provisions for Icebreakers, Alaska Missile Defense. URL: <https://www.arctictoday.com/defense-bill-passes-us-senate-with-provisions-for-icebreakers-alaska-missiledefense/> (дата обращения: 21.11.2023).
6. Floor speech: Unveiling Arctic Legislation to Reinvigorate America's Arctic Role. URL: <https://www.murkowski.senate.gov/press/speech/floor-speech-unveiling-arctic-legislation-to-reinvigorate-americas-arctic-role> (дата обращения: 21.11.2023).
7. Arctic Strategic Outlook 2019. URL: <https://www.documentcloud.org/documents/5973939-Arctic-Strategic-Outlook-APR-2019.html> (дата обращения: 21.11.2023).
8. *Калинкина К.* Зона интересов: в США обвинили Россию в «агрессивных действиях» в Арктике. URL: <https://russian.rt.com/world/article/718235-arktika-ssha-rossiya-obvineniy> (дата обращения: 21.11.2023).
9. Report to Congress on Strategy to Protect United States National Security Interests in the Arctic Region. Department of Defense. December 2016. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2016-Arctic-Strategy-UNCLAS-cleared-for-release.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).
10. Report to Congress. Department of Defense Arctic Strategy. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-Arctic-Strategy.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).
11. International Security Advisory Board: Report on Arctic Policy. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/262585.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).
12. Trump requests \$200M for new missile interceptor field in Alaska. URL: <http://www.ktuu.com/content/news/Trump-requests-200M-for-new-missile-interceptor-field-in-Alaska-455948093.html> (дата обращения: 21.11.2023).
13. Statement of Admiral Harry B. Harris, Commander, U. S. Pacific Command before the Senate Armed Services Committee on U.S. Pacific Command Posture. 15.03.2018. URL: <https://www.armed-services.senate>



- gov/imo/media/doc/Harris_03-15-18.pdf (дата обращения: 21.11.2023).
14. SSHA raskonserviruet aviabazu "Keblavik" v Islandii. URL: <https://vostokmedia.com/news/politics/11-12-2017/ssha-raskonserviruyut-aviabazu-keblavik-v-islandii> (дата обращения: 21.11.2023).
 15. Statement of General Lori J. Robinson, USAF, Commander, U. S. Northern Command and North American Aerospace Defense Command before the Senate Armed Services Committee. 15.02.2018. URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Robinson_02-15-18.pdf (дата обращения: 21.11.2023).
 16. U. S. Showcases Arctic Naval Operations. IHS Jane's Defence Weekly. 23.10.2018. URL: <https://www.navy-to-release-arctic-strategy-this-summer-will-include-blue-water-arctic-operations>. (дата обращения: 21.11.2023).
 17. NORAD Commander Calls for Reinvigorated' Effort to Ensure Military Readiness in the Arctic. KTUU. 16.08.2018. URL: <https://www.ktuu.com/content/news/NORAD-commander-calls-for-reinvigorated-effort-to-ensure-military-readiness-in-the-Arctic491051691.html> (дата обращения: 21.11.2023).
 18. Soldiers, Sailors, Airmen, Marines and Coasties, too Test Arctic War-fighting Skills in Alaska Exercise. Defense News. 16.03.2018. URL: <https://www.defensenews.com/news/your-army/2018/03/16/soldiers-sailors-airmen-marines-and-coasties-too-test-arctic-warfighting-skills-in-alaska-exercise/> (дата обращения: 21.11.2023).
 19. Dunleavy vetoes \$409 million in general funds, cuts university by \$130 million. URL: http://www.newsminer.com/news/alaska_news/dunleavy-vetoes-million-in-general-funds-cuts-university-by-million/article_f3706a58-99d6-11e9-b799-fbe7e6d26~fee.html (дата обращения: 21.11.2023).
 20. Zukunft: U. S. Presence in Arctic Won't Stop Chinese, Russian Encroachment Without Law of the Sea Ratification. USNI News. 01.08.2017. URL: <https://news.usni.org/2017/08/01/zukunft-warns-u-s-presence-in-arctic-not-enough-to-stop-chinese-russian-encroachment-without-law-of-the-sea-ratification> (дата обращения: 21.11.2023).
 21. Center for Strategic and International Studies "The Arctic of the Future: Strategic Pursuit or Great Power Miscalculation?". URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/event/180509_Arctic_Future_Keynote_Address.pdf?Ql_c9wTP8uM1eATuTGaYbIwE7JthG9VS (дата обращения: 21.11.2023).
 22. Congress Calls for a New U. S. Arctic Defense Strategy // Arctic Today. 09.08.2018. URL: <https://www.arctictoday.com/congress-calls-new-us-arctic-defense-strategy/> (дата обращения: 21.11.2023).
 23. Francis D. The Arctic Is American. URL: <https://www.the-american-interest.com/2019/09/19/the-arctic-is-american/> (дата обращения: 21.11.2023).
 24. Глава Минприроды РФ после указа Трампа предсказал конец сланцевой эры. URL: <http://rusnext.ru/news/1493730499> (дата обращения: 21.11.2023).
 25. Rosen Y. The US Senate just passed a budget resolution that brings oil drilling in Alaska's Arctic refuge a little closer to reality // Arctic Now. 20 October, 2017. URL: <https://www.arctictoday.com/the-us-senate-just-passed-a-budget-resolution-that-brings-oil-drilling-in-alaskas-arctic-refuge-a-little-closer-to-reality/> (дата обращения: 21.11.2023).
 26. Cole D. Alaska's Big Three oil companies prefer limited competition // Alaska Dispatch News. 27 September, 2016. URL: <https://www.adn.com/voices/article/big-three-oil-companies-have-own-view-competition> (дата обращения: 21.11.2023).
 27. US Senate passes measure to open Arctic refuge to drilling as part of tax overhaul // Arctic Now. 2 December, 2017. URL: <https://www.arctictoday.com/us-senate-passes-measure-to-open-arctic-refuge-to-drilling-as-part-of-tax-overhaul/> (дата обращения: 21.11.2023).
 28. Joint Development Agreement for Alaska LNG. URL: <https://s3.amazonaws.com/arc-wordpress-client-uploads/adn/wp-content/uploads/2017/11/22061553/01.SignedJDA-SOA-AGDC-Sinopec-CIC-BOC.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).
 29. U. S. Judge scraps Trump order opening Arctic, Atlantic Areas to oil leasing // Reuters. 30 March, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-oil-trump-leases/u-s-judge-scraps-trump-order-opening-arctic-atlantic-areas-to-oil-leasing-iduskcn1rb0fr> (дата обращения: 21.11.2023).
 30. Leaked Draft Shows How U. S. Weakened Climate Change Wording in the Arctic Declaration // Inside Climate News. URL: <https://insideclimatenews.org/news/18052017/arctic-council-climate-change-rex-tillerson-donald-trump> (дата обращения: 21.11.2023).
 31. Why the Arctic should – and probably will – stay on Trump's foreign policy agenda // Arctic News. URL: <https://www.arcticnow.com/voices/opinion/2017/05/10/why-the-arctic-should-and-probably-will-stay-on-trumps-foreign-policy-agenda/> (дата обращения: 21.11.2023).
 32. Arctic Council meets in Finland, addresses pollution prevention and education // Arctic Council. URL: <https://www.arctic-council.org/index.php/en/our-work/8-news-and-events/475-sao-oulu-2017-02> (дата обращения: 21.11.2023).

Поступила в редакцию 11.12.2023; одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 11.12.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 227–233
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 227–233
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-227-233>, EDN: AIADLJ

Научная статья
УДК [329:324](73)|2024|:327



Американский политический класс и международная повестка: общее и особенное в контексте выборов 2024 года

Ю. Г. Голуб, С. Ю. Шенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Голуб Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России, goloub@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9819-7494>, AuthorID: 299696

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>, AuthorID: 71950

Аннотация. Статья посвящена изучению взглядов политиков Демократической и Республиканской партий в США на главные проблемы американской внешней политики. Основной акцент делается на сравнительном анализе таких проблем, как современное состояние и будущее глобализации, торгово-промышленная политика США, пределы использования военной силы, стратегия «разворота в Азию», отношение к союзникам, изменение климата. Формулируется вывод о том, что, хотя на данном этапе американская внешняя политика остается двухпартийной, тем не менее в результате выборов 2024 г. это равновесие, скорее всего, может быть нарушено.

Ключевые слова: США, выборы 2024 г., Демократическая партия, Республиканская партия, внешняя политика, двухпартийность

Для цитирования: Голуб Ю. Г., Шенин С. Ю. Американский политический класс и международная повестка: общее и особенное в контексте выборов 2024 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 227–233. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-227-233>, EDN: AIADLJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The American political class and the international agenda: Common and special in the context of the 2024 elections

Yu. G. Golub, S. Y. Shenin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yurii G. Golub, goloub@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9819-7494>, AuthorID: 299696

Sergei Y. Shenin, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>, AuthorID: 71950

Abstract. The article is devoted to the study of the views of politicians within the Democratic and Republican parties in the United States on the basic problems of American foreign policy. The main focus is on a comparative analysis of such problems as the current state and future of the globalization, US trade and industrial policy, boundaries of using the military force, strategy of “pivot to Asia”, relations with allies, climate change. It is concluded that although American foreign policy remains bipartisan at this stage, nevertheless, as a result of the 2024 elections, this balance may be disrupted.

Keywords: USA, 2024 elections, Democratic Party, Republican Party, foreign policy, bipartisanship

For citation: Golub Yu. G., Shenin S. Y. The American political class and the international agenda: Common and special in the context of the 2024 elections. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 227–233 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-227-233>, EDN: AIADLJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Избирательная кампания 2024 г. в Соединенных Штатах проходит в беспрецедентно напряженной обстановке. Это вызвано жесткими противоречиями между Демократической и Республиканской партиями, которые, в свою очередь, являются во многом следствием глубокого раскола американского общества. Его причина-

ми в значительной степени стали внутренние проблемы (инфляция, растущая безработица, миграция и т. д.), а также часто диаметрально противоположные взгляды больших групп граждан на характер и способы их решения.

Хотя традиционно международная повестка никогда не являлась определяющей для соот-



ношения сил между двумя ведущими партиями на выборах, в 2024 г. она приобрела повышенную значимость. Это связано прежде всего с тем, что американское общество с большой тревогой смотрит на будущее своей страны как глобального лидера, поскольку современная система международных отношений (СМО) постепенно начинает утрачивать свою устойчивость и переходить в полицентричное состояние. У граждан растет озабоченность, что такой транзит может серьезно отразиться на их жизненном укладе.

Между тем причины утраты устойчивости СМО и возможные пути сохранения глобального лидерства видятся различными политическими силами в США по-разному. Очень часто размежевание идет по таким стратегическим направлениям, как будущее современной модели глобализации и международной торговли, использования вооруженных сил за рубежом, отношение к союзникам и противникам, изменение климата, энергетическая стратегия и т. п.

Понятно, что спектр мнений внутри правящей элиты представляется весьма обширным, поскольку внутривнутриполитический процесс в США достаточно многогранен и не ограничивается официальными платформами двух партий. Внутри каждой из них присутствуют влиятельные группы, которые во многом определяют партийные приоритеты. Наиболее заметными политико-идеологическими группами в Демократической партии являются либеральные центристы, консервативные демократы и левые прогрессисты, а в Республиканской партии – группы реалистов (или умеренных), консервативных и неоконсервативных политиков.

Во внешнеполитических позициях Демократической и Республиканской партий есть как сходства, так и различия. Соответственно, сходства позволяют формировать общие компромиссные решения, а различия приводят к осложнениям и даже тупикам в процессе принятия решений. Как правило, осложнения и тупики не носят постоянного характера и в большинстве случаев находят свое разрешение после очередных выборов вместе с изменением баланса межпартийных и внутривнутрипартийных сил. По общему мнению, американские выборы в ноябре 2024 г. могут очень серьезно повлиять на указанный баланс.

Исходя из сказанного, определение позиций ведущих политических сил в США по самым важным вопросам внешнеполитической стратегии является целью данной статьи. В то же время конфликтные ситуации на Ближнем Востоке, вокруг Украины, Тайваня и пр., с точки зрения ведущих представителей американской элиты, носят в большей степени тактический или инструментальный характер. Соответственно, эти сюжеты требуют отдельного рассмотрения.

Глобализация и ее институты

Важнейшей внешнеполитической проблемой для американской элиты является судьба той модели глобализации, которую США пестовали последние 40 лет и для которой характерны такие параметры, как прозрачность экономических границ, международное разделение труда, унификация законодательной базы разных стран, рост влияния международных регуляторов, стандартизация продукции и т. д.

Необходимо отметить, что наиболее влиятельные группы в США сходятся во мнении, что модель глобализации находится в кризисе и сохранить ее в существующем виде уже невозможно. Тем не менее реакция на кризис видится ими по-разному.

Как ни странно, весьма радикально к ситуации подошли в либерально-центристской группе¹, которая отражает в основном интересы тех, кто, собственно, за глобализацией и стоял, в первую очередь, финансового капитала и цифрового лобби. Эксперты и политики группы, как и члены администрации Дж. Байдена, считают, что фрагментация мировой экономики уже началась, остановить ее вряд ли удастся, поэтому самим США надо перестраиваться, приспосабливаться к новым условиям и, возможно, строить свой блок [1].

Тем не менее внутри группы демократов-центристов наблюдаются колебания в отношении того, на какой основе строить такой блок. Сначала было объявлено, что перестройка может быть осуществлена на базе концепции AUKUS, однако затем стала активно обсуждаться идея трансатлантического ядра новой системы международных отношений [2, с. 67–68]. Кроме того, планируется постепенно трансформировать экономический каркас глобализации, т. е. ее международные институты, в первую очередь МВФ, ВТО, Всемирный банк. Например, предполагается такая реформа Всемирного банка, которая должна обеспечить приток дополнительных ресурсов в климатические и энергетические проекты [3].

Эксперты из группы консервативных демократов² считают, что администрация Байдена реагирует на начало процесса деглобализации слишком радикально, поскольку она фактически отказывается от принципа многосторонности в международных делах, ведет дело к слову глобальных институтов, нацелившись на создание блока из «дружественных стран» и формирование «дружественных цепочек» поставок [4]. Представители данного направления считают, что нужно сделать распад системы регулируемым, пытаться смягчить его негативные последствия за счет роста роли государства, контроля за движением капитала, перевода производств в страны происхождения компаний, добиваясь



их реиндустриализации. Ядром процесса коррективы глобализации, по их мнению, должно стать трансатлантическое сообщество, которое необходимо укреплять в рамках многосторонних подходов [5].

Фракция левых прогрессистов³ поддерживает своих консервативных однопартийцев в том, что не следует ускорять процесс разрушения глобализации и что трансатлантические отношения должны сыграть в современном мире новую объединяющую роль. Прогрессисты уверены в том, что, поскольку над миром нависла новая «экзистенциальная угроза» – изменение климата, именно эта проблема должна быть положена в основу процесса модернизации мировой экономики при сохранении международных институтов, без которых координировать борьбу с климатическими угрозами будет невозможно [6].

В Республиканской партии наиболее умеренные позиции по проблеме глобализации занимает фракция реалистов⁴. Последние осуждают администрацию Байдена за то, что она не пытается остановить фрагментацию современной СМО, которая стала следствием политической напряженности, всеобщего протекционизма и краха институтов экономического регулирования, в первую очередь ВТО. Они считают, что глобализацию необходимо попытаться сохранить, переформатировав ее с учетом интересов не только США, но и таких влиятельных игроков, как ЕС и КНР [7].

Консерваторы-республиканцы⁵ всегда очень критично относились к модели глобализации, построенной на многосторонних институтах и «универсальных правилах», считая, что последние часто идут вразрез с национальными интересами США. После начала геополитической и военно-политической конфронтации (Украина, Тайвань) они стали утверждать, что «многосторонность не сдержит Россию и Китай», а многосторонние институты себя изжили. В международных отношениях остались только двусторонность и национальные интересы, которые можно обеспечивать за счет баланса сил, жесткой экономической дипломатии и военной силы, которая, впрочем, не должна доминировать [8].

Эксперты и политики неоконсервативной ориентации⁶ в целом не против глобализации, но их модель базируется на глобалистской, интервенционистской идеологии открытых границ. Руководствуясь принципом «глобальной односторонности», они враждебно относятся к многосторонним институтам (кроме НАТО) и международным договорам и соглашениям. Настаивая на обеспечении «однополярной мощи» Соединенных Штатов, эксперты и политики неоконсервативной организации рассматривают применение военной силы как главный аргумент

внешней политики. Таким образом, неоконсервативы выпадают из общего элитного тренда на подготовку к деглобализации, настаивая на возможности сохранения однополярного доминирования Рух Americana и считая, что глобализация и ее «правила» должны навязываться силой американского оружия.

Торгово-промышленная политика

Естественно, что консенсус в отношении отхода от неолиберальной модели глобализации предопределяет и межпартийное сближение в вопросах промышленной политики и международной торговли. В дотрамповские времена республиканцы старались придерживаться принципа свободной торговли при заключении международных экономических пактов. Демократы же, наоборот, пытались использовать экологические и трудовые стандарты для давления на оппонентов по торговым соглашениям и получения преимуществ.

Однако усиление соперничества США с Китаем заставило Д. Трампа с 2017 г. отказаться от опоры на «невидимую руку рынка» в пользу активного применения различных государственных рычагов для давления на торговых партнеров. Как ни странно, но после ухода Трампа обе ведущие партии стали консолидировать свои позиции на базе, по сути, трамповской торгово-промышленной политики. При этом республиканцы стали призывать к более активному вмешательству правительства в работу рынков, чтобы ограничить власть корпораций, возродить отечественную промышленность и вернуть независимость США в ключевых секторах, поскольку «Америка опасно зависит от производственных мощностей Китая, нашего главного противника» [9].

Как следствие, демократическая администрация Байдена сохранила акцент администрации Трампа на реорганизации и восстановлении производственных мощностей Америки, поскольку неолиберальная политика в предыдущие десятилетия вытеснила за рубеж «цепочки поставок стратегических товаров, а также отрасли промышленности и рабочие места, которые их создавали». Демократы считают, что необходимо «сформировать новый консенсус» в пользу «современной американской промышленной стратегии» [10]. Исходя из этого, администрация Байдена проводит целенаправленную промышленную политику по субсидированию отечественных отраслей промышленности, в которых США хотят сохранить преимущество и не зависеть от конкурентов, в первую очередь от КНР.

Этот новый двухпартийный торгово-промышленный тренд воплотился в таких законодательных актах, принятых администрацией Байдена, как «Закон об инвестициях в инфраструктуру и рабочих местах», «Закон о чипах



и науке», а также «Закон о снижении инфляции» (Inflation Reduction Act – IRA).

Военные операции и «нациестроительство» (nation-building)

Поскольку глобализация – это всемирный «порядок, построенный на правилах», то в условиях ее распада единые правила уже не нужны, а, значит, и навязывать их нет смысла. Поэтому обе партии все чаще подвергают сомнению идею использования вооруженных сил за рубежом, особенно в целях «строительства наций» (создания национальной идентичности с помощью государственного вмешательства), которое на практике довольно часто оборачивается попытками «демократизации» стран, попавших под американский контроль. Стратегия национальной безопасности США, опубликованная в октябре 2022 г., характеризует предыдущие усилия по государственному строительству как отвлекающие от приоритетов вытеснения Китая и «сдерживания» России: «Мы слишком часто прибегали к военно-ориентированной политике, подкрепленной нереалистичной верой в силу и смену режима» [11].

Признаками смены курса стали такие шаги, как объявление Б. Обамой о полном выводе американских войск из Ирака в 2011 г., соглашение Трампа с талибами о поэтапном выводе американских войск из Афганистана в 2020 г. и вывод Байденом американских войск из Афганистана, не обращая внимания на отношение к такому шагу союзников по НАТО. Как подчеркивалось в речи Байдена, его решение было больше, чем просто желание вернуть войска домой – речь шла «о прекращении эры крупных военных операций по переделке других стран», особенно на Ближнем Востоке [12].

«Разворот в Азию» и Китай

Поскольку американская правящая элита пришла к практически двухпартийному консенсусу о том, что неолиберальную глобализацию сохранить не удастся, даже используя военную силу, возникает вопрос о том, какую геостратегию намереваются использовать США для строительства новой СМО. Как известно, уже с 2012 г. существует устойчивое двухпартийное согласие, в соответствии с которым Америке нужно прекратить распылять свои возможности, особенно в Европе и на Ближнем Востоке, и начать «разворот в Азию», где пока сохраняется высокий торговый и сырьевой потенциал.

Однако, поскольку ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), по единодушному мнению Вашингтона, пытается контролировать Пекин, представляющий собой «величайший вызов интересам национальной безопасности США», то администрация как Трампа, так и Байдена,

определила Китай в качестве главного соперника в своих стратегиях национальной безопасности 2017 и 2022 гг. Соответственно, несмотря на межпартийные и внутривнутрипартийные различия во взглядах на природу китайской военной угрозы и способы борьбы с ней, стремление одержать верх в стратегическом соперничестве между США и Китаем будет определять внешнюю политику Америки независимо от того, какая партия победит на президентских выборах в 2024 г.

Этот консенсус особенно отчетливо проявляется в экономической сфере, где обе партии сосредоточены на достижении успеха в технологической конкуренции с Китаем. Администрация Трампа, как известно, ввела тарифы на китайский импорт в размере 350 млрд долл. и ограничения на экспорт передовых технологий в Китай. В 2018 г. Конгресс, работая на двухпартийной основе, расширил полномочия Комитета по иностранным инвестициям в Соединенных Штатах в отношении блокирования китайских вложений в экономику США.

Администрация Байдена, в свою очередь, развила политику эпохи Трампа и ввела дополнительные ограничения в соответствии с правилом о прямых иностранных поставках, которое запрещает компаниям продавать товары (например, корпорации Huawei), содержащие американские технологии или программное обеспечение без предварительного получения лицензии США. Аналогичным образом меры по укреплению конкурентоспособности Америки в области полупроводников, а также в области «зеленых» технологий направлены на то, чтобы помочь Соединенным Штатам в их соперничестве с Китаем [13].

Из необходимости «сдерживать» Китай вытекает и приверженность Вашингтона безопасности «свободного» Тайваня, которая в значительной степени также является двухпартийной. Представители обеих партий подчеркивают настоятельную необходимость укрепления потенциала Америки по недопущению нападения Китая на Тайвань. В 2022 г. соответствующий двухпартийный закон был внесен на рассмотрение Конгресса сенаторами Б. Менендесом и Л. Грэмом [14].

Союзники

Американский истеблишмент понимает, что США в одиночку справиться с Китаем не смогут и что в этом вопросе нужна поддержка союзников. В первую очередь это касается НАТО. И демократы, и республиканцы согласны с тем, что Североатлантический альянс должен сыграть важную роль в борьбе с Пекином, поэтому эту структуру надо перенастроить. По их мнению, такая перенастройка будет заключаться в том, что союзники должны быть готовы вести две войны



одновременно – с РФ и КНР. Было бы логично, если США будут действовать в Азии против «амбициозного» Китая, а ЕС возьмет на себя обязанности сдерживания «реваншистской России» и наведения порядка на своей периферии [15].

При этом большая часть американского политического класса считает необходимым способствовать ослаблению европейских дискуссий о «стратегической автономии» и усилить через механизмы НАТО лидерство США в трансатлантическом тандеме. Правда, из этого ряда выпадают левые прогрессисты, которые утверждают, что только рабочий класс ЕС и США сможет остановить конфликты, развязанные «мировым олигархатом» [16].

Если в военно-политическом аспекте вашингтонский политикум более или менее един, то в экономическом плане сохраняются важные различия во взглядах отдельных групп на роль союзников в американо-китайском соперничестве. Так, администрация Байдена стремится привлечь европейских союзников для «сдерживания» КНР, принуждая отказываться от инвестиций в китайскую экономику. В этом отношении она получает поддержку со стороны групп центристов-демократов и консерваторов-республиканцев, которые идут еще дальше, настаивая на требовании к Европе как можно скорее разорвать все связи с КНР.

Однако другие влиятельные группы (прогрессисты, консервативные демократы и умеренные республиканцы) считают такую политику преждевременной, наносящей серьезный ущерб европейской экономике, а, значит, ослабляющей трансатлантическое сообщество [2]. Исходя из такой полифонии, можно считать, что европейская политика США на данном направлении не может быть достаточно устойчивой.

При этом США активно пытаются мобилизовать на противостояние с КНР не только союзников в Европе, но и в самой Азии. Чисто внешне в ИТР наблюдается более благополучная картина. То, что создает здесь администрация Байдена, это уже не набор двухсторонних договоров о безопасности, как было в XX в., это сетевая структура, которая может действовать более гибко и в интересах всех союзников. Кроме ранее существовавших АНЗЮС и АСЕАН, в сеть также включены такие альянсы, как Quad, Five Eyes, Chip 4, PBP (The Partners in the Blue Pacific), AUKUS.

Партнерство AUKUS представляется наиболее значимым альянсом в ИТР, необходимостью которого в США поддерживается большинство политико-идеологических групп. Однако межпартийный консенсус не избавил их от внутренних серьезных разногласий по поводу содержания проекта, а именно приоритетности отдельных компонентов AUKUS.

Так, консерваторы-республиканцы считают, что в рамках проекта необходимо сконцентри-

роваться только на создании флота АПЛ для Австралии. В свою очередь, консервативные демократы и умеренные республиканцы требуют сфокусировать внимание исключительно на технологическом сотрудничестве не только трех стран AUKUS, но и привлечь к нему других игроков, например Японию, Новую Зеландию, Южную Корею, Канаду.

Группа неоконсерваторов вообще считает AUKUS нежизнеспособным объединением, поскольку его создание держится исключительно на недоработках региональной политики Пекина. И только демократы-центристы, являющиеся самыми верными сторонниками администрации, уверены, что страны альянса смогут «вытянуть» реализацию обоих компонентов проекта, т. е. и АПЛ для Австралии, и технологический прорыв. В целом такая разногласица ставит под сомнение стратегические перспективы не только AUKUS, но всей сетевой структуры в ИТР [17].

Климат и энергетика

Одним из наиболее конфликтных направлений внешней политики США среди американского политикума являются климат и связанная с ним энергетика. Демократы на протяжении последних десятилетий пытаются ускорить так называемый зеленый транзит и полностью контролировать темпы его развития. Особенно активно это направление стало продвигаться администрацией Байдена, которая присоединилась к Парижскому соглашению по климату, жестко формирует повестки климатических саммитов, приняла новые «повышенные обязательства» по достижению Америкой углеродной нейтральности к 2050 г., добилась принятия Конгрессом закона IRA с выделением 737 млрд долл. для субсидирования инвестиций в экологически чистые энергетические технологии. При этом IRA нацелен на то, чтобы не проиграть окончательно Китаю глобальную конкуренцию в рамках «зеленого транзита». Кроме того, администрация Байдена настаивает на том, чтобы партнеры и союзники в своих странах также начали субсидировать процесс перехода к возобновляемой генерации.

Республиканцы же придерживаются в данной сфере противоположных ориентиров, что наиболее ярко продемонстрировал Д. Трамп в период своего президентства. Он вышел из Парижского соглашения по климату, восстановил работу важнейших нефтепроводов, увеличил число разрешений на бурение, включая заповедники, предоставил налоговые льготы для нефтяной и газовой промышленности и т. д. [18, с. 6–7].

За последнее десятилетие сланцевый газ и морские технологии глубокого бурения произвели революцию в американском энергетическом секторе и превратили США из импортера энергоносителей в крупнейшего в мире производителя



и ведущего экспортера. Республиканцы пришли к убеждению, что «Закон о снижении инфляции» убивает рабочие места и подрывает конкурентоспособность Америки, особенно по отношению к Китаю. Поэтому поддержка политики укрепления нефтегазовой отрасли в Республиканской партии стала массовой. Это нашло отражение, например, в том факте, что ни один республиканец не проголосовал в Конгрессе за IRA, хотя его многомиллиардные субсидии и дотации направлены на поддержку в том числе и республиканских округов [13].

* * *

Внешняя политика США в рамках рассмотренных направлений остается в основном двухпартийной, поскольку все предлагаемые стратегии, кроме сферы климата и энергетики, в целом не вызывают возражений со стороны как Демократической, так и Республиканской партии. Обе ведущие политические силы согласны с тем, что неолиберальная модель глобализации начала распадаться, а военная сила и продвижение демократии более не являются действенными методами для ее сохранения. Межпартийный консенсус также сложился в отношении необходимости геостратегического «разворота в Азию» и противодействия Китаю при максимальной поддержке европейских союзников и партнеров в ИТР.

Правда, эта двухпартийность не всегда представляется достаточно устойчивой из-за противоречий по тактическим вопросам как в межпартийном, так и внутривнутрипартийном измерении. Это касается прежде всего темпов и характера деглобализации, роли в ней альянса AUKUS, участия союзников в антикитайской политике, эффективности сетевой структуры в ИТР. Представляется, что выборы в США в ноябре 2024 г. способны серьезно обострить эти противоречия и, соответственно, заметно поколебать общую традиционную внешнеполитическую двухпартийность.

Примечания

¹ Интересы данной группы в Конгрессе активно защищают сенаторы Ч. Шумер, Р. Менендес, М. Келли и др. Среди политиков и аналитиков к самым заметным фигурам можно отнести С. Тэлбота, Дж. Торнтон, С. Пайфера и др. Ведущим аналитическим центром является Brookings Institution.

² Лидерами группы в Конгрессе являются сенаторы Дж. Манчин, В. Гонзалес, К. Синема. Главная аналитическая структура – Council of Foreign Relations.

³ К самым заметным представителям этой группы можно отнести таких членов Конгресса, как Б. Сандерс, Э. Уоррен, А. Окасио-Кортес и др. Progressive Policy Institute является ведущим исследовательским центром.

⁴ В Конгрессе позиции «умеренных» республиканцев представляют Р. Пол, Дж. Амаш, Л. Мурковски и др.

Среди аналитических центров данного направления можно выделить Center for Strategic and International Studies.

⁵ М. Джонсон, Дж. Джордан, Дж. Кертис, Л. Грэм – лидеры консерваторов в Конгрессе. Главный аналитический институт – Heritage Foundation.

⁶ Среди политиков и экспертов неоконсервативной ориентации сегодня можно выделить Р. Когана, П. Райана, Л. Арона, Р. Доара, К. Барфилда и др. Ведущим аналитическим центром является American Enterprise Institute.

Список литературы

1. *Hamilton D.* The US-Europe transatlantic partnership is showing its resilience // The Hill. March 28, 2022. URL: <https://thehill.com/opinion/international/600014-the-us-europe-transatlantic-partnership-is-showing-its-resilience/> (дата обращения: 08.02.2024).
2. *Голуб Ю. Г., Шенин С. Ю.* Трансатлантизм в контексте заката глобализации: дискуссии в США // *Мировая экономика и международные отношения.* 2023. Т. 67, № 8. С. 60–69. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-8-60-69>
3. *Lawder D.* U. S. Treasury's Yellen calls for World Bank revamp to tackle global challenges // Reuters. October 7, 2022. URL: <https://www.reuters.com/markets/us/yellen-calls-world-bank-revamp-tackle-global-challenges-2022-10-06/> (дата обращения: 08.02.2024).
4. *Ulgen S.* Rewiring Globalization // ECFR. February 17, 2022. URL: <https://carnegieeurope.eu/2022/02/17/rewiring-globalization-pub-86308> (дата обращения: 08.02.2024).
5. *Biden's America First Economic Policy, With Edward Alden* // CFR. December 20, 2022. URL: <https://www.cfr.org/podcasts/bidens-america-first-economic-policy-edward-alDEN> (дата обращения: 08.02.2024).
6. *Bergmann M., Lamond J., Cicarelli S.* Putting Climate at the Center of the Trans-Atlantic Relationship // American Progress. April 29, 2021. URL: <https://www.americanprogress.org/article/putting-climate-center-trans-atlantic-relationship/> (дата обращения: 08.02.2024).
7. *Bergmann M., Toygür I.* Who Should the United States Call in Europe? // CSIS. October 18, 2022. URL: <https://www.csis.org/analysis/who-should-united-states-call-europe> (дата обращения: 08.02.2024).
8. *Schaefer B.* What Role Should the G20 Play? // Heritage Foundation. February 28, 2023. URL: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/what-role-should-the-g20-play> (дата обращения: 08.02.2024).
9. *Hawley J.* The Only Way to Solve Our Supply Chain Crisis Is to Rethink Trade // New York Times. October 29, 2021. <https://www.nytimes.com/2021/10/29/opinion/hawley-supply-chain-trade-policy.html> (дата обращения: 08.02.2024).
10. *The Biden Administration's International Economic Agenda: A Conversation with National Security Advisor Jake Sullivan* // Brookings Institution, April 27, 2023. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2023/04/es_20230427_sullivan_intl_economic_agenda_transcript.pdf (дата обращения: 08.02.2024).



11. White House. National Security Strategy. October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 08.02.2024).
12. White House. Remarks by President Biden on the End of the War in Afghanistan August 31, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/08/31/remarks-by-president-biden-on-the-end-of-the-war-in-afghanistan/> (дата обращения: 08.02.2024).
13. *Belin C., Ruge M., Shapiro J.* Brace yourself: How the 2024 US presidential election could affect Europe // ECFR. May 30, 2023. URL: <https://ecfr.eu/publication/brace-yourself-how-the-2024-us-presidential-election-could-affect-europe/> (дата обращения: 08.02.2024).
14. *Chong-Han Wu C.* The Taiwan Policy Act and the Future of U.S.-Taiwan Relations // Stimson Center. December 13, 2022. URL: <https://www.stimson.org/2022/the-taiwan-policy-act-and-the-future-of-u-s-taiwan-relations/> (дата обращения: 08.02.2024).
15. *Binnendijk H., Hamilton D., and Vershbow A.* Strategic responsibility: Rebalancing European and trans-Atlantic defense // Brookings Institution. June 24, 2022. URL: <https://www.brookings.edu/articles/strategic-responsibility-rebalancing-european-and-trans-atlantic-defense/> (дата обращения: 08.02.2024).
16. Senator Sanders on Russia's Invasion of Ukraine. March 18, 2022. URL: <https://www.c-span.org/video/?518801-1/senator-bernie-sanders-russias-invasion-ukraine> (дата обращения: 08.02.2024).
17. *Ignatius D.* How the submarine deal fits into the complex U. S. strategy for the Pacific // Washington Post. March 13, 2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/03/13/us-submarine-deal-strategy-pacific-china/> (дата обращения: 08.02.2024).
18. *Голуб Ю., Шенин С.* Администрация Байдена и проблемы «зеленого транзита» // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 2. С. 5–14. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-5-14>

Поступила в редакцию 10.03.2024; одобрена после рецензирования 21.03.2024; принята к публикации 12.04.2024

The article was submitted 10.03.2024; approved after reviewing 21.03.2024; accepted for publication 12.04.2024



РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 234–246

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 234–246

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-234-246>, EDN: GYQSUC

Научная статья

УДК 94(470.44-25)|15/16|:930(470.44)|18/19|+929

Формирование исследовательской базы о саратовских воеводах 1590–1700-х годов

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, как происходило накопление сведений о руководящих лицах Саратова, служивших здесь с момента основания города и вплоть до начала XVIII в. Показана связь этого процесса с изданием в течение XIX – начала XX в. различных документальных источников, с выходом в свет родословных сборников и биографических словарей, а также с созданием Саратовской ученой архивной комиссии. Приведены фамилии исследователей, занимавшихся данным вопросом. Отмечено, что довольно часто проходит большой промежуток времени между публикацией источников или биографических словарей, в которых содержатся сведения о воеводах Саратова, и использованием этих трудов региональными исследователями.

Ключевые слова: воевода, разрядные книги, А. Ф. Леопольдов, А. А. Герасимов, Русский биографический словарь, Печатный приказ, биографии, Археографическая комиссия

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Формирование исследовательской базы о саратовских воеводах 1590–1700-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 234–246. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-234-246>, EDN: GYQSUC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

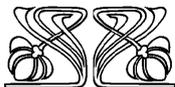
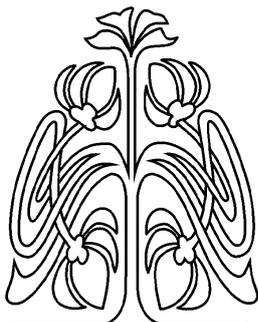
Formation of a research base on the Saratov voivodes of 1590–1700

Ya. N. Rabinovich

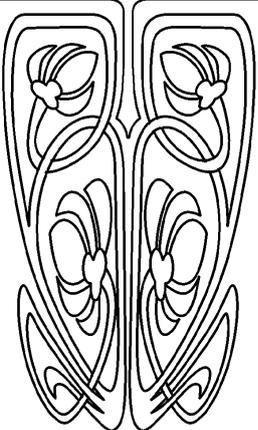
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Abstract. The article deals with the question of how the accumulation of information about the leaders of Saratov, who served here since the founding of the city and up to the beginning of the XVIII century. It is shown how this process is connected with the publication of various documentary sources during the XIX – early XX centuries, with the publication of genealogical collections and biographical dictionaries, as well as with the creation of the Saratov Academic Archival Commission. The names of the researchers who dealt with this issue are given. It is noted that quite often a long period of time passes between the publication of sources or biographical dictionaries, which contain information about the voivodes of Saratov, and the use of these works by regional researchers.



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





Keywords: voivode, discharge books, A. F. Leopoldov, A. A. Geraklitov, Russian biographical dictionary, Printed order, biographies, Archeographic Commission

For citation: Rabinovich Ya. N. Formation of a research base on the Saratov voivodes of 1590–1700. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 234–246 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-234-246>, EDN: GYQUSC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

До середины XIX в. развитие исторической науки в России и состояние источниковой базы не позволяли региональным исследователям заниматься выяснением имен начальных лиц своего города, служивших здесь 200–250 лет назад. За более ранний период основой для изучения истории своих городов для многих краеведов являлся труд Н. М. Карамзина, иногда – источники, опубликованные Н. И. Новиковым в отдельных томах Древней Российской Вивлиофики, первые издания летописей, а также археологические находки на территории края. Что касается столичных историков, то вопрос о начальных людях разных городов страны их вообще не интересовал ни в XIX в., ни после (редчайшие случаи имели место, если, к примеру, какого-нибудь московского или петербургского ученого, архивиста что-то связывало с тем или иным городом – происхождение, родственные связи, длительное пребывание и т. д.). В результате к настоящему времени для абсолютного большинства региональных исследователей основным (а часто и единственным) источником информации при выяснении начальных лиц родного города XVII в. служит справочник А. П. Барсукова, составленный свыше 120 лет назад [1].

Толчком к началу изучения событий, происходивших в XVII в. в различных регионах, отдаленных от столиц, и, соответственно, к выяснению имен начальных лиц того или иного города, послужило создание при Министерстве Народного Просвещения в 1834 г. Археографической комиссии (устав утвержден императором Николаем I в 1837 г.). Члены этой комиссии приступили в ходе проведения археографических экспедиций (фактически еще до официального основания комиссии) к систематическому поиску и выявлению в региональных архивах различных документов, которые довольно оперативно тогда же были изданы в Санкт-Петербурге. Опубликованные ранее, в 1820-е гг., А. Малиновским отдельные тома (части) Собрания Государственных Грамот и Договоров (СГГД) были менее информативны в данном вопросе, хотя и в них можно было найти имена отдельных начальных лиц городов.

Первые сборники документов были опубликованы Археографической комиссией уже в 1830-е гг. Среди них можно выделить 4 тома Актов Археографической Экспедиции (ААЭ, в 1836–1838 гг.), 5 томов Актов Исторических (АИ, в 1841–1842 гг.). В 1846 г. началась публикация первых из 12 томов Дополнений к Актам

Историческим (ДАИ), затем – Актов Западной России (АЗР), Актов Юго-Западной России (АЮЗР), Актов, относящихся до Юридического Быта (АЮБ), Летописей занятий Археографической Комиссии (ЛЗАК), Сборников МАМЮ и ряда других сборников документов. Большую помощь краеведам оказала публикация Книг Разрядных (КР) и Дворцовых разрядов (ДР), осуществленная в 1850-е гг. (4 тома ДР в 1850–1852 гг., потом еще 2 тома дополнений в 1854 и 1882 гг. и 2 тома КР в 1853–1855 гг.). Не остался в стороне и Московский университет, при котором было создано Общество Истории и Древностей Российских, приступившее в 1840-е гг. к публикации сначала Временника ОИДР, а затем регулярных Чтений ОИДР. Начиная издаваться первые тома Русской исторической библиотеки (РИБ), сборники Русского Исторического Общества. В 1890-е гг. началось издание Академией наук документов Разрядного приказа – 3 тома Актов Московского Государства (АМГ). Во всех этих сборниках документов можно найти немало имен начальных лиц (воевод, дьяков, осадных голов и др.) всех городов, существовавших в России в XVII в.

Таким образом, база для изучения истории малой родины и начальных людей родного города для краеведов была создана. Дело осталось за малым – надо было, чтобы эти издания стали доступны краеведам из отдаленных от столиц регионов (кратковременные поездки для работ с этими изданиями в столичных библиотеках оказались малоэффективными). Также необходимо было, чтобы краеведы-любители обладали хоть какими-то зачатками исторических знаний о данном периоде истории, могли работать с этими источниками и уметь находить в них нужную информацию. Желательно, чтобы у краеведов был за плечами университетский или хотя бы гимназический курс истории (однако имели место и счастливые исключения – историки-самоучки).

Еще одним толчком к изучению региональной истории и выяснению имен начальных лиц своего города стало издание провинциальных газет (в первую очередь губернских ведомостей, обязательное для всех губерний с 1837 г.), в которых публиковались отдельные события древней истории края (на страницах неофициального отдела). Свою лепту внесли местные губернские статистические комитеты (они начали создаваться с 1834 г.), которые уже в пореформенный период стали организационными центрами, объединяющими историков-любителей родного края. В Саратове с 1858 г. статистический комитет



начал издавать Памятные книжки Саратовской губернии (или Адрес-календари). Помимо статистических данных, в них помещались очерки об отдельных городах и уездах губернии, в которых содержались исторические сведения и имена начальных людей города [2, с. 242–249].

Однако главную роль в изучении истории малой родины сыграли губернские ученые архивные комиссии (с 1880-х гг.) и археологические общества. Именно с 1880-х гг. во многих губернских городах можно видеть первые публикации, в которых начинают упоминаться начальные люди города, причем с определенной хронологией пребывания в должности (правда, пока с большими лакунами, постепенно заполняющимися и продолжающимися заполняться до настоящего времени).

Начальные люди Саратова в трудах Андрея Филипповича Леопольдова (1800–1875)

Что касается Саратова и его начальных людей, то первым пытался упомянуть воевод Саратова XVII в. А. Ф. Леопольдов (но неудачно). Он не составлял списка воевод города, а в самом тексте своей книги упомянул только троих: 1) Замятню Сабурова, отразившего в Смутное время от Саратова трех «царевичей»; 2) «Кузьму Лопухина», убитого Разиным, причем фамилию указал неверно (на самом деле воеводу звали Кузьма Лутохин); 3) Андрея Григорьевича Ляпунова, при котором в 1696 г. были даны земли Троицкому собору в 40 верстах от Саратова. У Леопольдова лучше получилось с выяснением имен начальных лиц Саратова и губернии более позднего периода, а также церковных деятелей. Он указал многих Астраханских архиепископов, некоторых игуменов саратовских монастырей и других церковнослужителей (покровительствовал ему сам епископ Иаков Вечерков). Губернаторы, которые в Саратове в 1830–1840-е гг. сменялись часто – Ф. Л. Переверзев, А. П. Степанов, И. М. Бибииков, Д. Я. Власов, А. М. Фадеев – также оказывали поддержку А. Ф. Леопольдову, поэтому он пытался выявить, насколько это было возможно, по известным ему источникам начальных лиц города. В итоге, если говорить о XVIII – первой половине XIX в., то у Леопольдова можно найти немало имен начальных людей Саратова и губернии [3].

Добавим, что для А. Ф. Леопольдова, как и для многих краеведов из всех городов Российской империи, большую помощь в выяснении имен начальных лиц своего города (а также других светских и духовных руководителей разного ранга) оказало ежегодное издание, начиная с 1765 г., адрес-календарей и месяцесловов, которое осуществлялось вплоть до 1916 г. К сожалению, данные источники в настоящее время недостаточно используются краеведами многих малых городов современной России.

Определенную роль в развитии саратовского краеведения в пореформенный период 1850–1860-х гг. внесли Н. И. Костомаров и Д. Л. Мордовцев, однако выяснением имен начальных лиц города они не занимались. Отметим лишь, что Костомаров впервые правильно указал воеводу Саратова, убитого по приказу Степана Разина – Кузьма Лутохин (многие называли его Лопухин) [4, с. 311].

Исследование Александра Ивановича Шахматова (1826–1896)

Первым, кто пытался выяснить имена воевод Саратова конца XVI – начала XVIII в., был А. И. Шахматов, который в своей книге привел ряд имен начальных лиц города. Он выделил два периода истории Саратова от момента основания города до начала XVIII в. и, соответственно, две группы воевод, указав годы их правления. Рубеж между этими периодами – 1674 г. – перенос Саратова на правый берег Волги [5].

*А. Воеводы первого периода (свыше 70 лет,
с 1589/90 до 1674 г.)*

Это Григорий Осипович Засекин и Федор Михайлович Туров (1589/90), Иван Григорьевич Вольнский (1597), Замята (в источниках он пишется Замятня) Иванович Сабуров и Владимир Владимирович Аничков (1609), князь Черново-Оболенский (1617, без упоминания имени и отчества), Степан Васильевич Чесесов (1631), Григорий Иванович Феофилачев (1635), «далее сын его Василий Феофилачев», Алексей Пантелеевич Чириков (1652), Даниил Вахрамеевич Хитрово (1659), Кузьма Лопухин (?) (вместо Лутохина) (1667, «убитый Ст. Разиным в 1670 году при взятии им Саратова»). Получается по Шахматову, что этот Кузьма «Лопухин» находился в Саратове несколько лет с 1667 до 1670 г. [5, с. 39, 45].

Всего за 85 лет (с 1590 по 1674 г.) А. И. Шахматов указал 12 чел., двое из которых были товарищами (помощниками) воевод. Некоторые годы воеводства, указанные в скобках, требуют уточнения.

Попытаемся выяснить, откуда взята Шахматовым информация о начальных людях (сносок в своей книге он не приводил). У Шахматова имелись некоторые из опубликованных ранее сборников документов и другие источники. Имена Засекина и Турова были к тому времени известны из надписи на Евангелии и публикации донесения этих воевод в АИ [6, с. 436–446] (хотя Шахматов цитировал это донесение, ссылаясь на С. М. Соловьева).

Впервые саратовские краеведы, в том числе А. И. Шахматов, узнали о воеводе И. Г. Вольнском в 1889 г. Именно тогда члены СУАК получили письмо от В. И. Холмогорова, который обнаружил в документах МАМЮ «в разрядном приказе по московскому столу» сведения о том,



что на «Саратове-острове» воеводой в 1597 г. был Иван Григорьевич Вольнский. Это письмо В. И. Холмогорова было опубликовано в 1891 г. в «Трудах СУАК» ввиду его большой значимости [7, с. XXVI–XXVII]. Данный документ о воеводах в «украинных городах» был составлен 20 февраля 1597 г.; он констатирует сложившееся состояние дел, а не только время отправки воевод в указанные города, в том числе в Саратов. В основном здесь перечислены воеводы, которые к тому времени уже давно находились в тех городах. В дальнейшем, вплоть до настоящего времени, вслед за Шахматовым все краеведы продолжают ошибочно считать, что И. Г. Вольнский находился в Саратове только в 1597 г. (на самом деле он служил в Саратове еще с 1593/94 г.).

Воеводы Сабуров и Аничков задолго до выхода труда А. И. Шахматова были указаны в т. 12 Н. М. Карамзина, который использовал Карамзинский (Столяров) хронограф, а в примечаниях привел его значительный текст. Данный источник был опубликован Н. А. Поповым в 1869 г. [8], но А. И. Шахматов, цитируя запись о воеводах Сабурове и Аничкове, указывал в качестве источника информации не Н. М. Карамзина и не «Изборник» Н. А. Попова, а некоего Струева («Струев говорит») [5, с. 46]. Видимо, он имел в виду Павла Михайловича Строева.

Фамилии Черново-Оболенский и Чемесов, скорее всего, были обнаружены А. И. Шахматовым в разрядных записях [9, с. 133] и Смете воинских сил [10, с. 35], опубликованных И. Д. Беляевым во «Временнике» в 1849 г. Если бы в руках Шахматова были Книги разрядные или Дворцовые разряды, опубликованные в 1850–1855 гг., то он привел бы также имена многих других воевод Саратова, а не ограничился этими двумя. Фамилии отца и сына Феофилачевых упомянуты в протоколе СУАК (сражение на реке Нойло) [11, с. 1] и в ряде документов, которые к тому времени были подготовлены к публикации членами СУАК, в том числе самим А. И. Шахматовым. В документах СУАК того времени упомянут также воевода А. П. Чириков [12, с. 439–448].

Про Д. В. Хитрово писал еще С. М. Соловьев [13, с. 311–312], большой отрывок из его труда А. И. Шахматов процитировал в своей книге, в том числе и про этого воеводу Хитрово (как обычно, без ссылки на С. М. Соловьева) [5, с. 67–69]. Кузьму Лопухина-Лутохина с ошибкой в фамилии А. И. Шахматов указал вслед за А. Ф. Леопольдовым, хотя вполне мог бы правильно написать его фамилию при внимательном прочтении труда Н. И. Костомарова о пребывании Степана Разина в Саратове (эта монография Костомарова впервые напечатана еще в конце 1859 г., а потом неоднократно переиздавалась, например, в 1863 г.) [4, с. 201–380].

Б. Воеводы Саратова второго периода (1674–1700)

Теперь рассмотрим правобережный Саратов за короткий период (1674–1700 гг.) и его воевод, указанных А. И. Шахматовым. Рубеж между периодами – восстание Степана Разина, а с начала XVIII в. в Саратов назначались уже коменданты.

Начиная с переноса Саратова на правый берег в 1674 г., в книге этого «любителя старины» мы видим уже больше воевод, имена которых упоминаются в документах, имеющихся в семейном архиве Шахматовых, в которых много внимания уделено одному из родоначальников – Тихону и его сыну Алексею Шахматовым. В основном эти документы о земельных владениях на правобережье Волги, о спорах между жителями Саратова и солдатами рыбного городка (Дреснянка, Беклемишев остров и др.).

А. И. Шахматов указал воевод Михаила Ивановича Глебова, после него Леонтьева (без инициалов). На самом деле воевода Леонтьев был до Глебова в 1672–1674 гг., еще в левобережном Саратове. Затем у Шахматова идет князь Федор Матвеевич Козловский (указал на его активные противодействия кочевникам-калмыкам в 1680 г. – источник информации неизвестен, а сам кн. Ф. М. Козловский был в Саратове позже). После кн. Ф. М. Козловского Шахматов отметил Максима Кологривова (привел челобитную саратовских жителей от 27 июля 1688 г. из Донских дел), а далее у него записан Вешняков (без инициалов), Никита Нестеров (Шахматов привел грамоту царей Ивана и Петра от 5 февраля 1692 г. этому воеводе на Саратов), Данило Наумов (который якобы был товарищем воеводы Нестерова, оба они, по мнению А. И. Шахматова, 3 июня 1695 г. встречали Петра I). В действительности эти воеводы служили на Саратове в другое время.

После Данилы Наумова А. И. Шахматов указал воеводой своего предка Алексея Тихоновича Шахматова (фактически он никогда не был воеводой), потом в списке воевод идет некий Патеров, которого не существовало, видимо, неправильно прочитал фамилию в источнике (возможно, это был Нестеров?), Усов (без инициалов), Григорий Ляпунов (такого воеводы не было в Саратове, были воеводами его сыновья). Задолго до Шахматова еще Леопольдов указал воеводу А. Г. Ляпунова в 1696 г., но, видимо, Шахматов просмотрел этот сюжет.

После этих фамилий идут начальные люди XVIII в. (коменданты Саратова) – Алексей (Яковлевич) Новосильцев, Беклемишев, Бахметьев, опять Беклемишев, Дурасов, полковник Чемодуров и Казаринов [5, с. 94, 96].

Прочитав книгу Шахматова, известный историк-археолог, Александр Александрович Гоздаво-Голомбиевский (1863–1913), живший в Москве, работающий в крупнейшем московском архиве, но связанный многими узами с Саратовом, написал на нее весьма критическую рецензию. Указав на многочисленные ошибки



Шахматова, он привел имена нескольких новых воевод Саратова: «*Не считаю нужным пополнять здесь списка воевод, помещенного на стр. 39, хотя их пропущено за XVII век более половины, таковы: князя Фед. и Ив. Борятинские, Алексей Путятин, стольник Яблоков, Головин, Вас. Нелединский, Ив. Касагов, Ив. Самарин, думный дворянин Ф. И. Леонтьев и другие*» [14, с. 212–213]. Что касается Ф. И. Леонтьева, то его, пусть без инициалов и чина, Шахматов все же указал, хоть и не на своем месте. Стольник Яблоков в действительности не известен в Саратове.

Воеводы Саратова в книге Федора Федоровича Чекалина (1844–1894)

Список А. И. Шахматова продолжил Ф. Ф. Чекалин [15, с. 80]. Он также не указывал источники информации, но, видимо (судя по фамилиям воевод), уже использовал подробно разрядные записи (в том числе – Дворцовые разряды, опубликованные в 1850-е гг.), более тщательно подошел к составлению списка воевод, уточнил многие инициалы (к сожалению, имена и отчества не приводил), зато пытался выяснить годы воеводства и указал многие годы без ошибок, соответственно, привел верную хронологическую преемственность воевод. К тому же следует учесть, что Чекалин был хорошо знаком с А. А. Голомбиевским, переписывался с ним и мог взять из его труда указанные ранее имена воевод.

Ф. Ф. Чекалин уточнил инициалы первого воеводы Саратова, возрожденного после событий Смуты (у А. И. Шахматова была только фамилия – Черново-Оболенский) и указал – кн. Ф. И. Черново-Оболенского (1617–1618), затем – кн. Ф. Т. Черново-Оболенского (1619–1620). В настоящее время считается, что это был один человек – князь Федор Тимофеевич Черново-Оболенский, который служил воеводой в Саратове в 1616–1620 гг.

В дополнение к приведенным А. И. Шахматовым воеводам левобережного Саратова Ф. Ф. Чекалин назвал еще новых воевод: кн. Е. Мышецкого (1621), К. Шушерина (1622), Ф. И. Чемоданова (1623–1625), Г. Н. Орлова (1626–1629), А. Ф. Наумова (1632), кн. Ф. Борятинского (1650), В. Нелединского (1655–1656), Н. Головина (1657–1658), И. И. Косагова (1661–1662), кн. Путятина (без инициалов, 1665), кн. И. Борятинского (1666), а также правильно указал год воеводства и фамилию воеводы, погибшего от рук Стеньки Разина – К. Лутохин (1670). Здесь, видимо, источником послужила публикация А. Н. Попова «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина» [16] или монография Н. И. Костомарова.

Ф. Ф. Чекалин также уточнил годы воеводства тех начальных людей, имена которых ранее привел А. И. Шахматов. Это С. В. Чемесов (1630, 1631 и 1633, последняя дата ошибочная, воеводой

в 1633 г. оставался А. Ф. Наумов), Г. И. Феофилачев (1635–1636), В. Г. Феофилачев (1651), А. П. Чириков (1652–1653), Ф. И. Леонтьев (1672–1673).

Как видим, Ф. Ф. Чекалин проделал большую работу по выяснению новых имен воевод левобережного Саратова (к указанным А. И. Шахматовым 12 начальным людям он добавил еще 11 чел., не считая кн. Черново-Оболенского), а также уточнил ряд фамилий, инициалов и годы воеводства начальных людей Саратова, приведенных ранее А. И. Шахматовым.

Что касается воевод правобережного Саратова, то здесь открытия Ф. Ф. Чекалина были намного скромнее. Это Г. Исупов (1680), А. И. Ляпунов (1695–1696). Отчество Ляпунова указано неверно, фактически в эти годы воеводами были братья Андрей и Федор Григорьевичи Ляпуновы. Про А. Г. Ляпунова в свое время писал еще А. Ф. Леопольдов, но, видимо, Ф. Ф. Чекалин, как и А. И. Шахматов, не обратил на это внимания.

Ф. Ф. Чекалин также уточнил сроки воеводства некоторых других начальных лиц, указанных ранее А. И. Шахматовым. Это кн. Ф. М. Козловский (1683–1684), Н. С. Нестеров (1692), А. Я. Новосильцев (1700–1701). Обратим внимание на дату воеводства Н. С. Нестерова (1892, а не 1895, как у А. И. Шахматова). Это означает, что воевода Нестеров никак не мог встречать Петра I в 1695 г., как об этом писал Шахматов.

По неизвестной причине Ф. Ф. Чекалин не указал воевод правобережного Саратова Данилу Наумова, Вешнякова и Усова, имена которых значились ранее у А. И. Шахматова.

На следующий год после публикации книги Чекалина был издан в Москве в университетской типографии замечательный труд **А. А. Гоздаво-Голомбиевского** (фактически выдержки из ряда ценнейших документов Печатного приказа за период 1650–1675 гг.), а отдельные источники захватывают и 1676 г. [17]. Благодаря этой публикации выясняется, какие события происходили в Саратове в период воеводства каждого из этих начальных людей, кто служил вместе с ними, какие они получали пожалования, за какие заслуги. Здесь можно найти всех воевод Саратова, которые служили в этом городе за указанный период, приведены их придворные чины (кто был стольником, а кто – московским дворянином), имена и точные годы воеводств. К примеру, дворянин Федор Борятинский (1650), стольник Василий Феофилачев (1650–1651), стольник Алексей Чириков (1652–1654), дворянин Василий Нелединский (1655–1657), стольник Никита Иванович Головин (1657–1658), стольник Данила Хитрово (1659–1660), стольник Иван Иванович Косагов (1660–1662), дворянин Алексей Путятин (1664–1666, ранее имени Путятин не было указано Ф. Ф. Чекалиным), стольник Иван Борятинский (1666–1668), стольник Михаил Иванович Глебов



(1674–1675, а приведенные некоторые документы позволяют датировать его воеводство вплоть до 1676 г.).

К сожалению, кроме «стольника» И. И. Коцагова (который никогда стольником не был), стольника Н. И. Головина и известного ранее стольника М. И. Глебова, в статье А. А. Голомбиевского ни у одного воеводы не указаны их отчества. Из новых имен выделим стольника Федора Леонтьева (первое назначение, 1662–1664), стольника Ивана Самарина (1669–1670), а также назначение в Саратов думного дворянина Федора Ивановича Леонтьева и дьяка Льва Савлукова (1672–1674). А. А. Голомбиевский не акцентировал внимание на том, что этот думный дворянин Ф. И. Леонтьев – бывший стольник Федор Леонтьев, который вторично получил назначение в Саратов через 10 лет после своего первого пребывания в этом городе.

Александр Платонович Барсуков (1839–1914)

В основном, открытия этого ученого относились к первоначальному и левобережному Саратову. Он привел имена 3-х новых воевод Саратова. Это – Григорий Елизаров (1602), кн. Иван Большой Федорович Шаховской (1638), Аверкий Федорович Болтин (1644–1646/47). А. П. Барсуков также выяснил имя одного из помощников воевод – это стрелецкий голова Семен Иванович Болтин. Что касается Григория Елизарова, то это имя долгое время не было известно саратовцам, хотя еще Д. Валув впервые в 1845 г. опубликовал в Синбирском сборнике в одной из разрядных записей служившего на Саратове в 1602 г. Григория Елизарова [18, с. 148]. А. П. Барсуков первым обратил внимание на данный источник (через 60 лет после его публикации) применительно к воеводам Саратова и сослался на него, когда указывал воеводу Елизарова.

По сравнению с Ф. Ф. Чекалиным, за период до 1650 г. (после этого года исчерпывающую информацию можно найти у А. А. Голомбиевского) в труде А. П. Барсукова были уточнены имена и отчества воевод, годы их пребывания в Саратове. К примеру – Федор Иванович Чемоданов, Григорий Никитич Орлов (1626–1629, вторично 1639–1640) Здесь и далее курсивом выделены новые сведения [1, с. 202–203].

Однако у А. П. Барсукова, по сравнению с Ф. Ф. Чекалиным (труд которого был, видимо, Барсукову неизвестен), были пропущены некоторые воеводы. Среди них – К. Шушерин, А. Ф. Наумов, а ведь эти имена ранее были указаны Ф. Ф. Чекалиным. Эти начальные люди упоминались и в Саратовской летописи, так что хорошо были известны саратовцам.

Некоторые отчества указаны у А. П. Барсукова с ошибками – Ефим Иванович Мышецкий (надо Ефим Федорович), ранее Ф. Ф. Чекалин отчество воеводы Мышецкого не указывал.

Что касается воевод периода 1650–1675 гг., то в основном А. П. Барсуков везде ссылался на А. А. Голомбиевского. Дополнительно он указал отчество стольника Ивана Васильевича Самарина.

Информация о воеводах правобережного Саратова за последнюю четверть XVII в. у А. П. Барсукова весьма скудная и во многом уступает сведениям Шахматова и Чекалина (Голомбиевский, как известно, этим периодом не занимался). После М. И. Глебова А. П. Барсуков указал только Гаврилу Исупова (1680), стольника Максима Кологривова (1688), стольника Никиту Нестерова (1692). Эти воеводы были хорошо известны ранее Шахматову и Чекалину. Новым у А. П. Барсукова за указанный период можно считать уточнение чина, отчества, а также года воеводства стольника Даниила Трофимовича Наумова (1689).

Однако ряд воевод, указанных А. И. Шахматыным и Ф. Ф. Чекалиным, служивших в Саратове в 1670–1690-е гг., были у А. П. Барсукова пропущены (Козловский, Вешняков, Ляпунов, Усов). Источники об этих воеводах, опубликованные в первых томах трудов СУАК, были неизвестны А. П. Барсукову.

Несмотря на то, что общее количество воевод правобережного Саратова за 1675–1700 гг. у А. П. Барсукова значительно меньше, чем у предыдущих исследователей, в труде этого автора содержится ряд ценных новшеств и дополнений. Во-первых, в отличие от прежних авторов в труде А. П. Барсукова можно найти ссылки на источники информации. Среди них следует указать разрядную книгу Д. Валувца из Синбирского сборника, Дворцовые разряды, разрядную запись (Смету) из Временника ОИДР, Записные книги из РИБ-10, труд А. А. Голомбиевского, наказ Пазухиным из РИБ-15 (именно благодаря этому источнику были уточнены сведения о воеводе И. В. Самарине и его отчестве), документы из т. 8 и 12 ДАИ и один из более поздних выпусков трудов СУАК (вып. 20) [1, с. 382–383]. Более ранние выпуски трудов СУАК А. П. Барсуков не использовал (а ведь там было немало имен начальных людей Саратова, оставшихся ему неизвестными).

Во-вторых, следует подчеркнуть, что А. П. Барсуков **впервые** привел краткие сведения о всех известных воеводских назначениях указанных в его списке саратовских воевод, отметив, где они служили до и после Саратова. Тем самым он фактически начал создавать биографии саратовских воевод (а их у него было 26 чел.). К примеру, Г. И. Феофилачев показан воеводой в Алатыре (1614–1615), Касимове (1617–1618), Сургуте (1620–1622), Саратове (1636–1637), а его сын В. Г. Феофилачев – в Саратове (1650–1651), Борисоглебске (1656), Дорогобуже (1664–1666) [1, с. 584]. Некоторые даты воеводства, правда, требуют уточнения.



Труды дореволюционных генеалогов

Краеведы Саратова, как и других городов, недостаточно используют в своих штудиях родословные книги. С одной стороны, имея перед собой список воевод города и зная, кто из исследователей занимался родословием данного рода, можно было без особого труда найти интересные факты из биографии данного воеводы. С другой стороны, имеют место случаи счастливых находок имен, никому не известных ранее воевод города среди многочисленных родословий отдельных родов. Причем составители таких родословий даже не подозревали, что их сведения могут стать сенсацией для краеведов Саратова (это же относится и ко многим другим городам).

Еще в 1866 г. была составлена одна из самых ранних биографий одного из воевод Саратова. К сожалению, об этом исследовании не было известно саратовским краоведам, и до настоящего времени этот труд ими не используется. Речь идет о воеводе Данииле Варфоломеевиче Хитрово. Вот что писал еще в 1866 г. об этом воеводе составитель родословной своего рода Ф. Н. Хитрово за полвека до публикации списка саратовских воевод А. А. Герасимовым: «*Даниил Варфоломеевич. 1649 – ум. 1660. Бездетен. В 1649 году был пожалован из Стряпчих в Стольники, при чем ему 12 июня того же года назначен поместный оклад 600 четвертей и 30 руб. денег. С 1653–1656 год делал Литовский поход, за что в награду ему придано было 150 четвертей и деньгами 12 руб. (дается ссылка на выписку из боярских книг. – Я. Р.). 6-го июля 1658 года он вместе с другими стольниками ставил есть перед Великого государя во время торжественного обеда, данного в честь Грузинского Царевича Теймураза Давыдовича, а в 168 (1659–1660) году был назначен воеводою в Саратов, где в том же году умер бездетным*» [19, с. 98–99]. Автор ссылается на родословную роспись рода Хитрово, составленную 22 мая 1686 г., и на Дворцовые разряды. Указанный в самом начале этого текста 1649 г. – это дата первого упоминания в источниках, а не дата рождения. Именно этого воеводу позже упомянул в своей книге А. И. Шахматов. Правда, составитель родословия не использовал сведения о Данииле Хитрово, связанные с его действиями в Саратове в отношении воровских казаков, которые к тому времени были уже опубликованы С. М. Соловьевым.

В качестве примера обнаружения неизвестных ранее воевод Саратова приведем имя Михаила Федоровича Ознобишина. Одним из первых о нем как о воеводе Саратова писал еще в 1895 г. в родословной книге кн. Александр Борисович Лобанов-Ростовский (1824–1896), указав, что он был стольником (1686), воеводой «*в Коротояке, Острогосжске, Саратове (1677) и Чернигове*» [20, с. 45]. Правда, за год до этой публикации

в трудах СУАК появился один документ, подтверждающий пребывание в Саратове данного воеводы [21, с. 217–219, 224], хотя публикатор этого документа В. Юрьев никак его не комментировал, так что первенство в открытии имени саратовского воеводы М. Ф. Ознобишина принадлежит не только В. Юрьеву, но и кн. А. Б. Лобанову-Ростовскому, а также С. В. Любимову, который дополнил эту родословную Ознобишиных, на что указал сам князь Лобанов-Ростовский в своем труде в примечании [20, с. 44].

Другой пример касается воевод князей Борятинских, которых в Саратове было двое – Федор и Иван. Если в отношении Ивана до настоящего времени исследователи так и не сумели выяснить его отчества (в те годы было много князей Борятинских, носящих это имя), то что касается Федора Борятинского, все было намного проще. Еще в 1906 г. **Геннадий Александрович Власьев (1841–1912)** уточнил, что саратовским воеводой был Федор *Петрович* Борятинский по прозвищу Горбун и привел многочисленные факты его биографии, включая воеводство в Саратове [22, с. 67–68]. Однако эти сведения остались неизвестны саратовским историкам, которые считали, что воеводой был Федор *Никитич* Борятинский, соответственно, они пытались выяснить биографию этого вымышленного воеводы [23, с. 506–516].

В родословном сборнике Г. А. Власьева, кроме указанного ранее кн. Ф. П. Борятинского, можно найти подробные биографии саратовских воевод князей Рюриковичей – Ф. Т. Черново-Оболенского и Е. Ф. Мышецкого [22, с. 177–178, 274–275], потомков черниговского князя святого Михаила Всеволодовича (именно родословие и биография князей Черниговских были предметом изучения Г. А. Власьева).

Конечно, желательно, чтобы запись в родословной о пребывании того или иного человека воеводой в Саратове подтверждалась другими источниками, актовыми или делопроизводственными материалами с целью исключения ошибок, как, например, случилось с Иваном Юрьевичем Тургеневым, который никак не мог быть воеводой в Саратове в 1648 г., так как в это время здесь служил другой воевода – В. А. Чоглоков. К тому же Иван Юрьевич Тургенев находился в те же годы в далекой Тюмени. В родословной Тургеневых записано: «*У Петра дети: Григорей, Михайла – бездетен. У Григорья сын Юрья. У Юрья дети: два Ивана. Иван Большой умре бездетен. Иван Меньшой воевода был в Саратове. Он же, Иван, воевода был на Тюмени во сто пятьдесят седмю и осмом годех*» [24, с. 338]. Видимо, из этой родословной выдающийся генеалог **Витольд Владиславович Руммель (1855–1902)** взял информацию о воеводстве Тургенева в Саратове («*Воевода в Саратове и Тюмени 1647–1649*») [25, с. 540], которую потом стали повторять все исследователи, начиная с А. А. Герасимова. Однако



в родословной не указаны точные годы воеводства И. Ю. Тургенева в Саратове, которое, даже если признать данный факт, происходило в другое время (как вариант – И. Ю. Тургенев в начале 1640-х гг., еще до своего воеводского назначения в Тюмень, мог командовать отрядом служилых людей и из Саратова совершил поход против татар, калмыков или воровских казаков, что нашло отражение в родословной).

В этом родословном сборнике В. В. Руммеля можно найти подробные сведения о биографии ряда воевод Саратова, к примеру, воеводы В. В. Нелединского [25, с. 131]. К сожалению, в некоторых случаях сведения, относящиеся к реальным воеводам Саратова, приведенные В. В. Руммелем, не добавлены информацией о том, что эти люди служили также и в самом Саратове (воевода Я. Г. Писемский). В другом случае (И. Ю. Тургенев) приведена подробная биография этого человека, однако его воеводство в Саратове в указанные годы не соответствует действительности.

Пока трудно сказать, был ли воеводой в Саратове никому из краеведов неизвестный Михаил Юрьевич Воейков в конце 1670-х гг., о котором в родословной, составленной игуменом Ювеналием Воейковым еще в 1792 г., прямо сказано, что после русско-турецкой войны «был он, Михаил, на Саратове воеводою» [26, с. 50–51]. Будем искать дополнительные источники.

Воеводы Саратова в русском биографическом словаре Александра Александровича Половцова (1832–1909)

Еще одним важным источником информации для краеведов Саратова мог бы стать Русский биографический словарь, составленный под руководством А. А. Половцова. К сожалению, биографии многих воевод Саратова, помещенные в отдельных томах этого словаря, до последнего времени остались неизвестными саратовцам. Однако в конце 1990-х гг. все тома были переизданы (репринт). К тому же были впервые изданы некоторые неопубликованные тома этого словаря, поэтому их все чаще стали использовать краеведы. Одним из первых начал использовать сведения из данного словаря современный саратовский краевед **В. Н. Семенов**. В первом издании своей книги о начальных людях Саратова он привел краткие сведения о воеводе М. И. Глеbove, ссылаясь на труд **А. А. Гераклитова** (об этих исследованиях будет сказано далее), а уже во втором издании опубликовал более подробную информацию о М. И. Глеbove, полностью процитировав из РБС биографию этого саратовского воеводы, составленную В. Корсаковой свыше ста лет назад [27, с. 43; 28, с. 28–30; 29, с. 363–364].

В отдельных томах словаря А. А. Половцова приведены самые подробные биографии многих

других воевод, кроме уже указанного М. И. Глебова. Это кн. Г. О. Засекин, Ф. И. Леонтьев, М. Ф. Ознобишин, Г. Н. Орлов, С. В. Чемесов, Ф. И. Чемоданов, кн. И. Ф. Шаховской. Что касается кн. Г. О. Засекина, то составитель его биографии **Варвара Дмитриевна Корсакова (1859–1930)**, автор 488 статей данного словаря, хоть и не подчеркнула, что он был основателем Саратова, зато указала, что именно этот воевода из Саратова организовывал экспедиции против воровских казаков [30, с. 263]. В одном из томов, опубликованном в 1905 г., приведена достаточно подробная биография кн. Ф. Т. Черново-Оболенского, за исключением одного важного пункта – не сказано, что он был воеводой Саратова (автор – Е. Лихач) [31, с. 51]. У Г. А. Власьева, опубликовавшего свой труд на следующий год после выхода этого тома РБС, информация о князе Черново-Оболенском более полная [22, с. 274–275]. Е. Лихач опубликовал в том же томе РБС биографии воеводы Саратова М. Ф. Ознобишина и Г. Н. Орлова (автор скрылся под инициалами Е. Л., в статье имеется много неточностей) [32, с. 199; 33, с. 354].

В том же 1905 г. вышел другой том РБС, в котором помещены подробные биографии саратовских воевод С. В. Чемесова (автор – В. Симанский), Ф. И. Чемоданова (автор – В. Бенешевич) и кн. И. Ф. Шаховского (автор – Д. Корсаков), приводятся сведения об их службе на Саратове [34, с. 142; 35, с. 146; 36, с. 580–581]. Видимо, до членов СУАК данные тома дошли со значительным опозданием, через 10–12 лет, уже накануне революции 1917 г. (штамп библиотеки СУАК есть, а информация об этих воеводах в трудах СУАК отсутствует). Это относится к списку саратовских воевод, составленному в 1913 г. А. А. Гераклитовым (о нем будет сказано далее), который, к примеру, заново «открыл» для саратовцев М. Ф. Ознобишина, хотя за 8 лет до него Е. Лихач привел в РБС более подробные и точные сведения об этом воеводе [32, с. 199].

Уже после публикации А. А. Гераклитовым списка саратовских воевод вышел очередной том РБС (в 1914 г.), в котором В. Корсакова поместила подробную биографию строителя нового правобережного Саратова Ф. И. Леонтьева [37, с. 254–255]. Она же в 1916 г. опубликовала биографии М. И. Глебова и Г. О. Засекина, в которых, как обычно, указала многочисленные источники информации об этих воеводах [29, с. 363–364; 30, с. 263].

В 1913 г. в одном из томов СУАК была опубликована небольшая, но очень содержательная статья **Александра Александровича Гераклитова (1867–1933)** о всех известных к тому времени воеводах Саратова и Царицына за период с 1600 по 1700 г. [38, с. 61–82]. Видимо, автор за основу взял такой же хронологический период, как и в справочнике А. П. Барсукова,



хотя было бы логичнее, если бы данные списки начинались со времен основания этих городов (Царицына с 1589 г. и Саратова с 1590 г.). Данный список является наиболее полным и к нему можно добавить очень немногое. Отметим ряд положительных моментов, которые характеризуют данный список воевод Саратова.

Во-первых, А. А. Гераклитов впервые привел основные этапы биографии всех известных воевод за период 1600–1700 гг. с указанием источников информации и уточнил годы воеводства на Саратове, имена и отчества ряда воевод (Вешнякова, Усова, двух Ляпуновых). Он отметил, что были в Саратове два брата Ляпуновы – *Андрей (1695–1696) и Федор (1697–1698) Григорьевичи* Ляпуновы, *стольник Матвей Михайлович* Вешняков (1685), *стольник Андрей Лаврентьевич* Усов (1693–1694) [38, с. 70]. Курсивом выделены новые сведения о воеводах (даты, имена, отчества).

Гераклитов ввел в оборот многие неизвестные ранее источники информации, включая особо ценные описания МАМЮ, все три тома АМГ, привел новые сведения из КР, ДР, Дополнений к ДР и из других источников, которые предыдущие исследователи использовали недостаточно, к примеру, выяснив имя второго стрелецкого головы в Саратове Никифора Михайловича Кошелева, который служил при воеводе Г. Н. Орлове и был награжден за многие заслуги.

Следует отметить особое внимание А. А. Гераклитова к родословиям отдельных дворянских родов. В частности, из исследования В. С. Арсеньева о роде Исуповых [39, с. 46] взята довольно любопытная информация о воеводе Саратова Г. С. Исупове. Об этом же воеводе А. А. Гераклитов привел сведения из его челобитной (ссылку, откуда взята данная челобитная, Гераклитов не указал), а также из труда В. В. Шереметевского «Басурманская неволя». Из родословного сборника кн. А. Б. Лобанова-Ростовского Гераклитову стал известен воевода Саратова М. Ф. Ознобишин (хотя это имя ранее неоднократно упоминалось в 1893 г. в одном из трудов СУАК – «Дело о Беклемишевском острове», публикация В. П. Юрьева) [21, с. 217–219, 224].

Во-вторых, по сравнению с предыдущими списками воевод Саратова, составленными А. И. Шахматовым, Ф. Ф. Чекалиным и А. П. Барсуковым, А. А. Гераклитов дополнил данный список новыми именами воевод правобережного Саратова после 1674 г. (напомню, что А. А. Голомбьевский ограничил свои исследования только периодом 1650–1675 гг.). У А. А. Гераклитова указаны несколько новых имен воевод Саратова. Это Ознобишин Михаил Федорович (1677), о котором уже неоднократно говорилось, Нармацкий Иван (1681), Козлов Иван Петрович (1681–1682). Сюда же можно включить и Федора Ляпунова (1697–1698), о котором ранее ничего не сообщалось.

С момента публикации труда Гераклитова прошло 110 лет, и за весь этот период не было предпринято никаких попыток уточнить список воевод Саратова за период 1590–1700 гг., не считая трудов некоторых исследователей об основателе Самары, Царицына и Саратова князе Г. О. Засекине. Только известный саратовский краевед **Виктор Николаевич Семенов (1937–2016)** во втором издании своей книги дополнил список Гераклитова новыми сведениями о некоторых воеводах правобережного Саратова. В заслугу этому краеведу можно поставить то, что он единственный, кто сумел составить общий список и краткие биографии всех начальных людей города от кн. Г. О. Засекина и вплоть до настоящего времени, доведя этот список до губернаторов Д. Ф. Аяцкова, П. Л. Ипатова и В. В. Радаева [28, с. 28–30].

Автору этих строк пришлось фактически стать продолжателем дела А. А. Гераклитова, применительно к воеводам первоначального и левобережного Саратова. По сравнению с наиболее полным списком А. А. Гераклитова выявлено мало новых имен, в основном они касаются первоначального Саратова периода 1590–1609 гг. За первые 10 лет существования города (этим периодом Гераклитов особенно не занимался, у него список начинается с 1600 г.) обнаружены новые имена воевод Саратова, составлены их подробные биографии, в том числе – Бориса Владимировича Лодыгина (1601–1603) [40, с. 379–388], Михаила Григорьевича Вольнского (1597–1600), уточнены годы воеводства Ивана Григорьевича Вольнского (1594–1597) [41, с. 65–71].

За самый драматический период истории существования первоначального Саратова в Смутное время обнаружены новые воеводы – Борис Никифорович Давыдов (1603–1604) [42, с. 7–16] и Степан Никифорович Чепчугов (1608), составлены биографии некоторых из воевод этого времени [43, с. 228–240; 44, с. 92–98].

Что касается левобережного Саратова, то здесь находки намного скромнее – обнаружены неизвестные ранее воеводы Яков Гаврилович Писемский (1641–1643) и Василий Александрович Чоголков (1646–1648) [45, с. 383–393; 46, с. 47–58]. Уточнены годы воеводства, отчества некоторых начальных лиц, к примеру, Федора *Петровича* Борятинского. Составлены подробные биографии всех воевод левобережного Саратова за период 1616–1662 гг. Всего таких воевод оказалось 20 чел. (от кн. Ф. Т. Черново-Оболенского до И. И. Косагова), из них 6 начальных лиц вошли в книгу о воеводах левобережного Саратова [47], а биографии остальных 14 воевод были за последние 10 лет опубликованы преимущественно в «Известиях СГУ» (Ф. И. Чемоданов, А. Ф. Наумов, кн. И. Ф. Шаховской, Я. Г. Писемский, А. Ф. Болтин, В. А. Чоголков, кн. Ф. П. Борятинский, В. Г. Феофилачев, А. П. Чириков, В. В. Неледин-



ский, Н. И. Головин, Д. В. Хитрово, И. И. Косагов, И. В. Самарин).

Однако в вопросе о воеводах Саратова остается еще много «белых пятен». Ни в словарях, ни в других исследованиях еще не разобраны биографии оставшихся воевод левобережного Саратова за 1660-е гг., вплоть до взятия Саратова Степаном Разиным в августе 1670 г. Это воеводы Алексей Путятин, Иван Борятинский, Кузьма Лутохин. Много неясностей имеется в опубликованной недавно биографии воеводы И. В. Самарина [48, с. 5–16].

Это же касается почти всех 13 воевод нового правобережного Саратова за период 1674–1700 гг., за исключением Ф. И. Леонтьева и М. И. Глебова (их достаточно подробные биографии содержатся в РБС), а также М. Ф. Ознобишина, чья биография была опубликована впервые М. Ю. Романовым в 2023 г. [49, с. 284–294]. Думается, что специалистам по истории России последней четверти XVII в. – времени сыновей и дочери царя Алексея Михайловича (Федора, Софьи, начального периода царствования Петра Первого) впереди предстоит еще много работы, с которой, будем надеяться, они успешно справятся, и в биографиях начальных лиц Саратова рассматриваемого периода не останется белых пятен.

Р. С. Уже после написания данной статьи в ноябре 2023 г. вышел в свет справочник о воеводах всех городов Русского государства за период 1693–1703 гг. Таких городов, включая засечные черты и дворцовые волости, оказалось в книге 420. Составитель данного справочника **Валерий Дмитриевич Кочетков** на основании документов Печатного приказа привел уточненные данные о начальных людях Саратова за указанный период. Из данного списка воевод выясняется, что в январе 1694 г. временно после отъезда воеводы А. Л. Усова в Москву обязанности воеводы Саратова исполнял Тихон Шахматов, который передавал дела новому воеводе стольнику А. Г. Ляпунову. Аналогичная ситуация произошла в ноябре 1698 г., когда воевода Ф. Г. Ляпунов по приказу из Москвы уехал в столицу, а город Саратов «ведал» до приезда нового воеводы стольника А. Я. Новосильцев еще один представитель рода Шахматовых – Федор Шахматов [50, с. 278–279]. Так что некоторые сведения саратовского краеведа А. И. Шахматова о службе своих предков подтверждаются документальными источниками.

Список литературы

1. Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1902. 611 с.
2. Майорова А. С. Изучение истории Саратовского Поволжья в первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 242–249. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-2-242-249>
3. Леопольдов А. Ф. Исторический очерк Саратовского края. М. : В типографии С. Селивановского, 1848. [4], 196 с.
4. Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина // Исторические монографии и исследования / издание Д. Е. Кожанчикова : в 12 т. Т. 2. СПб. : Типография Товарищества «Общественная Польза», 1863. С. 201–380.
5. Шахматов А. И. Исторические очерки города Саратова и его округа, составленные А. И. Шахматовым / под ред. Вл. Г. Вучетич. Саратов : Типо-лит. П. С. Феокритова, 1891. [4], XII, 206, 17 с., 3 л. ил., карт.
6. Царский наказ астраханским воеводам князю Сицкому и Пушкину. 1591 г.: Донесение царю Федору Ивановичу воевод Саратова Григория Засекина и Федора Турова // Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (далее – АИ) : в 5 т. СПб. : В Типографии 2-го Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1841. Т. 1, № 230. С. 436–446.
7. Холмогоров В. И. Из письма В. И. Холмогорова // Труды Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). Саратов : Типография губернского земства, 1891. Т. 3, вып. 2. С. XXVI–XXVII.
8. Из Хронографа, принадлежащего историографу Карамзину (Столяровский список) // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / собрал и издал Андрей Попов (приложение к Обзору Хронографов русской редакции). М. : Типография А. И. Мамонтова и К. Большая Дмитровка, д. № 7, 1869. С. 321–379.
9. Книга, а в ней писан разряд 125 года / публ. И. Д. Беляев // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских : в 25 кн. М. : В Университетской типографии, 1849. Кн. 3 (Материалы). С. 1–140.
10. Сметный список 139 году / публ. И. Д. Беляев // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских : в 25 кн. М. : В Университетской типографии, 1849. Кн. 4 (Смесь). С. 18–51.
11. Список материалов по археграфии Саратовского края, хранящихся в московском главном архиве министерства иностранных дел и его библиотеке // Протокол V общего собрания СУАК от 28 октября 1887 г. / под ред. Н. Соколова. Приложение 1. Саратов : Типография Губернского Правления, 1887. С. 1.
12. Гоздаво-Голомбиевский А. А. Грамоты по Саратову, хранящиеся в Московском архиве Министерства Юстиции (№ 10794–10823) // Труды СУАК. Саратов : Типография Губернского Земства, 1888. Т. 1, вып. 4. С. 439–455.
13. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен // Сочинения : в 18 кн. М. : Голос, 1995. Кн. 6, т. 11–12. 736 с.



14. *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки: ежемесячное иллюстрированное издание. 1892. № 3 (март). М.: Издание антикварной книжной торговли П. П. Шибанова, 1892. С. 210–217.
15. *Чекалин Ф. Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. / [соч.] Ф. Ф. Чекалина; С рис. старого Саратова Олеария. Саратов: Пар. скоропеч. Губ. правл., 1892. [2], 81 с., 1 л. фронт. (ил.).
16. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина (издание «Русской беседы») / сост. А. Попов. М.: В типографии Л. Степановой, 1857. 268 с.
17. *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова: записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1892. 26 с.
18. Разрядная книга 1559–1602 (1604) // Синбирский сборник. Историческая часть / издатели П. Л. Н. Языковы, А. Хомяков, Д. Валуев. М.: В типографии А. Семена, 1845. С. 1–154.
19. [Хитрово Ф. Н.]. Родословная книга рода Хитрово. СПб.: В типографии В. Н. Майкова, в Деп. Мин. Фин. на Дворцовой площади, 1866. XXIII, 334 с.
20. *Лобанов-Ростовский А. Б., князь.* Русская родословная книга: в 2 т. Т. 2 (Издание второе). СПб.: Издание А. С. Суворина, 1895. 488 с.
21. *Юрьев В.* Материалы к истории городского землевладения // Труды СУАК. Т. 4, вып. 3. Саратов: Типография Губернского Земства, 1893. Приложение 1. С. 215–225.
22. *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. Т. 1: Князья Черниговские: в 3 ч. Ч. 2. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. 545 с.
23. *Рабинович Я. Н.* Воевода Саратова князь Федор Петрович Борятинский (1648–1650) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История, Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 506–516. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-506-516>
24. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII века. Дополнение (Б, Г, Е, К–Я) / публикация Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 11 / гл. ред. А. В. Матисон. М.: Старая Басманная, 2022. С. 255–424.
25. *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий: в 2 т. Т. 2 (М–Я). СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1887. 972 с.
26. *Воейков Ювеналий, игумен.* Историческое родословие благородных дворян Воейковых... М.: Университетская типография, 1792. [2], [1–10], II, IV, 11–152, XVIII с., 2 л. ил., 4 л. табл., [1] л.
27. *Семенов В. Н.* Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов: Надежда, 1998. 352 с.
28. *Семенов В. Н.* Правители земли Саратовской. Саратов: ООО «Волга», 2014. 272 с.
29. *Корсакова В.* Глебов, Михаил Иванович // Русский биографический словарь (далее – РБС): в 25 т. Т. 5: Герберский – Гогенлоэ / под ред. Н. П. Чулкова. М.: Издание Императорского русского исторического общества; типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. С. 363–364.
30. *Корсакова В.* Засекин, Григорий Осипович, князь // РБС: в 25 т. Т. 7: Жабокритский – Зяловский / под ред. Е. С. Шумигорского и М. Г. Курдюмова. М.: Типография главного управления уделов, 1916. С. 263.
31. *Лихач Е.* Оболенский, Федор Тимофеевич-Черный, князь // РБС: в 25 т. Т. 12: Обезьянинов – Очкин / издан под наблюдением председателя РИО А. А. Половцова. СПб.: Типография главного управления уделов, 1905. С. 51.
32. *Лихач Е.* Ознобишин, Михаил Федорович // РБС: в 25 т. Т. 12: Обезьянинов – Очкин. СПб., 1905. С. 199.
33. *Е. Л.* Орлов, Григорий Никитич // РБС: в 25 т. Т. 12: Обезьянинов – Очкин. СПб., 1905. С. 354.
34. *Симанский В.* Чемесов, Степан Васильевич // РБС: в 25 т. Т. 22: Чаадаев – Швитков. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1905. С. 142.
35. *Бенешевич В.* Чемоданов, Федор Иванович // РБС: в 25 т. Т. 22: Чаадаев – Швитков. С. 146.
36. *Корсаков Д.* Шаховской Иван Федорович Большой, князь // РБС: в 25 т. Т. 22: Чаадаев – Швитков. С. 580–581.
37. *Корсакова В.* Леонтьев, Федор Иванович // РБС: в 25 т. Т. 10: Лабзина–Ляшенко / под ред. Н. Д. Чечулина и М. Г. Курдюмова. СПб.: Типография главного управления уделов, 1914. С. 254–255.
38. *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов: Типография Союза Печатного дела, 1913. С. 61–82.
39. *Арсеньев В. С.* Исуповы. Орел: Типо-литография Е. А. Турчаниновой, 1912. [2], 45–58 с. (отд. оттиск).
40. *Рабинович Я. Н.* Борис Владимирович Лодыгин, воевода Саратова (1591–1593) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История, Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 379–388. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-379-388>
41. *Рабинович Я. Н.* Воеводы Саратова братья Иван и Михаил Вольнские (1594–1600) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения, 2013. Т. 13, вып. 4. С. 65–71.
42. *Рабинович Я. Н.* Личности Смутного времени: Борис Никифорович Давыдов // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 11 / гл. ред. А. В. Матисон. М.: Старая Басманная, 2022. С. 7–16.
43. *Рабинович Я. Н.* Саратов в Смутное время (1604–1614) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 228–240. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-2-228-240>
44. *Рабинович Я. Н.* Саратовский воевода Владимир Владимирович Аничков (1607–1608) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 92–98.
45. *Рабинович Я. Н.* Неизвестный воевода Саратова – Яков Гаврилович Писемский // Известия Саратов-



- ского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 383–393. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-383-393>
46. Рабинович Я. Н. Окольничий Василий Александрович Чоглоков: страницы биографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 47–58.
47. Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641) / под ред. С. А. Мезина. 2-е изд. перераб. и доп. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2014. 228 с. : ил.
48. Рабинович Я. Н. Левобережный Саратов при воеводе Иване Васильевиче Самарине (1668–1670) // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории : сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Чолахян. Саратов : Наука, 2021. Вып. 13. С. 5–16.
49. Романов М. Ю. Человек и его время: государев стольник Михаил Федорович Ознобишин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 284–294. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-284-294>
50. Воеводы, приказчики городов, засечных черт и дворцовых вотчин Русского государства 1694–1703 гг. : справочник / сост., авт. предисл. В. Д. Кочетков. Чебоксары : Новое время, 2023. 392 с.

Приложение

Общий список воевод Саратова (1590–1700 гг.)

Условные обозначения

- (Л) – 1848 г. – Леопольдов
 (Ш) – 1891 г. – Шахматов
 (Гол) – 1892 г. – Голомбиевский
 (Ч) – 1892 г. – Чекалин
 (Б) – 1902 г. – Барсуков
 (Гер) – 1913 г. – Гераклитов
 (Р) – Рабинович

Жирным шрифтом автором статьи выделены публикации подробных биографий

Воеводы первоначального Саратова (1590–1609)

- 1590 – князь Григорий Осипович Засекин (Ш), воевода и Федор Михайлович Туров, голова (Ш)
 1590–1591 – Федор Михайлович Туров, голова (Р)
1591–1593/94 – Борис Владимирович Лодыгин, воевода (Р)
1593/94–1597 – Иван Григорьевич Волынский, воевода (Ш)
1597–1600 – Михаил Григорьевич Волынский, воевода (Р)
 1600–1603 – Григорий Федорович Елизаров, голова (Б)
1603–1604 – Борис Никифорович Давыдов, воевода (Р)
 1604–1606 – точных сведений нет

- 1606–1607 – Замятня Иванович Сабуров (Л), воевода и **Владимир Владимирович Аничков, голова (Ш)**
 1608 – Степан Никифорович Чепчугов, воевода (Р)

Воеводы левобережного Саратова при царе Михаиле Романове (1616–1644)

- 1616–1620 – князь Федор Тимофеевич Черново-Оболенский, воевода (Ш)**
1620–1622 – князь Ефим Федорович Мышецкий, воевода (голова?) (Ч)
1622–1623 – Константин Никитич Шушерин, голова (Ч)
1623–1626 – Федор Иванович Чемоданов, воевода (Ч)
1626–1630 – Григорий Никитич Орлов, воевода (Ч)
1630–1632 – Степан Васильевич Чемесов, воевода (Ш)
1632–1634 – Андрей Федорович Наумов, воевода (Ч)
1634–1637 – Григорий Иванович Феофилачев, воевода (Ш)
1637–1638 – князь Иван Федорович Большой Шаховский, воевода (Б)
1638–1642 – Григорий Никитич Орлов, воевода (Б)
1642–1644 – Яков Гаврилович Писемский, воевода (Р)

Воеводы левобережного Саратова при царе Алексее Михайловиче (1644–1674)

- 1644–1646 – Аверкий Федорович Болтин, воевода (Б)**
1646–1648 – Василий Александрович Чоглоков, воевода (Р)
1648–1650 – князь Федор Петрович Борятинский (Горбун), воевода (Гол)
1650–1652 – Василий Григорьевич Феофилачев, воевода (Ш)
1652–1654/55 – Алексей Пантелеевич Чириков, воевода (Ш)
1654/55–1657 – Василий Васильевич Нелединский, воевода (Гол)
1657–1659 – Никита Иванович Головин, воевода (Гол)
1659–1660 Даниил Варфоломеевич Хитрово, воевода (Ш)
1660–1662 Иван Иванович Косагов, воевода (Гол)
 1662–1664 Федор Иванович Леонтьев, воевода (Гол)
 1664–1666 Алексей Богданович Путятин, воевода (Гол)
 1666–1668 Иван Михайлович Борятинский, воевода (Гол)
1668–1670 Иван Васильевич Самарин, воевода (Гол)



1670 Кузьма Иванович Лутохин (до 15 августа 1670) (Л), (Ч)

1672–1674 Федор Иванович Леонтьев, воевода, Лев Савлуков, дьяк (Гол)

**Воеводы правобережного Саратова
(1674–1702)**

1674–1676 Михаил Иванович Глебов, воевода (Ш)

1676–1678 Михаил Федорович Ознобишин, воевода (Гер)

1678–1680 Михаил Юрьевич Воейков (Р)

1680–1681 Гаврила Семенович Исупов, воевода (Ч)

1681 Иван Нармацкий (Гер)

1681–1682 Иван Петрович Козлов, воевода (Гер)

1682–1683 Федор Матвеевич Козловский, воевода (Ш)

1685 Матвей Михайлович Вешняков, воевода (Ш)

1688 Максим Никифорович Кологривов, воевода (Ш)

1689 Даниил Трофимович Наумов, воевода (Ш)

1691–1692 Никита Семенович Нестеров, воевода (Ш)

1693–1694 Андрей Лаврентьевич Усов, воевода (Ш)

1695–1696 Андрей Григорьевич Ляпунов, воевода (Л)

1697–1698 Федор Григорьевич Ляпунов, воевода (Гер)

1698–1702 Алексей Яковлевич Новосильцев, воевода (Ш)

Поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 10.02.2024

The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 247–254
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 247–254
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-247-254>, EDN: LNDDMK

Научная статья
УДК [94+343.812](470.45-25)|1904|

Из истории борьбы политических заключенных за свои права: бунт в Царицынской тюрьме



Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и археологии, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, AuthorID: 285433

Аннотация. В статье при исследовании событий, связанных с бунтом заключенных в Царицынской тюрьме в июне 1904 г., всесторонне изучены различные аспекты пребывания политических арестантов в тюрьмах Российской империи с акцентом на изучение тактики и методов их противостояния с тюремной администрацией, которые они артикулировали как борьбу за свои права и достоинство, рассматривая ее как продолжение революционной борьбы с царизмом. Показаны условия и причины вызревания бунта как эксцесса противостояния политических арестантов с тюремной администрацией, проанализированы его последствия.

Ключевые слова: Царицынская тюрьма, политические арестанты, провокация, тюремный бунт, революционная борьба

Для цитирования: Варфоломеев Ю. В. Из истории борьбы политических заключенных за свои права: бунт в Царицынской тюрьме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 247–254. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-247-254>, EDN: LNDDMK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

From the history of the struggle of political prisoners for their rights: The riot in Tsaritsyn prison

Yu. V. Varfolomeev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuri V. Varfolomeev, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, AuthorID: 285433

Abstract. In the article, when researching the events related to the riot of prisoners in Tsaritsyn prison in June 1904, various aspects of the stay of political prisoners in prisons of the Russian Empire are comprehensively considered, with an emphasis on the study of tactics and methods of their confrontation with the prison administration, which they articulated as a struggle for their rights and dignity, considering it as a continuation of the revolutionary struggle with tsarism. The article shows the conditions and causes of the maturation of the riot, as an excess of confrontation between political prisoners and the prison administration, and analyzes its consequences.

Keywords: Tsaritsyn prison, political prisoners, provocation, prison riot, revolutionary struggle

For citation: Varfolomeev Yu. V. From the history of the struggle of political prisoners for their rights: The riot in Tsaritsyn prison. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 247–254 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-247-254>, EDN: LNDDMK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Особое место в изучении различных сторон истории пенитенциарной системы и революционного движения в Российской империи занимает сюжет, связанный с пребыванием в местах заключения государственных, или, как их наиболее часто называют, политических преступников, осужденных по статьям «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» и относящихся к специальному разделу «О преступлениях государственных». Пребывание «политических» в тюрьмах позднеимперской России было со-

пряжено, безусловно, с тяжелыми условиями содержания, однако на протяжении всего времени отбывания наказания революционеры настойчиво и отчаянно вступали в противоборство с тюремной администрацией, используя при этом различные формы и методы сопротивления. Это противостояние проходило под лозунгами отстаивания своих прав и человеческого достоинства, а рассматривали они его как продолжение своей революционной борьбы с царским режимом. Наиболее распространенными из этих спосо-



бов были подача жалоб и прошений, протесты, бойкоты, обструкции и демонстрации, а крайними, хотя и более редкими, формами этого противостояния являлись тюремный террор, вооруженное сопротивление (восстание), а также погромы и массовые беспорядки (бунты). Одним из таких проявлений борьбы революционеров-заключенных за свои идеалы, цели и отстаивание гражданских прав в царских застенках был бунт, организованный политическими арестантами в Царицынской тюрьме в июне 1904 г.

В широкой историографической палитре изучения различных сторон формирования и деятельности пенитенциарной системы дореволюционной России вопросам содержания политических заключенных в царских тюрьмах посвящено относительно небольшое количество исследований. В основном акцент делался на изучении быта и повседневности арестантов. Впервые непосредственно к проблеме отбывания наказания политическими заключенными обратился Н. Д. Тахчогло [1]. В последующем, особенно в первые годы советской власти, этот вопрос приобрел актуальное звучание.

Существенный импульс научным изысканиям и опубликованию источников личного происхождения по этой теме придавала многоплановая деятельность Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В 20–30-е гг. прошлого века в основном под эгидой этой общественной организации был издан целый ряд работ, в которых рассматривались различные стороны пребывания политических заключенных в местах заключения царской России, а также методы их противостояния с тюремной администрацией в борьбе за свои права. Эти работы были написаны, можно сказать, «по горячим следам», под свежим впечатлением пережитого и личного арестантского восприятия авторами тюремной действительности, и с этой точки зрения, данный материал, безусловно, представляет ценность для исследователей как репрезентация их перцептивного опыта и посттравматической психологической рефлексии бывшего политзаключенного. Вместе с тем они отличаются ярко выраженной субъективностью в анализе специфики содержания и различных сторон пребывания государственных преступников в местах заключения и в ссылке. Так, например, известный пушкинист, журналист и историк общественно-го движения России П. Е. Щеголев, испытавший на своем личном опыте 8-месячное заключение и несколько лет ссылки, со знанием дела, хотя и болезненно, описывал особенности пребывания политического заключенного в царских застенках и специфику арестантского быта [2].

Особое внимание заслуживает работа М. Н. Гернета, непосредственно освещающая различные стороны тюремной психологии, в первую очередь политических заключенных [3]. В 50-х гг. прошлого века вышло пятитомное

фундаментальное издание Гернета, посвященное истории царской тюрьмы, в котором автор, основываясь на богатом эмпирическом материале пенитенциарных учреждений, в частности, европейской части Российской империи, уделит отдельное внимание исследованию различных вопросов арестантского быта, специфике коммуникаций и поведения политических заключенных, методам их противостояния с чинами тюремной администрации и борьбой за смягчение режима содержания [4].

Новый этап в изучении истории политической каторги и ссылки приходится на 1960–1970-е гг. В течение ряда лет выходили в свет продолжающиеся издания, как, например, «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)» [5], посвященные пребыванию политических каторжан в самых известных и крупных сибирских центрах – Нерчинском и Александровском. Вместе с тем, как уже отмечалось, характерной особенностью большинства работ, относящихся к советскому периоду историографии по рассматриваемой теме, являлся обвинительный уклон в характеристике царской пенитенциарной системы и гиперболизация проблем в условиях содержания политических заключенных. К подобным работам следует отнести труды Н. А. Троицкого, который, исследуя историю народнического движения и политические судебные процессы, раскрывал и различные стороны противостояния революционеров с институтами карательной системы царизма, включая следствие, суд и пенитенциарные учреждения [6].

Отказ от подобной доминирующей тенденции в исследовании данной проблематики и появление альтернативных точек зрения стали возможны в постсоветскую эпоху. Начиная с 90-х гг. XX в. появляются научные работы, свободные от одностороннего идеологического подхода, в которых сюжеты, связанные с изучением тех или иных аспектов отбывания наказания политическими арестантами, рассматриваются с разных сторон. Современные исследователи изучают разнообразные аспекты тюремного быта и арестантской повседневности как уголовных, так и государственных преступников. В частности, этой проблематике посвящены обобщающие работы Д. И. Акбердеевой [7], А. Н. Косикова [8], Д. А. Калининой [9] и С. В. Щебалкова [10]. Между тем для данного исследования наибольший интерес представляют работы, в которых акцент делается на анализе условий содержания, повседневной жизни и поведении политических заключенных в царской тюрьме. Это труды Д. И. Дмитриева [11], А. А. Киселева [12], А. П. Михеева [13], З. В. Мошкиной [14], Н. Г. Шенмайера [15] и др. В контексте этого направления исследований заслуживает внимание статья А. Ю. Морозовой [16], в которой рассматривается формирование в среде революционеров,



отбывавших наказание в 1870–1880 гг., своеобразного комплекса идеологических и морально-этических установок, обозначаемых как «кодекс поведения» политзаключенных в тюрьме и на каюте.

Проведенный историографический анализ темы исследования позволяет сделать вывод о том, что на данный момент проблема изучения феномена бунта политических заключенных как эксцесса их противостояния с тюремной администрацией и борьбы за свои права не получила широкого освещения. В качестве работ, изучающих крайние проявления сопротивления политических заключенных с властями, таких как тюремный террор (нападения революционеров на сотрудников пенитенциарной системы Российской империи), массовые беспорядки, бунт или вооруженное сопротивление, можно назвать исследования Э. Р. Кадикова [17] и О. Н. Квасова [18], а также фрагмент монографии Ю. В. Варфоломеева, в котором рассматриваются различные аспекты так называемого «Романовского» дела – вооруженного сопротивления властям (восстания) политических ссыльных в Якутии в феврале – марте 1904 г. [19]. Региональный срез проблематики, близкой по теме данной статьи, нашел отражение в работах А. Т. Ташпековой, рассмотревшей положение и права политических арестантов как особой категории заключенных в тюрьмах Саратовской губернии [20] и Ю. В. Варфоломеева, исследовавшего правовую регламентацию и организацию деятельности пенитенциарных учреждений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в. [21]. Между тем на данный момент существует только одна работа, в которой упоминается бунт в Царицынской тюрьме, произошедший в июне 1904 г. – это статья Т. А. Кусаинова, в целом посвященная некоторым вопросам содержания заключенных и их тюремной повседневности на примере пенитенциарных учреждений Саратовской губернии в начале прошлого века [22].

Исторический сюжет, непосредственно касающийся бунта политических арестантов в Царицынской тюрьме в 1904 г., в силу целого ряда причин, о которых далее пойдет речь, занимает особое место, но в научной литературе, к сожалению, подробно не рассматривался, и это обстоятельство предопределяет актуальность и новизну настоящего исследования. Таким образом задача статьи состоит в выяснении причин, характера, целей и последствий бунта в Царицынской тюрьме 1904 г.

События, которые привели к бунту в Царицынской тюрьме, стали исподволь разворачиваться еще в конце мая – начале июня 1904 г. Выявляя причину и точку отсчета произошедших массовых беспорядков, начальник тюрьмы А. Харин в рапорте своему непосредственному начальнику – Саратовскому губернскому тюремному инспектору С. И. Новакову со знанием

дела утверждал: «Бунт произошел исключительно благодаря влияния на уголовных, прибывших из Саратова 21 мая пятнадцати политических заключенных» [23, л. 14]. Случаи разлагающего влияния «политических» на заключенных, отбывающих срок по общеуголовным статьям, отмечались и в других тюрьмах империи и, очевидно, имели общероссийскую устойчивую тенденцию распространения. Аналогичную ситуацию упоминает в своей статье Д. И. Акбердеева: «Тобольский губернский тюремный инспектор, посетивший Тюменский тюремный замок, распорядился перевести политзаключенных в особое помещение с отдельным коридором, “чтобы окончательно изолировать политических от уголовных”, т. к. было замечено, что “политики” имеют на уголовных развращающее влияние, подстрекая их к неповиновению и нарушению дисциплины» [7, с. 65]. Судя по всему, провоцирование уголовных арестантов на неповиновение тюремной администрации и нарушение дисциплины было не случайным, а сознательно проводилось политическими заключенными для дезорганизации режима содержания и при необходимости придания большего масштаба массовым беспорядкам и погромам.

Неформальный, но общепринятый и повсеместно соблюдаемый своеобразный «моральный кодекс» революционера, находящегося в стенах царских узилищ, гласил, что «лучше умереть, чем претерпеть оскорбление в своем человеческом достоинстве» [24, с. 214]. Революционная гордыня и нетерпимость вступали в непримиримое противоречие буквально со всеми правилами, которые были установлены в местах заключения царской России. «Формы протеста были разными, – вспоминал С. Анисимов, – арестанты на поверках не вставали, отказывались убирать камеры, демонстративно пели революционные песни, сбивали кандалы. Иногда протесты выражались в виде криков, стуков и ударов в дверь, битья стекол в окнах и ломания мебели» [24, с. 203]. Между тем сложившаяся практика подобных действий показывает, что начальной и наиболее распространенной формой выражения протеста или, точнее, сопротивления «политических» с тюремной администрацией в их тактике по планомерному расшатыванию дисциплины в пенитенциарных учреждениях были, прежде всего, жалобы на притеснения, грубое обращение со стороны надзирателей, а также подача различных просьб, мотивированных улучшением условий содержания.

Не стала исключением и Царицынская тюрьма, дестабилизирующие процессы в которой развивались именно по такому же сценарию. С прибытием в тюрьму 21 мая 1904 г. большой группы политических арестантов заметно увеличился поток с их стороны различных обращений к начальству, приобретающих все более настойчивый и даже требовательный характер. При



этом «петиции» заключенных для убедительности подкреплялись демонстративным и дерзким нарушением установленного в местах заключения порядка – политические арестанты отказывались вставать перед сотрудниками тюрьмы, убирать свои камеры, вели переговоры через окна камер, распевали революционные песни и т. п. Такие вызывающие и демонстративные действия один из участников тех событий – политический заключенный Г. Г. Сушкин – не случайно определил в своих воспоминаниях именно как «демонстрация» [25, с. 3].

Эскалация протестных настроений и деструктивных действий политических заключенных в Царицынской тюрьме совпала с прибытием в город 12 июня 1904 г. Начальника Саратовской губернии П. А. Столыпина, который стал не просто свидетелем этих событий, но и предпринял энергичные меры по снятию напряженности в пенитенциарном учреждении. В Царицыне «меня ждали беспорядки в тюрьме, – писал он жене. – Начальство потеряло голову, и боялись меня пускать в тюрьму: революционные песни раздавались по всей тюрьме, и виновных начальство боялось наказать». По мнению губернатора, вина за неспособность пресечь эти беспорядки лежала на тюремной администрации: «Оказалось, что начальство просто струсило. <...> У страха глаза велики» [26, л. 78], – резюмировал он. Между тем самонадеянный и отчасти беспечный тон письма губернатора свидетельствовал о том, что он, судя по всему, опрометчиво списал все проблемы на нерешительность тюремного начальства и недооценил потенциальную опасность вызревавшего в недрах тюрьмы бунта.

По итогам своего двухдневного визита губернатор приказал Харину подготовить обобщенный доклад о всех «просьбах и желаниях, каковые высказывали большинство политических заключенных Царицынской тюрьмы» [23, л. 1]. Начальник тюрьмы незамедлительно исполнил это поручение и уже 14 июня представил П. А. Столыпину рапорт, в котором подробно изложил все, существовавшие на тот момент требования политических арестантов. Всего было высказано 14 различных просьб, большинство из которых затрагивали бытовые стороны и вопросы повседневной жизни «политических» в заключении.

Одной из важнейших сторон повседневности политических арестантов являлись вопросы, связанные с актуализацией своей информированности о проблемах общественно-политической жизни страны через легальную прессу, а также интеллектуальным развитием посредством чтения различных книг. Эти потребности были отражены в пунктах 10, 11 и 13 предъявленных тюремной администрации требований. В частности, они добивались разрешения от тюремного начальства производить обмен книгами, поставляемыми им через контору тюрьмы еженедельно,

а также обращали внимание на необходимость пополнения тюремной библиотеки новыми книгами (предпочтительно научного содержания) и при этом дать им право выбора закупаемых книг [23, л. 1]. Ни одно из этих требований «политических» не встретило каких-либо возражений со стороны высокого тюремного начальства. Так, Саратовский губернский тюремный инспектор в своем докладе губернатору сообщал: «Пополнение тюремной библиотеки (п. 11) безусловно желательно. <...> По соглашению тех же лиц можно бы производить обмен книг (п. 10), принадлежащих заключенным» [23, л. 5]. Более того, губернский тюремный инспектор уточнил, что по его указанию начальник тюрьмы еще в мае 1904 г. обращался к частным лицам за благотворительной помощью для закупки книг и собрал для этой цели 70 руб. Правда, выбор закупаемых книг оставался за начальником тюрьмы, товарищем прокурора и жандармским офицером, курировавшими данное пенитенциарное учреждение [23, л. 5].

Между тем среди пожеланий революционеров-арестантов, радевших, как значилось в их политических декларациях, за нужды и права простого народа, встречались и такие, которые явно не ассоциировались с образом беззаветных борцов за народное счастье, и готовых на все тяготы и лишения, в том числе и связанные с их пребыванием в застенках. Например, «политические», очевидно заботясь о своем отдыхе и сне, просили перенести уборку камер с 6 на 8 ч утра. Причем для уборки камер они ходатайствовали нанять на свои средства специальную прислугу – хожалого (служителя при полиции для разных поручений), так как грязная, неквалифицированная работа, очевидно, не соотносилась с высоким предназначением их политической деятельности. Также они просили перевести всех политических из среднего этажа в верхний – более тихий и в определенном смысле более «комфортный» в данной тюрьме. Заботясь о личной гигиене, «политические» просили «улучшить одиночную баню» (п. 14), а в случае невозможности или ремонта таковой они соглашались мыться в общей [23, л. 2].

Буквально по «горячим следам» после визита П. А. Столыпина 18 июня 1904 г. Царицынскую тюрьму посетил Саратовский губернский тюремный инспектор С. И. Новаков и после встреч с бузотерами доложил губернатору: «...Ни одной основательной претензии на порядок содержания заключенных мне не явили, – сообщал он. – В частности, политические арестанты подтвердили мне те ходатайства, с которыми они обратились к Вашему Превосходительству» [23, л. 5].

Однако, как выяснилось, некоторые из просьб вступали в явное противоречие с существовавшими на тот момент законодательными актами, регламентировавшими порядок



и условия содержания под стражей, а также циркулярными распоряжениями Главного тюремного управления и поэтому носили заведомо неисполнимый характер. Руководитель Тюремного отделения Саратовской губернии, детально проанализировав все 14 пунктов просьб «политических», в докладе П. А. Столыпину сделал выводы о возможности (невозможности) их исполнения.

Из всех ходатайств, изложенных в рапорте начальника тюрьмы от 13 июня за № 1532 пункты 1–3, по мнению руководителя пенитенциарных учреждений губернии, не подлежали удовлетворению, так как «допущение общей кассы для выписки и выбора старосты неизбежно привело бы к единению всех политических между собою, а разрешение перевода денег друг другу запрещено законом (ст. 134 Уст. Сод. под стражей) явилось бы, кроме того, несправедливостью по отношению прочих заключенных» [23, л. 5]. Среди просьб заключенных было и желание добиться разрешения от тюремных властей пользоваться в камере ножами и вилками (пункт 5). На что губернский тюремный инспектор отреагировал вполне ожидаемым и обоснованным отказом: иметь арестантам в камере колющие и режущие предметы «пока нельзя разрешить в виду склонности ныне содержащихся в тюрьме политических к порче дверей, столов и подоконников, и возбуждения их против тюремных порядков» [23, л. 5 об]. Неприемлемым С. И. Новаков посчитал также и наем «политическими» специального уборщика в свои камеры, а также их перевод на 3-й (верхний) этаж. По этому пункту, изобличая хитрую задумку «политических», он пояснял губернатору, что на верхнем этаже шире подоконники, что позволяло им более удобно вести переговоры через окна с другими арестантами, и, кроме того, «из окон 3-го этажа легче переговариваться с лицами, стоящими на железнодорожной насыпи, к чему только и стремятся политические арестанты» [23, л. 5 об]. По другим просьбам, изложенным в рапорте, губернский тюремный инспектор принципиальных возражений не высказал, а лишь уточнил порядок и условия их исполнения. В итоге П. А. Столыпин, внимательно изучив докладную записку С. И. Новакова, полностью согласился с его выводами и предложениями по всем пунктам ходатайств политических заключенных.

Во время нахождения в Царицыне высокопоставленного начальника из Саратова арестанты вели себя внешне сравнительно спокойно, но переговоры все-таки были замечены, и двое уголовных, уличенных в этом, по распоряжению губернского тюремного инспектора были препровождены в карцер. Разубеждая С. И. Новакова в обманчивом характере затишья в арестантской среде, начальник тюрьмы А. Харин докладывал ему, что «население тюрьмы ведет себя

крайне беспокоило и вызывало как к администрации, так и к надзору, предъявляя к ним всевозможные неисполнимые требования» [23, л. 12]. Однако губернский тюремный инспектор, судя по всему, не внял озабоченности начальника тюрьмы. Напротив, рассуждая о факторах, приведших к массовым нарушениям дисциплины в Царицынской тюрьме, Новаков в докладе губернатору в качестве основной причины указал на то, что именно начальник тюрьмы не принял своевременных и должных мер «к обузданию прибывших 21 мая из Саратовской тюрьмы арестантов плохого поведения. Видя, что первые проступки прошли для них безнаказанно, они продолжили всячески нарушать тюремный порядок» [23, л. 5 об]. При отъезде из Царицына губернский тюремный инспектор приказал начальнику тюрьмы не оставлять без соответствующего взыскания ни одного проступка, что, по его мнению, поможет установить нормальный порядок в тюрьме. Между тем главной целью поездки С. И. Новакова в Царицын, несмотря на сложную обстановку в пенитенциарном учреждении, был, по его свидетельству, осмотр тюрьмы для необходимого ремонта и составление приблизительной сметы на эти цели [23, л. 5 об].

После последовавших один за другим визитов в Царицынскую тюрьму высокопоставленных царских чиновников, казалось бы, уже ничего не предвещало драматичного развития событий. Однако, спустя несколько часов после отъезда губернского тюремного инспектора, в тюрьме стали разгораться беспорядки, формальным поводом для которых послужили мотивированные отказы тюремной администрации в удовлетворении заведомо неисполнимых требований политических арестантов. Всякий раз при подобном отказе заключенные начинали производить невообразимый шум, громко кричали и стучали в двери камер. Беспорядки, начавшиеся вечером 19 июня 1904 г., постепенно усиливались. Ни уговоры, ни увещания, ни угрозы со стороны служащих тюрьмы не привели к успокоению разбушевавшихся заключенных и водворению порядка. Более того, раздражение и агрессия арестантов стали только возрастать, и в ночь с 19 на 20 июня они несколько раз требовали освободить Макарова и Щукина, помещенных накануне в карцер по приказанию губернского тюремного инспектора, а получив отказ, стали сильно возмущаться и проявлять свое негодование уже ставшими традиционными методами – шумом, криками, стуками в двери [23, л. 12].

Спланированный и хорошо продуманный характер разворачивающегося бунта подтверждают данные о поведении арестантов, зафиксированные служащими тюрьмы. Так, по свидетельству начальника тюрьмы, «в течение ночи



с 19 на 20 июня арестанты о чем-то тихо договаривались, часто повторяли: «возьмем и поставим на своем» [23, л. 12 об]. Поводом к началу второй и самой мощной фазы беспорядков днем 20 июня послужил категорический отказ А. Харина на повторное ультимативное требование арестантов немедленно освободить заключенных, посаженных в карцер. Сразу после этого, как по команде, заключенные начали кричать, свистеть, ругаться и бить в звонки дверей камер. В связи с крайним обострением обстановки начальник тюрьмы вынужден был принять «самые энергичные меры», на что ему указал перед отъездом из Царицына губернский тюремный инспектор.

Однако, не желая придавать этим событиям громкий и скандальный характер, Харин решил восстановить порядок в тюрьме силами подчиненного ему состава без привлечения войск. С этой целью он вместе с помощниками, надзирателями и наместовавшими на тот момент в тюрьме несколькими низшими чинами конвойной команды одновременно арестовал в некоторых одиночных камерах наиболее сильно бунтующих заключенных. В результате были задержаны 12 самых активных бунтовщиков, оказавших отчаянное и упорное сопротивление при аресте: Лоскуткин, Рытин, Быков, Наливаев, Гостинянский, Никифоров, Ухмылин, Горячев, Иванов, Дмитриев, Корякин, Антошкин [23, л. 13]. Причем у некоторых из них при задержании были изъяты ножки от кроватей, куски разбитых жестяных чегонашек и части рундуков, которые они использовали в качестве оружия. Во время задержания, которое продолжалось 30 мин, находившиеся в карцере арестанты стучали в двери, кричали, ругались и пытались помешать арестовывать бунтующих соратников. При этом 62 заключенных, находившихся в общих камерах, вели себя, по словам начальника тюрьмы, относительно сдержанно, несмотря на требования заключенных в одиночных камерах присоединиться к ним для производства беспорядков [23, л. 13 об]. Несмотря ни на что, начальнику тюрьмы и его подчиненным в течение нескольких часов удалось усмирить бунтовщиков и водворить в вверенном им пенитенциарном учреждении порядок.

Оценивая последствия бунта, начальник тюрьмы констатировал, что во время беспорядков были испорчены замки и сильно расшатаны двери, разбиты мебель и утварь, отбита штукатурка и пр. В своем докладе Саратовскому губернскому тюремному инспектору об этом происшествии А. Харин утверждал, что первоначальная подстрекательская и организаторская роль в этих беспорядках принадлежала «политическим», хотя непосредственно бунт был «произведен большинством уголовных» [23, л. 14]. Начальник тюрьмы в своем рапорте обратил внимание еще на одну немаловажную деталь.

В ходе бунта политические арестанты также били в двери и громили тюремное имущество в камерах, но каких-либо орудий у них не было найдено, а поэтому они и не были задержаны. Эта хитрая, заранее продуманная уловка «политических» позволила им формально остаться в стороне от беспорядков и «выйти сухими из воды», а «уголовные как менее развитые и сильно нравственно испорченные буйствовали в открытую» [23, л. 14], – точно подметил А. Харин. Все факты, приведенные начальником тюрьмы, свидетельствовали о том, что «политические» ловко и цинично использовали «уголовных» в своих целях, отведя им роль разъяренной массовки в тюремных беспорядках.

В ходе последующего расследования тюремного бунта был выявлен еще целый ряд опасных фактов, освещавших произошедшие события с неожиданной стороны. Посетивший тюрьму до апогея беспорядков губернатор П. А. Столыпин писал: «Я два дня подряд просидел там по несколько часов, политические подолгу со мною разговаривали, обещались не петь и вести себя разумно – посадил в карцер всего только двух уголовных, и всё, кажется, успокоилось» [26, л. 78]. Однако успокоение, воображаемое тогда губернатором, как показали дальнейшие события, действительно было только кажущимся. Столыпин, самонадеянно уверовавший в успех своей миссии по умиротворению политических арестантов, даже не подозревал, что они, со слов дежурного надзирателя С. Верещагина, подслушавшего их разговор, готовы были расправиться с губернатором, «...если он только будет сечь, то будет убит, а Полянский политический подтверждает, что ежели он только будет нас сечь, то он в скором времени будет убит. Даже не проживет и месяца в своей губернии» [23, л. 15]. Одновременно с этим «политические» угрожали сомневающимся или несогласным с их действиями арестантам, предупреждая их, что, если кто «дерзнет поспешать исполнять» требования тюремной администрации, «будут жестоко карать» [23, л. 13 об].

Наряду с этим в ходе проверки удалось раскрыть замысел готовящегося побега политических арестантов из пересыльной тюрьмы. Во время обыска у пересыльного каторжанина Арефьева было обнаружено, что его кандалы подпилены и подвязаны тоненькой бичевой. В его постельных принадлежностях был также найден деревянный станок для пилки, сама пилка и кошка для перелезания через стену. При более тщательном осмотре оконных решеток камеры было обнаружено, что при нажиме ломались толстые железные пруты каждой секции оконной решетки. Оказалось, что железные прутья сверху и снизу были подпилены, но снизу места надпила были замазаны хлебом с пылью, чтобы охранники не смогли этого заметить [23, л. 17]. Побег, очевидно, хотели совершить пересыльные



каторжане во время бунта. Массовые беспорядки и буйство уголовных 20 июня 1904 г. должны были отвлечь надзирателей, и, воспользовавшись этим, несколько политических арестантов, приговоренных к каторге, вполне беспрепятственно могли совершить побег. Таким образом, была раскрыта, по-видимому, истинная цель организации «политическими» бунта в Царицынской тюрьме – помочь соратникам совершить побег.

Подводя итоги исследования бунта заключенных в Царицынской тюрьме в июне 1904 г. как апогея противостояния политических арестантов с тюремной администрацией можно сформулировать следующие выводы:

1. Политическим арестантам, прибывшим в Царицынскую тюрьму, потребовался всего месяц для того, чтобы дестабилизировать обстановку в тюрьме, расшатать тюремные порядки и вызвать массовые беспорядки, переросшие в тюремный бунт 20 июня 1904 г.

2. Руководство и служащие Царицынской тюрьмы в описываемых событиях действовали в строгом соответствии с циркулярами и инструкциями, регламентировавшими порядок и условия содержания заключенных, но при этом нередко проявляли нерешительность и запоздалость в реагировании на противоправные действия политических арестантов.

3. «Политические» действовали подстрекающе и разлагающе на всех заключенных, постоянно внушали им не подчиняться администрации, настойчиво требуя от последней исполнения своих желаний, прошений, идущих вразрез с нормами тюремного законодательства, и подкрепляя свои действия оскорблениями, угрозами и пением революционных песен.

4. Политические заключенные, спровоцировав и срежиссировав тюремный бунт, использовали в нем в качестве основной деструктивной силы уголовных арестантов, оставаясь при этом, как правило, «за кулисами» массовых беспорядков.

Возможно, истинной целью бунта в Царицынской тюрьме была попытка побега политических заключенных, подготовившихся к этому заранее, а массовые беспорядки должны были сыграть роль отвлекающего маневра в реализации этого замысла.

Список литературы

1. *Тахчогло Н.* Об условиях отбывания наказания политическими заключенными // *Право*. 1907. № 20. Стб. 1428–1432.
2. *Щеголев П. Е.* Узники Алексеевского равелина. Из истории знаменитого каземата. М. : Вече, 2019. 560 с.
3. *Гернет М. Н.* В тюрьме: Очерки тюремной психологии. М. : Право и жизнь, 1925. 148 с.
4. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Госюриздат, 1960–1963. Т. 5. 310 с.
5. Ссылные революционеры в Сибири : сборник : в 12 вып. / под ред. Н. Н. Щербакова. Иркутск : [Б. и.], 1973–1991. Вып. 11. 259 с.
6. *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М. : Мысль, 1978. 335 с.
7. *Акбердеева Д. И.* Повседневная жизнь политических заключенных Тобольской губернии в начале XX в. // *Genesis: исторические исследования*. 2019. № 10. С. 61–77. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.10.30752>
8. *Косиков А. Н.* История и особенности арестантского быта в тюрьмах Российской империи в межреволюционный период (1907–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2020. 187 с.
9. *Калинина Д. А.* Повседневная жизнь политических ссыльных в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 249 с.
10. *Шебалков С. В.* Повседневность политических заключенных в тюремных учреждениях Российской империи 1887–1917 гг. (на материалах губерний Европейской части страны) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. 325 с.
11. *Дмитриев Д. И.* Революционная деятельность большевиков в каторжных тюрьмах Восточной Сибири (1907–1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1989. 249 с.
12. *Киселев А. А.* «Попав в одиночное заточение, они догорали тут, как зажженные свечи»: к вопросу о повседневной жизни революционера в российской тюрьме во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Омского государственного университета. Серия «Исторические науки»*. 2018. № 1 (17). С. 49–56.
13. *Михеев А. П.* Борьба социал-демократического подполья Западной Сибири против террористического режима царских тюрем (1905–1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1988. 282 с.
14. *Мошкина З. В.* Политическая каторга в России и социально-психологический облик политкаторжан : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 394 с.
15. *Шенмайер Н. Г.* Эсеры в каторжных тюрьмах Восточной Сибири 1907–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1997. 229 с.
16. *Морозова А. Ю.* Складывание «кодекса поведения» политзаключенных в тюрьме и на каторге в 1870-е – 1880-е гг. // *В ритме времени*. Фронтовик. Учитель. Историк: памяти доктора исторических наук Б. С. Итенберга : сборник статей и материалов / отв. ред. О. В. Будницкий, В. В. Шелохаев. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2018. С. 82–97.
17. *Кадиков Э. Р.* Об эсеровском «тюремном терроре» в Сибири в начале XX в. // *Проблемы историографии и источниковедения отечественной и всеобщей истории : сборник научных статей / отв. ред. А. В. Якуб, В. П. Корзун*. Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2011. С. 31–40.
18. *Квасов О. Н.* Тюремный террор революционеров в Российской империи // *Вестник Томского госу-*



- дарственного университета. История. 2021. № 72. С. 44–49. <https://doi.org/10.17223/19988613/72/6>
19. Варфоломеев Ю. В. «Серебряный век» русской адвокатуры : в 4 ч. Ч. 2 : «Молодая адвокатура» на политических процессах в России (конец XIX – начало XX века). Саратов : Издательство Саратовского университета, 2015. 416 с.
 20. Ташкекова А. Т. Политические арестанты в России в конце XIX – начале XX века (по материалам тюрем Саратовской губернии) // Проблемы борьбы с терроризмом и экстремизмом с учетом современных реалий : сборник научных статей межведомственной конференции (Саратов, 21 сентября 2022 г.) / отв. ред. Н. В. Кириленко. Саратов : Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2022. С. 84–89.
 21. Варфоломеев Ю. В. Правовая регламентация и организация деятельности пенитенциарных учреждений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века в контексте реализации тюремной реформы 1879 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 316–321. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-316-321>
 22. Куцаинов Т. А. Некоторые аспекты содержания и повседневности политических заключенных в начале XX века (по материалам тюремного отделения Саратовского губернского правления) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 3. С. 154–160. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.3.84.015>
 23. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 446 (Саратовская губернская тюрьма и исправительно-арестантское отделение № 2 Тюремного отделения Саратовского губернского правления. г. Саратов. 1803–1918). Оп. 2. Д. 29.
 24. Анисимов С. Бунт в Тобольской каторжной тюрьме // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 200–224.
 25. Сушкин Г. Г. В тюрьмах, 1902–1904 гг.: (Воспоминания). М. : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. 24 с.
 26. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1662 (Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), министр внутренних дел, председатель Совета Министров). Оп. 1. Д. 230.

Поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 03.02.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 03.02.2024; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 255–263
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 255–263
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-255-263>, EDN: LTBQAE

Научная статья
УДК [94+355.426](470.46)|1919|

Оборона частями Красной Армии дельты реки Волги в сентябре – ноябре 1919 года



С. В. Гнидо

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гнидо Сергей Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, gsv.1996@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9751-4136>, AuthorID: 1148426

Аннотация. В настоящей статье анализируется малоизученный сюжет Гражданской войны на территории Астраханского края. Целью исследования стало изучение боевых действий соединений 11-й армии, составляющих оборону дельты р. Волги осенью 1919 г. Участок обороны дельты р. Волги, включавший в себя западный (Яшкульское и Кизлярское направления) и восточный (Джамбайское направление) боевые участки, был создан 24 августа 1919 г. На Джамбайском направлении вплоть до середины ноября 1919 г. ставилась задача активной обороны своего участка, которая сменилась приказом о ликвидации противника. На Кизлярском направлении красным войскам была поручена задача остановки продвижения белых войск с их последующим уничтожением. За сентябрь – ноябрь 1919 г. все задачи, поставленные перед командованием участка обороны дельты р. Волги, были успешно выполнены.

Ключевые слова: оборона дельты р. Волги, Туркестанский фронт, Юго-Восточный фронт, 11-я армия РККА, Джамбайское направление, Кизлярское направление, В. Г. Мейер

Для цитирования: Гнидо С. В. Оборона частями Красной Армии дельты реки Волги в сентябре – ноябре 1919 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 255–263. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-255-263>, EDN: LTBQAE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Defense of the Volga River delta in September–November 1919

S. V. Gnido

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey V. Gnido, gsv.1996@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9751-4136>, AuthorID: 1148426

Abstract. This article explores a little-studied subject of the civil war in the Astrakhan region. The purpose of the research was to study the combat operations of the 11th Army compounds, which made up the defense of the Volga River delta in the fall of 1919. The Volga River delta defense area, which included the western (Yashkul and Kizlyar directions) and eastern (Dzhambay direction) battle areas, was created on August 24, 1919. In the Dzhambay direction up to the middle of November 1919 the task of active defense of its area was set, which was replaced by the order to eliminate the enemy. In the Kizlyar direction the red troops were assigned the task of stopping the advance of the white troops with their subsequent destruction. In September–November 1919, all the tasks assigned to the command of the Volga River delta defense area were successfully accomplished.

Keywords: defense of the Volga river delta, Turkestan front, Southeastern front, 11th Army of the Red Army, Dzhambay direction, Kizlyar direction, V. G. Meyer

For citation: Gnido S. V. Defense of the Volga River delta in September–November 1919. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 255–263 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-255-263>, EDN: LTBQAE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

До настоящего времени такому важному событию Гражданской войны, как оборона дельты р. Волги осенью 1919 г. красными войсками, уделено незаслуженно мало внимания. Лишь немно-

гие авторы в своих трудах прямо или косвенно затрагивали эту тему.

Одной из первых публикаций, посвященных данной теме, является труд Р. Н. Мордвино-



ва «Волжская военная флотилия в Гражданской войне (1918–1920)», в котором в основном рассматриваются действия этой флотилии. Указанный автор уделил также внимание действиям Волжско-Каспийской военной флотилии по обороне дельты р. Волги в 1919 г. [1]. В 1960 г. вышла книга П. С. Сысоева и И. И. Парфентьева «Астраханский фронт Гражданской войны и В. В. Куйбышев» [2]. Книга В. Т. Сухорукова «XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918–1920 гг.» стала первым трудом, в котором описывался боевой путь 11-й армии РККА [3]. В том же году вышла монография Н. В. Мушкатерова «Оборона Астрахани и разгром контрреволюционных сил в Астраханском крае 1918–1920 гг.» [4].

В самом конце XX в. были опубликованы две краеведческие работы местных авторов. Оба труда – «Природа и история Астраханского края» [5] и «История Астраханского края» [6] – в некоторой степени затрагивают события Гражданской войны на территории региона. Заметный вклад в историографию гражданской войны на Нижней Волге внесла монография О. В. Шеина «Астраханский край в годы революции и Гражданской войны (1917–1919)» [7], которая восполнила многие пробелы в истории Гражданской войны в Астраханском крае.

И все же до сих пор в этой теме остаются отдельные «белые пятна». Среди них привлекает внимание такой важный сюжет, как оборона дельты р. Волги в сентябре – ноябре 1919 г., который историки чаще всего упоминают лишь вскользь.

В данном исследовании рассматриваются боевые действия соединений 11-й армии РККА, действовавших в дельте р. Волги и объединенных в участок ее обороны с начала сентября по конец ноября 1919 г.

Определенную составную часть источниковой базы настоящей статьи составляют документы сборника «Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917–1920 гг.)» [8]. Они существенно дополнены материалами Российского государственного военного архива (РГВА), в частности документами фонда № 107 «Управление Юго-Восточного фронта», в котором хранятся оперативные сводки 11-й армии РККА, впервые вводимые в научный оборот. В региональном Государственном архиве новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) также хранятся ценные материалы Гражданской войны, непосредственно затрагивающие проблему настоящей статьи, значительная часть из которых также впервые используется в научной публикации.

К концу августа – началу сентября 1919 г. военно-политическая ситуация, сложившаяся на участке р. Волга от Царицына до Астрахани, внушала серьезное беспокойство руководству Советской республики. К этому времени войска Кавказской армии П. Н. Врангеля удерживали Царицын, захваченный ими 30 июня. Взятие Царицына открывало возможность соединения войск

Вооруженных сил Юга России с Уральской Отдельной армией генерала В. С. Толстова, на чем особенно настаивал П. Н. Врангель, который видел в соединении с белыми силами на востоке России главное условие победы над красными. По вопросу выбора направления дальнейшего наступления между ним и А. И. Деникиным имелось расхождение во взглядах, происходили перепалки. Опубликованная 3 июля главнокомандующим Вооруженных сил Юга России «Московская директива» определяла для Кавказской армии основным направлением наступления Саратов–Ртищево–Балашов и далее на Москву, вспомогательным – соединение войск армии с уральскими казаками.

Правому флангу армии П. Н. Врангеля была поставлена задача содействия войскам Северного Кавказа (командующий И. Г. Эрдели), в частности «Астраханскому отряду» Д. П. Драценко, захватить Астрахань. Таким образом, армия П. Н. Врангеля была нацелена на два направления: на саратовское и черноморское (для наступления на Астрахань) [9, с. 172; 10, с. 143–146]. К этому времени из Уральской Отдельной армии генерала В. С. Толстова, которая базировалась в Гурьеве и снабжалась из Порт-Петровска (ныне Махачкала), был выдвинут 1-й Особый Астраханский отряд полковника Сережникова. 19 июня он захватил Ганюшкино, где расположился его штаб. В течение июля им были взяты Кобяковка, Сафоновка, Голубево, Телячье, Тюбек и Рожок. В результате отряд Сережникова стал непосредственно угрожать Красному Яру, из-за чего к концу августа командование 11-й армии было вынуждено выделить войска для защиты Красного Яра и Астрахани с этого направления [7, с. 733–734].

Для срыва похода А. И. Деникина на Москву советскому руководству необходимо было предпринять комплекс мер, одной из которых была ликвидация белых войск в устье р. Волги, для чего к концу августа красным командованием был разработан план контр наступления совместными усилиями войск Южного и Туркестанского фронтов, в котором последнему была отведена второстепенная роль.

Со стороны Туркестанского фронта в операции должны были принять участие войска 11-й армии, которой 15 августа была поставлена задача пробиваться к Царицыну [11, с. 65–66]. 11-я армия была создана приказом командования Восточного фронта от 14 августа 1919 г. путем переименования Астраханской группы, входящей в состав Южной группы Восточного фронта, и включения ее в состав Туркестанского фронта [12, с. 532; 13, л. 71]. Командующим армией был назначен В. П. Распопов (с 26 сентября 1919 г. – Ю. П. Бутягин) [14, с. 236].

Формирование штаба 11-й армии проходило под наблюдением командующего армией В. П. Распопова, начальника штаба В. В. Шевелева



и членов Реввоенсовета В. В. Кураева и В. В. Куйбышева [13, л. 72]. С 3 сентября 1919 г. в состав Реввоенсовета 11-й армии был включен С. М. Киров [12, с. 541]. Его деятельная работа сыграла важную роль в организации обороны Астрахани и проведении успешных боевых действий против врага. Подробно деятельность С. М. Кирова на посту члена Реввоенсовета 11-й армии была описана в книге коллектива авторов «Астраханский фронт Гражданской войны и С. М. Киров» [15]. В 2017 г. попытку оценить работу С. М. Кирова в Астрахани в годы Гражданской войны предприняли в своей статье А. С. Бисенгалиева и Е. В. Каргаполова [16]. К сожалению, в статье не раскрыта тема, заявленная ее авторами.

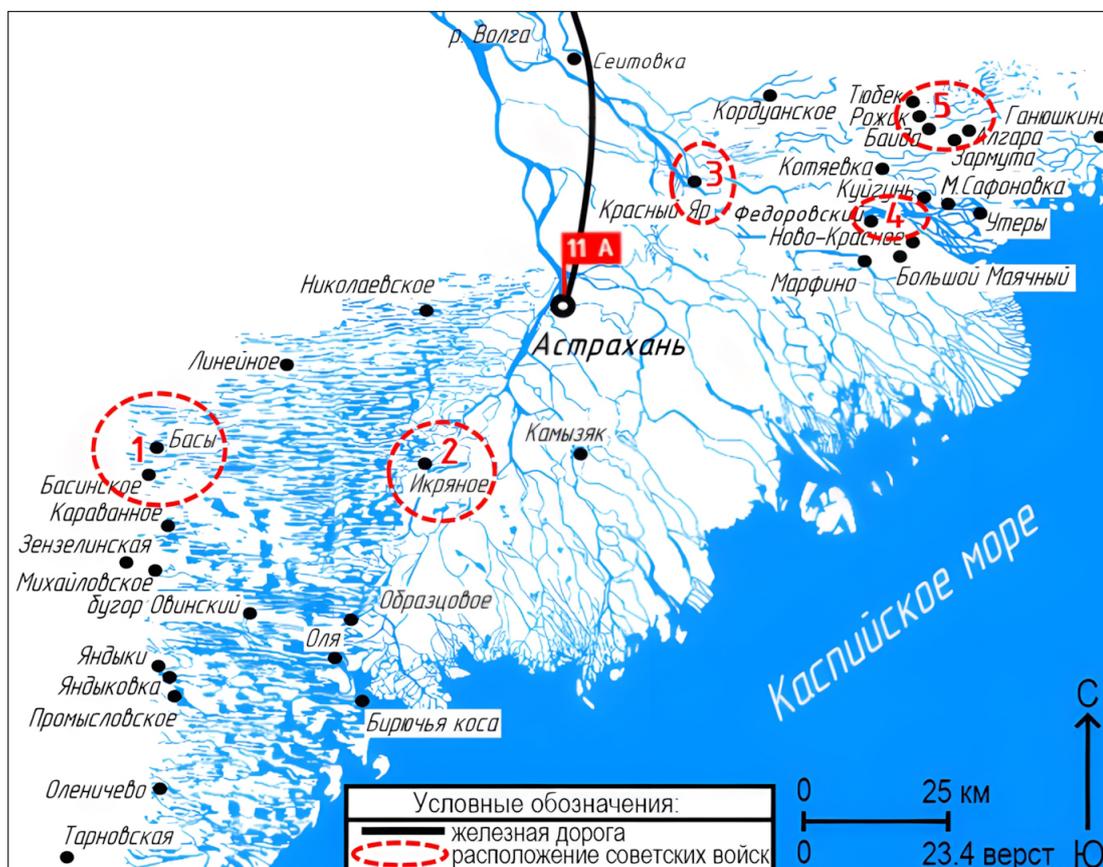
Приказом по 11-й армии № 1 от 24 августа соединения армии, действовавшим на разных направлениях, были определены задачи, которые они должны были выполнять.

Согласно приказу Кизлярский (западный в направлении Яшкуль и Кизляра) и Джамбайский (восточный в направлении Ганюшкино) боевые участки в дельте р. Волги соединялись в «участок обороны дельты р. Волги», к руководству которым приступил помощник начальника 34-й стрелковой дивизии М. Г. Мейер [17, л. 28]. Также в распоряжении начальника обороны дельты р. Волги

находился один из отрядов Волжско-Каспийской военной флотилии (4 невооруженных судна) [17, л. 4]. Указанным приказом М. Г. Мейеру поручалась оборона своего участка и подступов к Астрахани, а также остановка продвижения белых частей, наступающих от Бассы к Линейному на Кизлярском направлении, с последующим уничтожением его сил совместными действиями сухопутных войск и флота [17, л. 28].

Из-за особенностей рельефа местности (множества отдельных островков, рукавов и ериков) и малого числа дорог имели место быть недостаточное снабжение войск, нехватка воды и провизии, вследствие чего практически все бои в дельте р. Волги сводились к действиям вдоль дорог и по побережью моря, которые проводились силами мелких отрядов, способных быстро передвигаться. По этим же причинам оборона дельты р. Волги составляла два направления, которым из-за отсутствия мостов через р. Волгу зачастую было сложно взаимодействовать.

К 30 августа советские подразделения и части, входившие в состав обороны дельты р. Волги, располагались на большом расстоянии друг от друга в виде пяти группировок войск (рисунок). На Кизлярском направлении действовали две группировки войск. Первая группировка (на карте



Карта расположения советских войск, входивших в состав обороны дельты р. Волги (по состоянию на 30 августа 1919 г.)



отмечена цифрой «1») располагалась в районе Басинского и включала в себя 2-ю батарею 1-го легкого артиллерийского дивизиона 34-й стрелковой дивизии, отряд коммунаров М. Л. Аристова, 4-й отдельный кавалерийский дивизион и полубатарею 1-го легкого артиллерийского дивизиона 34-й стрелковой дивизии при нем (другая полубатарея вместе со 2-й отдельной полубатареей располагалась в Астрахани). Вторая группировка войск (на карте – «2») включала в себя 302-й полк 2-й бригады 34-й стрелковой дивизии и располагалась в Икряном.

На Джамбайском направлении располагались три группировки войск. Первая (на карте – «3») дислоцировалась в районе Красного Яра и состояла из двух батальонов 299-го стрелкового полка и 9-й роты батальона ВЧК. Вторая (на карте – «4») представляла собой 2-ю роту батальона ВЧК, которая располагалась у промысла Федоровского. Третья (на карте – «5») обороняла район Рожок, Байда, Тюбек, Алгара. Группировка состояла из 1-й батареи 1-го легкого артиллерийского дивизиона 34-й стрелковой дивизии, 1-го и 2-го эскадронов 3-го Горского кавалерийского дивизиона (находилась в районе Алгары) [18, л. 9–11].

Общая численность войск на участке обороны дельты р. Волги составляла 1550 чел. пехоты и 370 кавалеристов при 53 пулеметах и 4 орудиях [3, с. 228].

Созданной для защиты дельты Волги группировке красных на Кизлярском направлении к этому времени противостояли части под командованием генерала Д. П. Драценко («Астраханский отряд») в составе 84-го Ширванского и 1-го Астраханского рыбного пехотных полков, 16-го Терского и 7-го Кубанского пластунских батальонов, 1-го, 2-го Кизлярско-Гребенских, 1-го Сунженско-Владикавказского, 5-го Кабардинского кавалерийских полков [19, л. 44]. Части отряда в значительной степени были сформированы из красных дезертиров и перебежчиков из Астрахани и его силы на 1 сентября 1919 г. составляли до 1700 чел. пехоты, 510 кавалеристов, 18 пулеметов, 8 орудий [17, л. 1]. В течение некоторого времени снабжение отряда, начиная с 14 мая, шло из Порт-Петровска с помощью парусных рыбацких шхун, из которых был составлен отряд под командой капитана 1-го ранга К. К. Шуберта, доставлявший отряду Д. П. Драценко провизию, боеприпасы и перевозивший раненых в тыл [20, с. 344–345].

Обязанности начальника Джамбайской группы в это время исполнял Горностаев [17, л. 30]. Против частей группы действовал 1-й Особый Астраханский отряд полковника Сержникова, входящий в состав Уральско-Астраханского корпуса генерала Тетруева [17, л. 1, 44]. Отряд состоял из двух пехотных и одного кавалерийского полков. Силы отряда на 1 сентября составляли до 2200 чел. пехоты, 600 кавалеристов, 20 пулеметов, 4 орудия. Бойцы отряда были завербованы

из дезертиров (выходцев из Астраханской губернии), казаков и насильно мобилизованных крестьян [17, л. 1]. В июне отряд овладел селами Ганюшкино и Джамбай (30 верст северо-восточнее Ганюшкино) [6, с. 614].

Во исполнение приказа № 1 от 24 августа командующего 11-й армии Красной Армии Кизлярская группа 28 августа перешла в наступление и уже на следующий день заняла поселение Басинское [17, л. 28].

30 августа части Кизлярской группы, продвигаясь дальше, подошли к Зензелинской (4 версты северо-западнее Михайловского). 298-й полк занял Караванное. После этого группе было приказано занять Михайловское [19, л. 8, 16, 45].

3 сентября в районе Образцового примерно в 6.00 обходной колонне под командованием Аверьянова (229-й полк, один батальон и десантный отряд моряков) удалось переправиться на бугор Овинский (15 верст западнее Образцовой). В 12 ч колонна перешла в наступление по направлению Яндыки, к 24 ч ее части находились в 14 верстах восточнее Михайловского, вынудив противника начать спешно отступать к Яндыковке [19, л. 18–19, 24]. 4 сентября отошедшие было белые части контратаковали и продвинулись к Кряжевому бугру (3 версты северо-западнее Образцовой), заставив обходную колонну красных отойти на прежние позиции [19, л. 23]. 5 сентября обходная колонна заняла позиции на бугре Овинском. В этот день белые, получив подкрепление, атаковали правый фланг Кизлярской группы, но, получив отпор, отошли [19, л. 24].

7 сентября красные силами 1-го отдельного кавалерийского дивизиона и 7-й роты 298-го полка с целью разведки и «захвата языков» выполнили обходное движение на Михайловское с атаками на вражеские заставы (было подбито одно орудие, захвачено семь пленных и наведена паника в тылу противника). Затем красные отошли на исходные позиции [19, л. 27].

Утром 10 сентября белые значительными силами (до 300 сабель) повели наступление на правый фланг Кизлярской группы, которое было отбито, однако белые контратаковали и из-за предательства двух рот 302-го полка (красноармейцы этих рот воткнули штыки в землю и пошли навстречу противнику) смогли прорваться к Беркутам (4 версты юго-западнее Михайловского). И все же благодаря командиру 1-го отдельного кавалерийского эскадрона красных Студневу, который вовремя оценил обстановку, белые были отброшены от Беркутов [19, л. 31]. Всего за этот день красные понесли ощутимые потери: 12 бойцов убитыми, 5 пулеметов, две сотни красноармейцев сдались в плен. Утром 11 сентября позиции, занятые накануне противником, были взяты 9-й ротой 302-го полка [19, л. 32]. Но уже в 14 ч со стороны Зензелинской белые выслали разведку к красным заставам. Красные ее обстреляли и вынудили отступить [19, л. 35].



В начале сентября белые активизировались на Джамбайском направлении. В районе Рожок и Зармуты в 8 верстах южнее линии Байда-Тюбек-Рожок завязались бои с переменным успехом [2, с. 57–58; 6, с. 617].

5 сентября белые атаковали части, расположенные у Рожка, взяли его, но были оттуда выбиты. Почти одновременно из Зармуты красными силой до 100 сабель [19, л. 24–25] был выбит 5-й эскадрон 3-го Горского кавалерийского дивизиона белых. Из приказа, найденного у убитого белого офицера, можно понять, что наступали шесть рот Астраханско-Каспийского полка, две сотни кавалерии при 8 пулеметах, двух орудиях и трехдюймовом орудии [17, л. 28]. 6 сентября 5-й эскадрон белых контратаковал и вновь занял село. После занятия Зармуты прежнее положение противоборствующих сил на всем участке Джамбайской группы было восстановлено [17, л. 26]. В последующие дни на участке группы было спокойно.

13 сентября разведка красных установила, что белые готовят наступление на красные части, для чего из Гурьева (197 верст северо-восточнее Ганюшкино) ожидалось пополнение, а в Ганюшкино уже прибыло на рыбацких (так назывался определенный тип рыболовецкого судна) и баржах 8 пулеметов и 100 снарядов [17, л. 36, 42]. 15 сентября противник пытался усиленной разведкой приблизиться к позициям красных [17, л. 43].

15 сентября в 12.35 был подписан приказ войскам 11-й красной армии, который предписывал начальнику обороны дельты р. Волги Мейеру совместными действиями Кизлярской группы, флота и 449-го полка 50-й дивизии захватить Михайловское, Яндыковку, Промысловое, активно уничтожая при этом живую силу противника [19, л. 45]. Согласно приказу Джамбайской группе ставилась задача оборонять участок и вести разведку [17, л. 30]. На протяжении сентября здесь проходили активные атаки белых у Рожка, Алгары и на линии Байда-Тюбек, которые были успешно отбиты [17, л. 31; 19, л. 45].

19 сентября в районе Зармуты части 3-й кавалерийской дивизии красных сбили вражеские посты в 3-х верстах западнее Большой Сафоновки (1 верста северо-западнее Малой Сафоновки), обстреляли во фланг пехотные позиции противника и вернулись без потерь [19, л. 60]. 21 сентября в районе Рожок–Байда–Тюбек белые в 16 ч и в 23 ч открывали сильный пулеметный огонь по окопам 2-го батальона 299-го полка и пытались наступать на Рожок [19, л. 70]. 23 сентября на этом же участке они снова открывали огонь [19, л. 73]. 25 сентября разведка красных обнаружила, что в этот день в Ганюшкино прибыл конный отряд белых в 200–300 чел., а за несколько часов до этого прибыли три английских летчика, два аэроплана и четыре орудия 48-миллиметрового калибра [19, л. 75].

26 сентября крупные силы противника повели наступление на Кордуанскую, глубоко обходя

части Джамбайской группы, но были вовремя обнаружены разведкой, после чего подверглись обстрелу на позициях в 6-ти верстах северо-восточнее Кордуанской. В районе Байда–Рожок–Тюбек белые ночью немного продвинулись и на рассвете 27 сентября артиллерийским огнем обстреливали окопы красных [19, л. 79].

На Кизлярском направлении с 15 по 20 сентября противоборствующие стороны в основном занимались разведкой. 15 сентября в 6.00 красные предприняли глубокую разведку и подошли вплотную к Михайловскому, перерезав на обратном пути телефонную линию противника между Михайловским и Зензелинской, и вернулись к исходным позициям без потерь [19, л. 46]. 17 сентября белые небольшими силами повели наступление в районе Оля с юго-западной стороны, которое красными было отбито [19, л. 53].

20 сентября в 6.00 449-й полк красных начал продвижение к бугру Овинскому, но, пройдя 5 верст от исходного пункта (Образцовой), встретил упорное сопротивление белых, занявших выгодную и хорошо обустроенную позицию с тремя орудиями. К концу дня 449-й полк закрепился в северо-восточной части бугра Овинского [19, л. 62–63]. 21 сентября в 2.30 частями 298-го и 302-го стрелковых полков при поддержке трех дивизионов были взяты Михайловское, Зензелинское, затем красные части заняли позиции в 5–6 верстах юго-западнее Михайловского и в 3 верстах юго-восточнее Зензелинского. Белые понесли большие потери (убитых около 150 чел., красными было захвачено трехдюймовое орудие и несколько пулеметов), после чего они без боя отступили на 10 верст к югу от Михайловского.

Отряду моряков, расположенному в районе Оля, было предписано перейти в наступление на поселение Каря (1,5 версты юго-западнее Оли) и далее на поселение Бирючья Коса [19, л. 69]. Обходной колонне (449-й полк и батальон войск внутренней охраны) было приказано сбить противника с позиции на бугре Овинском, после чего она перешла в движение и, находясь к концу дня в 13 верстах южнее Михайловского, соединилась с главной группой войск [19, л. 69, 72]. Десантный отряд моряков к концу дня занял Каря [19, л. 72].

В 15.00 Мейеру позвонил временно исполняющий должность начальника штаба Туркестанского фронта Новицкий и потребовал объяснить причины неэффективного наступления Кизлярской группы («почему не проводится глубокий обход во фланг и тыл противника в направлении на Промысловское и в какой мере использована здесь наша флотилия»). Попутно он оценил наступление частей группы на Михайловское, Зензелинский, бугор Овинский как простой лобовой удар, который имел мало шансов на успех и носил характер «простого отжимания противника», в то время как обстановка требовала решительных действий [19, л. 67].



23 сентября в 10.00 части группы перешли в наступление и при приближении к окопам противника в 5–6 верстах севернее Яндыки попали под огонь белых. Однако подразделения наступающей группы сбили их с позиций, после чего белые начали отступать. В 14.30 частями Кизлярской группы были заняты Яндыки и в 20.00 Промысловское. Далее красные части продолжили продвижение вперед. Штаб группы перешел из Басинского в Караванное [19, л. 73–75]. Отряд моряков занял Бирючью косу [17, л. 30].

24 сентября части группы закрепились на позиции, занятой за Промысловской [19, л. 74]. 27 сентября после двухчасового боя с конницей белых части 1-го и 4-го кавалерийских дивизионов сбили противника около 15.00 у Оленичево и заняли это село. Из-за разрушения белыми моста у Оленичево для дальнейшего продвижения частям группы пришлось переправляться через водную преграду вплавь [19, л. 79]. 28 сентября красные части выбили белых из окопов в 4–5 верстах южнее Оленичево, заставив их отойти на 18 верст южнее позиций, занимаемых ранее [19, л. 80]. Начиная с 28 сентября и в течение октября, на Кизлярском направлении боевые действия практически прекратились, противоборствующие стороны ограничивались перестрелками, разведками и редкими налетами аэроплана [17, л. 30].

На Джамбайском направлении с конца сентября и в течение октября между красными и белыми войсками шли бои за Большую и Малую Сафоновки, которые переходили из рук в руки. Эти пункты были важны тем, что открывали речной путь на р. Кигач. В итоге белые части были отброшены за линию Утеры–Большая и Малая Сафоновки–Куйгунь. К этому моменту казачество в белых частях начало деградировать и разлагаться, шли грабежи местного населения. Например, в Котьяевке казаки «отблагодарили» население за радушный прием угоном всего скота. У простых киргизов отнимали животных и имущество. В казачьих войсках разразился тиф. Все это заставило белое командование активнее готовить наступление на Красный Яр [7, с. 734–735]. В дальнейшем согласно приказу Реввоенсовета 11-й армии № 6, направленному в первой половине октября 1919 г. начальнику обороны дельты р. Волги М. Г. Мейеру, на Джамбайском направлении красные войска должны были парализовать силы противника, отражая их активные действия [2, с. 57–58; 6, с. 619].

В середине октября в Ганюшкино белым было переброшено подкрепление – 4 орудия и 8 пулеметов. Со стороны моря их прикрывал корабль «Слава» с 5 пушками на борту и 3 баркаса [7, с. 735]. 20 октября над селом Оленичево вражеские аэропланы сбросили 5 бомб. В результате налета 7 бойцов 298-го полка и 2 верблюда были

ранены. 23 октября противник повторил налет [18, л. 17 об., 33].

26 октября эскадрону 2-го кавалерийского полка удалось зайти в тыл противнику у Казыльбы (10 верст северо-восточнее Рожок), обстрелять его и нанести ему большие потери [18, л. 103 об.]. В первой декаде ноября в Ганюшкино сосредоточился отдельный казачий полк (350 сабель и 300 штыков), из окрестностей Чапчачи были переброшено то, что осталось от отряда Попова. Примерно в это время красным стало известно, что начальник войск белых на Джамбайском направлении полковник Сережников был обвинен в запойном пьянстве, которое систематически повторялось, отстранен от командования и заменен на штабс-капитана Свешникова [7, с. 735].

По состоянию на 29 октября Джамбайская группа Горностаева состояла из 299-го стрелкового полка, 2-го кавалерийского полка 34-й стрелковой дивизии, одной батареи легкого артиллерийского дивизиона [8, с. 477]. Отдельный взвод противосамолетной батареи и батарея 1-го легкого артиллерийского дивизиона 34-й дивизии были расположены в районе Зармуты, Алгары, 33-й авиационный отряд и 4-й истребительный отряд со штабом группы – в Астрахани. Штаб 299-го стрелкового полка располагался в Алгаре [18, л. 100 об.].

На Кизлярском направлении эскадрон 1-го кавалерийского полка 34-й стрелковой дивизии размещался в Зензелинском, два батальона 300-го полка, еще один эскадрон 1-го кавалерийского полка 34-й стрелковой дивизии, взвод 3-й батареи 1-го артиллерийского дивизиона 34-й стрелковой дивизии – в Яндыковке, одна рота 300-го полка в Михайловском, эскадрон отдельной кавалерийской дивизии коммунаров и сводная рота 300-го полка – в Нюрун Худуке, две роты 298-го полка и взвод 2-й батареи 1-го артиллерийского дивизиона 34-й стрелковой дивизии – в Промысловском, два эскадрона 1-го артиллерийского полка и взвод 2-й батареи 1-го легкого артиллерийского дивизиона 34-й стрелковой дивизии – в Оленичево, два батальона 298 полка на позициях – в 5 верстах южнее Оленичево [18, л. 99 об.–100].

Начало ноября на участке Джамбайской группы Горностаева прошло спокойно [7, с. 736]. В первой половине месяца на Кизлярском направлении также не производилось боевых действий [17, л. 35, 43].

В штабе 11-й армии постоянно шла работа по усилению Джамбайской группы и отправке пополнений из Астрахани в Красный Яр. 6 ноября в Астрахани был создан батальон особого назначения 11-й армии в составе одного линейного батальона, одного эскадрона, батареи и трех рот 13-го железнодорожного полка, который затем был направлен водным путем в Красный Яр. 12 ноября две роты 301-го полка, направленные в Красный Яр, прибыли в Сеитовку. Один



батальон курсантов прибыл в пункт назначения. 13 ноября отряд военморов Кожанова и одна рота астраханских командных курсов прибыли на разъезд Бузан, откуда рота была направлена в Кордуанское, а отряд Кожанова – в Сеитовку, другая рота командных курсов прибыла в тот день в Красный Яр. 14 ноября отправленные из Астрахани батальон 298-го полка, два эскадрона 1-го кавалерийского полка 34-й стрелковой дивизии и взвод батареи достигли ватаги (здесь и далее это слово обозначает артель рыбаков) Образцовой для следования в Красный Яр [18, л. 165, 191–191 об., 231 а, 232, 232 а, 241].

9 ноября на Джамбайском направлении части 299-го стрелкового полка, батальон особого назначения и 2-й кавалерийский полк перешли в наступление, в ходе которого за первый день боев заняли ватагу Дамбинская, взяв 3 пулемета и 7 пленных, после чего продвинулись к Афонювке, начав за нее бой [17, л. 44; 18, л. 83 об., 170 об., 176 об.]. 10 ноября в 6.00 части 2-го кавалерийского полка и батальон особого назначения заняли Козыльбу, захватив одно орудие, 9 ящиков снарядов и несколько тысяч ружейных патронов, и продолжили попытки захватить Большую и Малую Сафоновки, но продвижение этих частей и 299-го полка встретило ожесточенное сопротивление противника [18, л. 83 об., 199 об.].

11 ноября красным удалось занять Большую и Малую Сафоновки, но противник в тот же день потеснил красные войска. 12 ноября была оставлена Малая Сафоновка. 13 ноября белые войска начали обходить их левый фланг в направлении на Кордуанскую, вынуждая красных отступать. В течение 4 дней был оставлен весь район Зармута, Тюбек. Части группы отошли на линию Марфино–Ново–Красное–промысел Федоровский–Сурковская (21 верста восточнее Красного Яра)–Кордуанская, потеряв 41 чел. убитыми, 222 ранеными, 28 пулеметов и 340 винтовок. 14 ноября противник занял Кордуанскую, сгруппировав силы в районе Алгары, Сурковской. 15 ноября силами эскадрона он занял промысел Федоровский и Ново-Красное и пытался в течение трех дней продвинуться дальше. Подчиненные командованию участка обороны дельты р. Волги суда Волжско-Каспийской военной флотилии, которые находились у ватаги Дамбинской и промысла Федоровского, вынуждены были отойти до р. Бузан [17, л. 44; 18, л. 185–186, 188 об., 191 об., 204]. В ходе боев части группы постепенно сосредотачивались в районе Марфино [18, л. 192–192 об.]. 16 ноября в Красный Яр прибыло пополнение в составе батальона 298-го стрелкового полка, 2-х эскадронов 1-го кавалерийского полка и взвода 3-й батареи 1-го легкого артиллерийского дивизиона. Они вошли в состав Джамбайской группы [18, л. 249 об. – 250].

16 ноября на Кизлярском направлении с рассветом красные в составе двух батальонов

298-го полка, 1-го кавалерийского полка 34-й дивизии перешли в наступление на Тарновскую и, сломив упорное сопротивление противника, к 8.00 захватили ее, взяв 170 винтовок [18, л. 224, 231]. В плен красным добровольно сдались 100 солдат 30-го Ширванского полка. Часть этого полка, стоявшая в резерве, на глазах у красных бойцов была с помощью плетей угнана в тыл под конвоем пластунов и казаков, размахивавших шашками [18, л. 230 об.].

17 и 18 ноября проходили в работе по укреплению позиций у Тарновской и в усиленной разведке местности [17, л. 44; 18, л. 243]. Когда 19 ноября разведка 298-го полка обнаружила, что населенные пункты Лаганский и Алабужинская свободны от белых, они немедленно были заняты красными частями [18, л. 251–251 об.]. Используя спешный отход противника на юг, части 1-го кавалерийского полка начали вести усиленную разведку в направлениях Величаево (в 170 верстах юго-западнее Зензелинской), Зимняя Ставка Эркененьевского улуса (расположена в 92 верстах юго-западнее Образцового) [17, л. 44].

В напряженных боях, длившихся с 18 ноября, части Джамбайской группы наголову разбили войска белых, которые были сосредоточены в районе Ганюшкино [21, с. 202; 2, с. 64; 17, л. 40]. 18 ноября части группы под командованием Горностаева, усиленные прибывшим из Астрахани подкреплением (один батальон 298-го полка, два эскадрона 1-го кавалерийского полка 34-й стрелковой дивизии, один взвод артиллерии, отряд командных курсов при 8 пулеметах и батальон караульного полка), переходят в решительное наступление [17, л. 41]. Одновременно десантный отряд моряков И. К. Кожанова (3 плавучих батареи и 4 вооруженных парохода) занял Большой Маячный и Ново-Красное [7, с. 737; 18, л. 251 об.].

19 ноября в 1.10 командующий Юго-Восточным фронтом В. И. Шорин приказом № 3998/с поставил командованию 11-й армии задачу ликвидации белых войск на Джамбайском направлении [22, с. 449]. 19 ноября группа при поддержке отряда моряков заняла Кордуанское. После этого противник начал отступать. Красные войска не преследовали отступающих из-за сильной усталости лошадей.

Со следующего дня наступление группы становится все шире и успешнее. Заняты Сурковское, Алгара, незадолго до этого 299-й стрелковый полк и два эскадрона 1-го кавалерийского полка 34-й стрелковой дивизии заняли Марфино [7, с. 737; 17, л. 41; 18, л. 248 об. – 249].

Директива 11-й армии от 21 ноября возлагала на армию задачу ликвидации противника на Джамбайском направлении с последующим продвижением на Кизлярском направлении и установлением связи с Кавказской революционной армией в районе Грозного [17, л. 34].



21 ноября части группы занимают линию Байда–Тюбек и Рожок, а 2-й кавалерийский полк группы внезапным наскоком берет Малую и Большую Сафоновки. Противник беспорядочно отступает, а наступление группы развивается, имея главной целью Ганюшкино [17, л. 41]. 22 ноября в районе Ганюшкино берется в кольцо большая группа белых, которая, несмотря на попытки прорваться, за 2 дня была уничтожена. Части 299-го полка 23 ноября после крайнего упорного боя с большими потерями в командном и рядовом составе взяли Телячье (7,5 верст юго-западнее Ганюшкино) с большим количеством трофеев.

В течение следующих дней проводятся бои на подступах к Ганюшкино [3, с. 235; 17, л. 41; 7, с. 737]. 26 ноября руководство Волжско-Каспийской военной флотилии приказало Арскому принять командование отрядом судов особого назначения в составе двух пароходов и плавучей батареи, выйти из Астрахани на помощь войскам группы в Ганюшкино для высадки десанта в тыл противника. Подойдя к Ганюшкино, суда не смогли пробиться к берегу сквозь лед и были вынуждены вернуться обратно [1, с. 196–197]. 28 ноября белой коннице не удалось прорваться в северо-западном направлении и в результате боя ими было потеряно до 30 чел. убитыми.

29 ноября наступающие полностью сломили сопротивление белых и около 15 ч взяли Ганюшкино [3, с. 235; 17, л. 41; 7, с. 737]. В тот же день Реввоенсовет 11-й армии направил докладную записку командующему Юго-Восточным фронтом В. И. Шорину об успехе на Джембайском направлении [8, с. 510]. В плен взято свыше 1500 чел. (в том числе такие важные военачальники белых, как штабс-капитан Свешников, командиры 1-го и 2-го пластунских полков Ипатов и Серебренников). Было захвачено 6 орудий, 50 пулеметов, 4 исправных гидроплана, более 3 тыс. винтовок, радиостанция и другие трофеи. Взяв село Ганюшкино, части Джембайской группы ликвидировали силы противника на Гурьевском направлении и в Джембайском районе [17, л. 41; 7, с. 737].

Из всего белого отряда Свешникова в степь сумел уйти только Енотаевский партизанский конный полк Анохина (до 1000 чел.) по направлению к Чапчачи. Многие не смогли выдержать этого пути, но белому отряду удалось дойти до Ханской Ставки, разгромив ее и разграбив. Однако дальнейшее наступление в этом районе потеряли для белых смысл, так как со стороны Урала красные войска угрожали им окружением, находясь в 140 верстах от Гурьева. В Нарын-Песках собралось несколько отрядов белых (всего до 4000 чел.). Нахождение здесь было для них смертельно опасным и они отошли дальше по направлению на Кайсацкую и Гурьев [7, с. 738–739].

Большая часть Джембайской группы красных была отправлена в Астрахань. Остались лишь

небольшие кавалерийские отряды, которым было поручено контролировать весь район восточнее Ганюшкино в направлении на Джембай и далее к Гурьеву. Производившаяся в течении декабря в этом направлении разведка нигде противника не обнаружила [17, л. 47].

После разгрома Джембайской группы противника активные операции на Кизлярском направлении не проводились вплоть до конца декабря, так как наступление на этом участке должно было начаться в рамках общего наступления 11-й армии совместно с другими армиями Юго-Восточного фронта. К концу декабря на Кизлярском направлении красные части (37-й кавалерийский полк и особый отряд штаба армии) занимали район Оленичево, Алабужинская, Зимняя ставка Эркетеневского улуса, выставив конную заставу у Гайдуковской (219 верст юго-западнее Марфино) [17, л. 45].

Таким образом, участок обороны дельты р. Волги успешно выполнил все приказы командования 11-й армии, которые были предписаны начальнику участка М. Г. Мейеру. В течение нескольких месяцев Кизлярское и Джембайское направления участка успешно обороняли дельту р. Волги и подступы к Астрахани, попутно постепенно продвигаясь вперед, отбивая населенные пункты у противника.

На Джембайском направлении в течение сентября – октября красным войскам удалось сдерживать натиск противника. Постепенно накопив силы и подготовив контрнаступление, Джембайской группе к концу ноября удалось ликвидировать 1-й Особый Астраханский отряд, устранив опасность Астрахани с востока.

На Кизлярском направлении красные части сумели существенно продвинуться на юго-запад, к началу октября выполнив приказ войскам 11-й армии от 15 сентября. Занимая оборону, в соответствии с приказами по 11-й армии они не вели активное наступление, до конца ноября ожидая успеха на Джембайском направлении, а затем общего наступления 11-й армии.

Значение обороны Астрахани для Гражданской войны трудно переоценить. В ходе обороны была предотвращена возможность соединения войск А. И. Деникина и В. С. Толстова в районе Астрахани. Кроме того, взятие белыми войсками Астрахани дало бы им контроль над р. Волгой от Царицына до устья реки, важную базу снабжения Вооруженных сил Юга России и возможность проводить боевые действия морскими силами, в том числе десантов, в русле р. Волги.

Список литературы

1. Мордвинов Р. Н. Волжская военная флотилия в гражданской войне (1918–1920 гг.). М. : Военно-морское издательство, 1952. 224 с.



2. Сысоев П. С., Парфентьев И. И. Астраханский фронт гражданской войны и В. В. Куйбышев. Астрахань : Волга, 1960. 64 с.
3. Сухоруков В. Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918–1920 гг. М. : Воениздат, 1961. 286 с.
4. Мушкатеров Н. В. Оборона Астрахани и разгром контрреволюционных сил в Астраханском крае 1918–1920 гг. Астрахань : Волга, 1961. 192 с.
5. Природа и история Астраханского края / гл. ред. В. А. Пятин. Астрахань : Астраханский государственный педагогический институт, 1996. 364 с.
6. История Астраханского края / гл. ред. Н. М. Ушаков. Астрахань : Астраханский государственный педагогический университет, 2000. 1122 с.
7. Шеин О. В. Астраханский край в годы революции и Гражданской войны (1917–1919). М. : Алгоритм, 2018. 526 с.
8. Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917–1920 гг.) : в 2 ч. Ч. 2 : Оборона Астрахани и разгром интервентов и белогвардейцев в Астраханском крае (декабрь 1918 – март 1920 гг.) / отв. ред. Д. Т. Польской. Астрахань : Волга, 1960. 632 с.
9. Лобанов В. Б. Гражданская война на юге России: белогвардейская Кавказская армия в 1919–1920 гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 5. С. 171–174.
10. Врангель П. Н. Записки : в 2 ч. Ч. 1 : Южный фронт // Белое дело: Летопись белой борьбы : в 6 т. Т. 5. Берлин : Медный всадник, 1928. 312 с.
11. Гнидо С. В. Боевые действия 11-й армии РККА на правом берегу Волги (черноярское направление) в сентябре – октябре 1919 г. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 63–74.
12. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.) : в 4 т. / отв. сост. Т. Ф. Каряева. Т. 4: Материалы, указатели. М. : Воениздат, 1978. 727 с.
13. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 199 (Истпарт). Оп. 1. Д. 200.
14. Гражданская война в СССР : в 2 т. Т. 2 : Решающие победы Красной Армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. – октябрь 1922 г.) / гл. ред. Н. Н. Азовцев. М. : Воениздат, 1986. 447 с.
15. Краевский В., Парасочко М., Могилкина М. Астраханский фронт Гражданской войны и С. М. Киров. Сталинград : Областное книгоиздательство, 1937. 293 с.
16. Бисенгалиева А. С., Каргаполова Е. В. Сергей Миронович Киров на Астраханском фронте в годы Гражданской войны // Потенциал интеллектуально одаренной молодежи – развитию науки и образования : материалы VI Международного научного форума молодых ученых, студентов и школьников (Астрахань, 25–28 апреля 2017 г.) / под общ. ред. Д. П. Ануфриева. Астрахань : Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, 2017. С. 369–370.
17. ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 198.
18. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 107 (Управление Юго-Восточного фронта). Оп. 1. Д. 34.
19. ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 199.
20. Флот в Белой борьбе / составление, научная редакция, предисловие и комментарий С. В. Волкова. М. : ЗАО «Центрполиграф», 2002. 607 с.
21. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС / гл. ред. И. Г. Астафьев. 2-е изд., доп. Волгоград : Нижне-Волжское книжное издательство, 1985. 749 с.
22. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.) : в 4 т. Т. 2 : Март 1919 г. – апрель 1920 г. / отв. сост. Т. Ф. Каряева. М. : Воениздат, 1972. 804 с.

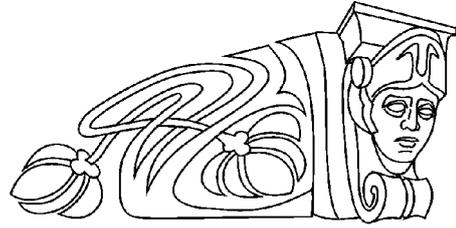
Поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 264–269
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 264–269
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-264-269>, EDN: MVXXZI

Научная статья
УДК 322(470.44)|19|

Церковь и государственная политика: проблемы взаимодействия (на примере Саратовского Поволжья 1917–1920-х годов)



Ж. В. Яковлева¹✉, В. Г. Петрович²

¹Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

²Саратовский областной институт развития образования, Россия, 410031, г. Саратов, ул. Большая Горная, д. 1

Яковлева Жанна Владимировна кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, zhanna.yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, AuthorID: 907393

Петрович Владимир Глебович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарного образования, petro51@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6629-641X>, AuthorID: 407590

Аннотация. На основе архивного материала характеризуются и анализируются мероприятия советской власти в отношении церкви и верующих в 1917–1920-е гг. Рассматриваются действия, связанные с изъятием церквей у верующих, отъемом церковных ценностей из культовых сооружений Саратовского Поволжья под предлогом помощи голодающим. Приводятся статистические данные по закрытию церквей, количеству изъятых ценностей в регионе. Формулируется вывод о том, что изъятие церковных ценностей сопровождалось привлечением к уголовной ответственности невиновных за их пропажу людей. Предприняты попытки дискутировать на вечную тему добра и зла, самозащиты системы, сокрушающей все на своем пути.

Ключевые слова: антицерковная политика государства, Саратовское Поволжье, 1917–1920-е годы, закрытие церквей, изъятие церковных ценностей

Для цитирования: Яковлева Ж. В., Петрович В. Г. Церковь и государственная политика: проблемы взаимодействия (на примере Саратовского Поволжья 1917–1920-х годов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 264–269. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-264-269>, EDN: MVXXZI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Church and state policy: Problems of interaction (based on the example of the Saratov Volga region 1917–1920s)

J. V. Yakovleva¹✉, V. G. Petrovich²

¹Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

²Saratov Regional Institute for Educational Development, 1 Bolshaya Gornaya St., Saratov 410031, Russia

Zhanna V. Yakovleva, zhanna-yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, AuthorID: 907393

Vladimir G. Petrovich, petro51@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6629-641X>, AuthorID: 407590

Abstract. The authors of the article, based on archival material, characterize and analyze the measures of the Soviet government in relation to the church and believers in the 1917–1920s. The article examines events related to the confiscation of churches from believers, the seizure of church valuables from religious buildings in the Saratov Volga region under the pretext of helping the hungry. The authors provide statistical data on the closure of churches, the number of confiscated valuables in the region, conclude that the confiscation of church valuables was accompanied by criminal prosecution of innocent people for their disappearance, and also try to discuss the eternal topic of good and evil, self-defense of a system that crushes everything on his way.

Keywords: anti-church policy of the state, Saratov Volga region, 1917–1920s, closing of churches, confiscation of church valuables

For citation: Yakovleva J. V., Petrovich V. G. Church and state policy: Problems of interaction (based on the example of the Saratov Volga region 1917–1920s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 264–269 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-264-269>, EDN: MVXXZI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



1917 г. кардинально изменил судьбу всех конфессий, судьбу народа и всей России в целом. В первое десятилетие после октября 1917 г. происходит ломка традиционного религиозного уклада жизни, начинается коренное переустройство всех сторон жизни российского общества.

Антирелигиозная политика советского государства несколько раз меняла свое направление. Устойчивым оставалось желание покончить с религиозным мировоззрением, заменив его на светское, и вытеснить конфессии, существовавшие до прихода к власти большевиков из всех сфер жизни. В новом обществе религиозное мировоззрение должно было уступить место марксистскому, с его «пантеоном богов».

В первые же месяцы после прихода к власти большевиков были изданы нормативно-правовые акты советского правительства, кардинально менявшие отношения государства и церкви, положение церкви и священнослужителей в государстве и обществе.

Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был составлен специальной комиссией при СНК и отредактирован В. И. Лениным. Он устанавливал светский характер государственной власти, провозглашал свободу совести и вероисповедания, лишал религиозные организации каких-либо прав собственности и прав юридического лица [1, с. 68]. С первого прочтения декрет был не настолько пугающим, гораздо агрессивнее была Инструкция Народного комиссариата юстиции о порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви [2].

Другой, менее известный декрет – «О свободе совести и церковных и религиозных обществах» [3, с. 373–374] – стал официальным актом, положившим начало юридическому разрыву многовекового союза церкви и Российского государства. Позднее положения этого документа легли в основу правовых актов, легализовавших гонения на религию, а также в Конституцию СССР и конституции союзных республик.

Декреты были негативно восприняты представителями всех конфессий. Однако они реализовывались медленно как в целом по стране, так и в Саратовской губернии. Причинами тому были Гражданская война, затронувшая Саратовское Поволжье, территориальное переустройство губернии, отсутствие подготовленных управленческих кадров на местах и др.

Главная же причина состояла в том, что реализовать декреты, коренным образом менявшие положение церкви и верующих, а также религиозный уклад жизни, в короткий срок было невозможно, на это, как показала практика, потребовалось не одно десятилетие.

В Конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г., религиозная пропаганда, наравне с антирелигиозной, являлась правом любого гражданина (ст. 13, гл. 5, разд. II). Однако в одной из статей

разд. IV, избирательного права в число тех, кто не может избирать и быть избранным, были включены «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов». Таким образом, священнослужители были ограничены в своих правах наравне с буржуазными элементами, душевнобольными, преступниками [4].

Так, на общегосударственном уровне закрепились дискриминация священнослужителей. Конституция СССР 1924 г. и Конституция РСФСР 1925 г. эту дискриминацию сохранили.

Социалистическая революция 1917 г. изменила направление исторического развития России, взаимоотношения с церковью как институтом – лишь элемент картины жизни страны. Произошедшие перемены в жизни России потрясли все слои общества и все сферы жизни, а духовная жизнь – это только частичка этих преобразований.

Криминальный мир после октября 1917 г. был тоже сотрясен изменениями и изменился сам, в частности, появился «политический бандитизм». Архивные материалы дают возможность увидеть, как складывались взаимоотношения «бандитов» и коммунистов, которых первые считали виновниками всех бед, происходящих в жизни общества. Из доклада выездной сессии военно-полевого ревтрибунала по Маркштадскому уезду можно узнать, что в 1921 г. произошла череда убийств коммунистов в селениях Тонкошуровского района. Например, в с. Звонаровка коммунистам отрезали уши, пальцы и носы, выкалывали глаза, перерезали горло и бросали трупы под лед р. Караман. В с. Тонкошуровка не добились одного коммуниста, он сумел добраться домой, его жена попросила помощи у тех же бандитов, но бандиты его не пощадили [5, л. 14–14 об.].

Совершенно зверская картина, однако бандит пошел исповедоваться в своих грехах местному патеру, который, как известно, обязан соблюдать тайну исповеди, получается, что совесть все-таки душегуба мучила. Патер (местная церковь была лютеранская) наложил на грешника духовное наказание в виде прочтения молитвы «Отче наш» 25 раз. Как написано в отчете, убийца мог читать молитву тогда, когда ему было это удобно. Автор отчета негодует: «... Можно совершать такие ужасные деяния и получать за них тут же прощение, прочитав только молитву» [5, л. 14 об.].

В отчете также говорится, что духовенство тоже принимало участие в восстании, а иначе как восстанием против системы это назвать нельзя. Да, жестокий, бесчеловечный, но активный протест против коммунистов. Естественно, зло порождает зло: патеров Крафта из с. Тонкошуровка и Бератца из с. Суслы расстреляли по приговору революционного трибунала. Было за что, в 1930-е гг. расстреливали священнослужителей уже за одну неосторожно брошенную фразу об истинности православной веры и готовность



стоять за нее до конца [6, с. 80]. Такие идеологические соперники в новом обществе были не нужны.

Из отчета следует, что «...в каждом из повстанческих сел почти все население принимало участие в бандитизме...» [5, л. 14 об.]. Военно-полевой трибунал расстреливал не всех, а только лишь «самых злостных, ярых зачинщиков и организаторов». Есть статистика расстрелянных по селам Тонкошууровского района, там было расстреляно «всего лишь» 286 чел. (таблица).

«...От высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре неискупленными слезами своими к боженьке» [7]. Данное высказывание принадлежит герою романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, который стремился в своем творчестве решить вечные вопросы бытия. В вышеуказанном отчете написано, что работа продолжается в Маркштадте, а потом продолжится в других районах. Система должна себя защищать, только какой ценой. И могут быть виновны все без исключения жители сел. В Российской Федерации с 16 апреля 1997 г. на применение смертной казни наложен мораторий. Мы живем в свободной и цивилизованной стране.

В сентябре 1918 г местной комиссии по отделению церкви от государства и школы от церкви было поручено в трехдневный срок собрать сведения о каждой церковной организации г. Саратова [8, л. 27].

11 сентября 1918 г в г. Саратов поступила телеграмма из Москвы № 86364, в которой было приказано на основании Декрета СНК от 23 января 1918 г и дополнительной инструкции Наркомюста от 24 августа 1918 г не делать в паспорте отметку о вероисповедании, не допускать

«каких-либо религиозных изображений», религиозные шествия и обряды на улицах и площадях производить только с разрешения местной власти [8, л. 28].

Все религиозные организации в стране находились на строгом учете и контроле. Комиссией по проведению в жизнь «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» в г. Саратове на 23 октября 1918 г было зарегистрировано: 62 православные церкви, 1 армяно-грегорианская, 1 община баптистов, 1 лютеранская община, 3 римско-католических, 1 еврейская, 3 мусульманских, 16 старообрядческих, 1 адвентистов 7-го дня [8, л. 60].

В России в 1920-е гг. под предлогом голода 1921–1922 гг., охватившего страну, проводилась кампания по изъятию церковных ценностей. В феврале 1922 г. издается декрет об изъятии церковных ценностей, по которому из церквей и монастырей (касалось всех конфессий) предписывалось изымать все без исключения имущество, имевшее музейную ценность. Вслед за этим церковь обязывают сдать все предметы из золота, серебра и драгоценных камней. Антицерковная кампания шла под лозунгом помощи голодающим.

В Саратове изъятие церковных ценностей началось практически тотчас же, в феврале 1922 г. [9, л. 59]. Кампания в Саратовской губернии, сопровождавшаяся политикой дискредитации и раскола церкви, продолжалась не более трех месяцев и завершилась в мае 1922 г. [9, л. 103].

Саратовский регион являлся и продолжает оставаться уникальным по своему конфессиональному и этническому составу, одной из его особенностей является феномен Автономной Социалистической Советской Республике Немцев Поволжья (далее – АССР НП). Изъятие церковных

Данные по количеству расстрелянных жителей сел Тонкошууровского района АССР НП

№ п/п	Населенный пункт (село)	Немецкое название населенного пункта (поволжско-немецкая колония)	Количество расстрелянных
1	Тонкошууровка	Мариенталь	74
2	Суслы	Герцог	24
3	Крутояровка	Граф	38
4	Раскаты (Раскатовка)	Ролледер	33
5	Осиновка	Рейнгардт	39
6	Старицы	Рейнвальд	24
7	Липовка	Шефер	17
8	Липов-Кут	Фурмановка	17
9	Звонарев-Кут	Шталь	18
10	Луговая Грязнуха	Шульц	2
Итого			286

Сост. по: [5, л. 14–14 об.].



ценностей проходило и в АССР НП. Следует отметить, что Саратовская губерния, а также АССР НП и Пугачевский уезд Самарской губернии в 1928 г. вошли в Нижневолжский край с центром в Саратове, затем на этой территории в 1934 г. образовался Саратовский край, просуществовавший до 1936 г. (в него административно входила АССР НП), который, в свою очередь, в 1937 г. был преобразован в Саратовскую область и независимую от него АССР немцев Поволжья.

Во все кантоны АССР НП в июле 1922 г. поступило указание о необходимости зарегистрировать все секты. Регистрация включала в себя: название секты, сведения о руководителе, наличие устава организации (необходимо было приложить при наличии), место сбора верующих. Все ценное церковное имущество подлежало тщательному описанию и сдаче государству [10, л. 19].

Изъятие церковных ценностей в основном проходило гладко, люди с пониманием относились к проблеме, но иногда оно сопровождалось конфликтом. Так, в Маркштадтском кантоне трудовой коммуны немцев Поволжья по сообщению председателя кантонной комиссии по изъятию церковных ценностей мероприятие проходило параллельно с посевной кампанией, что тормозило антицерковную работу. В лютеранской церкви пастор Кульберг был возмущен приходом комиссии, заявил, что продукты, купленные на вырученные деньги от продажи ценностей, не дойдут до голодающих. Он сообщил, что ранее уже приходили рабочие и интересовались ценностями. Таким образом, напрашивается вывод, что кто-то решил нажиться до прихода официальных представителей власти в данной ситуации. Официальные уполномоченные по изъятию столкнулись с отпором, выразившимся в «недобровольном выделении <...> каких бы то ни было церковных ценностей» со стороны церковного совета и пастора Кульберга [11, л. 477].

Изъятие ценностей в католической церкви того же кантона прошло более спокойно, однако церковный совет сопротивлялся, не хотел отдавать тарелку из серебра, мотивируя свой протест тем, что тарелка для причастия должна быть из полудрагоценного металла и тарелка всего одна [11, л. 477].

В селах Обермонжу и Орловское Маркштадтского кантона комиссия также встретила сопротивление верующих. В с. Орловское незадолго до изъятия произошла кража церковного имущества. Действительно, не стоит забывать, что церкви часто подвергались разграблению. В 1929 г. выйдет Постановление, которое будет четко регламентировать жизнь религиозных объединений согласно ст. 29 Постановления «О религиозных объединениях», которое до сих пор является актуальным в нашей стране с изменениями и дополнениями, «возместить ущерб, причиненный государству порчей или недостатком имущества» должны будут верующие [12].

Таким образом, все начальные и дальнейшие шаги советской власти в отношении церкви и верующих только усугубляли и осложняли жизнь конфессий – все, что предпринималось советской властью, приближало ту антирелигиозную волну, которая в дальнейшем сметет на своем пути церковь, верующих и церковнослужителей, религиозное мировоззрение.

Время, отведенное на изъятие церковных ценностей, было очень ограничено, что влекло неразбериху. Ценности необходимо было изъять, описать, запечатать и отправить в вышестоящую организацию. Были случаи, когда опись и содержимое запечатанной тары не совпадали. Так, например, в Красноярской волости изъяли ценности из церквей и передали в областную комиссию. Согласно описи в запечатанной таре (мешочке) должно было находиться 7 серебряных крестов, изъятых из Михайло-Архангельской церкви с. Черебаево Красноярской волости, но в мешке их оказалось только 6. Неразбериха, суматоха, халатность или крест осел в чьем-то кармане [13, л. 180].

18 января 1922 г. приходит секретный циркуляр, адресованный всем председателям губисполкомов и подписанный Председателем ВЦИК М. И. Калининым, о том, что местные советские учреждения ложно истолковывают новую экономическую политику, связанную с изъятием церковных ценностей, и приступают к обмену, распродаже, распиливанию в прямом значении этого слова ценностей, которые на основании декрета об отделении церкви от государства принадлежат государству [14, л. 3]. Слишком рьяно, как обычно, начали местные партийные функционеры реализовывать Декрет об изъятии ценности и, как обычно, все неправильно поняли.

Отдел управления уездного исполкома Покровского совета крестьянских депутатов писал уездному бюро юстиции (далее – убоюсту) 22 июня 1922 г. о том, что церковная секция при убоюсте не работает, и для разрешения церковных дел верующие обращаются в другие инстанции, что недопустимо «ни политически, ни юридически», и «церковная секция должна приступить к работе» [10, л. 31].

На это губюст получил ответ из г. Покровска, согласно которому комиссии по отделению церкви от государства были в 1919 и 1920-х гг., но работу выполнили, отчитались, копию отчета отправили в губисполком, а подлинники были утеряны. Новые же комиссии создавать теперь сложно и затратно, давайте не создавать [10, л. 31].

В уставе адвентистов 7 дня, кроме миссионерской работы и молитвенных собраний, было прописано распространение соответствующей религиозной литературы. Так как в уставе общины не были обозначены ограничения по возрасту, то отдел управления облисполкома отказал в регистрации данной общины, помолось согласно



постановлению коллегии Народного Комиссариата Просвещения, опубликованному в бюллетене НКВД от 20 сентября 1921 г. № 2, никакого преподавания вероучения для детей, не достигших 18 лет, быть не может, и правом юридического лица подобные общины верующих не обладают [10, л. 14].

Общине баптистов г. Покровска было отказано в регистрации на основании п. 5 «Инструкции о порядке регистрации религиозных обществ», опубликованной в «Известиях ВЦИК» 27 апреля 1923 г., согласно которому община должна состоять не меньше, чем из 50 чел., зарегистрироваться необходимо не позднее 20 июля 1923 г. В числе прочих документов необходим список общины с подписью каждого верующего, без подписи такой документ силы не имел, а с учетом того, что не все были грамотны, условие было практически невыполнимо [10, л. 35].

На Соборе 1923 г. было сказано о том, что собравшиеся обновленцы скорбят о наложении анафемы на советскую власть. Собор признал анафему недействительной, а Тихон был обвинен в контрреволюции и «служил Беллавин не Христу, а контрреволюции» [14, л. 58].

В Народном комиссариате юстиции, существовавшем в советском государстве в 1917–1946 гг., был создан ликвидационный отдел, который занимался уничтожением РПЦ. В дополнение к циркуляру № 25 и циркулярной телеграмме от 1922 г. № 26 Народный комиссариат предложил «во всех случаях возникновения дел о хищении церковных ценностей принимать меры к признанию во время производства предварительного следствия к уголовной ответственности, независимо от фактических совершителей преступного деяния, всех лиц, которые по своему юридическому или фактическому положению являлись хранителями церковных ценностей» [15, л. 289].

В случае отсутствия данных для обвинения «означенных лиц в соучастии в хищении, они должны привлекаться к ответственности за небрежность или неосторожность в хранении этих ценностей» [15, л. 289]. Переводя витиеватый язык большевиков на современный русский язык можно сказать, что это означало полную материальную ответственность за сохранность церковных ценностей, возлагаемую на священнослужителей и хранителей данных ценностей – это в условиях Гражданской войны, неразберихи и грабежей церковного имущества. При проверке церковного имущества от лиц, пользующихся им требовали всю документацию: инвентарные книги, описи, клировые ведомости, которые были составлены до Декрета об отделении церкви от государства [15, л. 289]. Уголовная ответственность предполагалась также за сокрытие, предоставление в испорченном виде означенных документов. Такие дела немедленно должны были передаваться в народный суд.

Для церковных служб выдавалось имущество коллективу верующих в соответствии со строгими правилами, установленными губмузеем [15, л. 3 об.].

В отношении деятельности групп верующих, обществ и союзов, «не преследующих целей извлечения прибыли и надзора за сохранностью и целостью переданного в пользование групп верующих по договорам имущества, углублен надзор за их деятельностью в порядке распоряжения центра и через представление отчетов и проверкой деятельности на местах» [16, л. 103]. Административным отделом губернского исполнительного комитета был издан сборник «Государство и Церковь», в котором содержался руководящий материал по вопросу об отделении церкви от государства. Сборник активно распространялся [16, л. 436 об.].

В 1921 г. в церкви с. Большая Князевка Саратовской губернии произошел пожар, в результате которого церковный инвентарь был утрачен, снабдить верующих церковным имуществом предлагалось в обмен на этнографический материал [15, л. 6], который очень ценили большевики. Церковные колокола редко возвращали в пользование коллективам верующих. После 1917 г. они стали объектом непрерывных нападков со стороны советской власти. Такие нападки происходили по идеологической, политической и экономической причинам. Одним из первых декретов советской власти был запрещен набатный звон, чтобы исключить возможность призыва к антисоветским выступлениям. Колокола верующим возвращали также в обмен на «церковные ценности старины и искусства», как это предложили сделать в 1921 г. коллективам верующих 10 сел губернии [15, л. 6 об.].

Иконы и другая церковная утварь иногда находились вне церквей, например в часовнях. Такое имущество передавалось в обменный фонд церковной секции губернского отдела юстиции, а часовни ликвидировались.

С сектантами отношения большевиков складывались более толерантно, им часто шли на некоторые уступки до 1929 г, однако деятельность сект находилась также под пристальным вниманием. Так, например, 18 ноября 1921 г. вышел циркуляр Народного комиссариата юстиции № 7320, в котором предлагалось в двухнедельный срок собрать сведения о сектах, существующих в губернии, изучив отличительные особенности каждой секты на основании их уставов [15, л. 27].

После Гражданской войны в условиях нэпа антирелигиозная кампания вновь видоизменилась – это было следующим этапом взаимоотношений государства и церкви. Кампания заметно ослабла, приобрела во многом формальный характер, ее проводили в основном общественные организации, проводили вяло, примитивно. Поэтому особого эффекта она не имела. Данный период называется «религиозным нэпом», в этот



отрезок времени реставрировались пострадавшие церкви и возводились новые [17, с. 226]. Так, например с 1926-го по 1929 г. было выстроено 3 новых православных церкви и 2 мечети (в Аткарском, Сердобском, Вольском уездах) [18, л. 93 об.].

Тем не менее сводка о религиозном состоянии районов по статистике союза воинствующих безбожников за 1929 г. по 17 районам неутешительна: функционировали 230 церквей и молитвенных домов и было закрыто 42 церкви, т. е. 15,4% от общего числа [19, л. 32].

По архивной статистике на 1 октября 1925 г. было зарегистрировано групп и обществ с передачей им молитвенных зданий 1161, количество переданных им зданий – 1039, числилось религиозных обществ, не имеющих молитвенных зданий, – 19. В общее число групп входили следующие религиозные секты: меннонитские – 2, адвентитские – 1, баптистские – 15, молоканские – 17, всего – 35, которые все находились в сельских местностях Саратовской губернии [17, л. 35].

Религиозный нэп завершился в 1929 г. Начался новый период взаимоотношений двух непримиримых полюсов – государства и церкви. Однако религиозная жизнь в Саратовском Поволжье не затихала, несмотря на притеснения со стороны власти, и наоборот, набирала обороты. С 1929 г. в жернова кампании попали все без исключения конфессии. Готовившееся «развернутое наступление социализма по всему фронту» требовало и новой атаки на церковь. Советское руководство пошло на ряд законодательных мероприятий, в том числе на издание Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., благодаря которому изживать религию стало намного проще [20, с. 43–48].

Список литературы

1. Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958 гг.). М. : Издательство Московского университета, 1966. 620 с.
2. Электронная библиотека исторических документов. Инструкция Народного комиссариата юстиции о порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. 24 августа 1918 г. URL: <https://clck.ru/38QZZV> (дата обращения: 16.01.2024).
3. Декреты Советской власти : в 18 томах. Т. 1 : 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / подготовка к печати: С. Н. Валк, И. В. Загоскина, Л. Н. Растопчина, Ю. А. Ахипкина, Б. Н. Казанцева. М. : Госполитиздат, 1957. XII. 626 с.
4. Конституция РСФСР 1918 г. URL: <https://clck.ru/Uq4PC> (дата обращения: 16.01.2024).
5. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1 (Фонд Обкома ВКП (б) АССР Немцев Поволжья). Оп. 1. Д. 16.
6. Яковлева Ж. В., Гусева Я. Ю. Церковь в стране советов: государственно-церковные отношения в Саратовском Поволжье в 1920-е – 1960-е годы XX века. Саратов : Техно-декор, 2023. 352 с.
7. Аннотация к книге «Достоевский Ф. М. Слезинка ребенка. Дневник писателя». М. : АСТ, 2015. 352 с. URL: <https://www.labyrinth.ru/books/472315/> (дата обращения: 16.01.2024).
8. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-546 (Губернский отдел юстиции). Оп. 1. Д. 145.
9. ГАНИСО. Ф. Р-27 (Саратовский губком ВКП(б)). Оп. 2. Д. 832.
10. Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАИП). Ф. Р-71 (Отдел управления областного исполкома трудовой коммуны области немцев Поволжья). Оп. 1 о/п. Д. 424.
11. ГИАИП. Ф. Р-730 (Областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Области немцев Поволжья, г. Покровский). Оп. 1 о/д. Д. 172.
12. О религиозных объединениях: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. URL: <https://clck.ru/33VKoz> (дата обращения: 07.01.2024).
13. ГИАИП. Ф. Р-730. Оп. 1 о/д. Д. 506.
14. ГИАИП. Ф. Р-730. Оп. 1 о/д. Д. 167.
15. ГАСО. Ф. Р-546 (Губернский отдел юстиции). Оп. 1. Д. 87. Л. 289.
16. ГАСО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 145.
17. Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. М. : Кучково поле, 2011. 720 с.
18. ГАНИСО. Ф. 55 (Нижневолжский крайком ВКП(б)). Оп. 1. Д. 113.
19. ГАСО. Ф. Р-522 (Нижневолжский краевой исполнительный комитет). Оп. 3. Д. 73.
20. Яковлева Ж. В. Постановление о религиозных объединениях 1929 г. и его реализация в Саратовском Поволжье // Современные тенденции развития науки и технологий : периодический научный сборник по материалам XII Международной научно-практической конференции. Белгород : ООО «Эпицентр», 2016. С. 43–48.

Поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 10.02.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 270–280
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 270–280
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-270-280>, EDN: MAHMWU

Научная статья
УДК [353.2+329.15](470.44/.47)|1928|1932|

Национальные кадры в государственных и партийных органах власти в Нижне-Волжском крае (1928–1932 годы): подготовка, переподготовка и учет



Е. Л. Фурман

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

Фурман Екатерина Львовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и международных отношений, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>, AuthorID: 248929

Аннотация. В статье рассматривается организация процесса учета, подготовки и переподготовки национальных кадров в Нижне-Волжском крае в период первой пятилетки, когда успех проводившихся в стране хозяйственно-экономических и политических кампаний во многом определялся интенсификацией усилий в сфере подготовки кадров для партийно-государственного аппарата. Как показывает практика, к планомерному учету кадров в системе советских и партийных органов власти смогли прийти только к 1929–1930 гг. В условиях районирования, системных перемещений, оказалось сложно сформировать данные о резерве руководящих кадров. Серьезной проблемой в процессе организации подготовки и переподготовки кадров стал низкий стартовый уровень образования служащих (исключение составляло немецкое и украинское население края). При этом проводившаяся в крае кампания по ликвидации неграмотности качественным образом не изменила положение, и на исходе пятилетки будет оставаться высоким процент просто азбучно грамотных советских и партийных кадров, зачастую не имеющих специального образования.

Ключевые слова: Нижне-Волжский край, национальные кадры, советские и партийные органы власти, курсы по подготовке и переподготовке кадров советского аппарата, учет кадров, ВЦИК

Для цитирования: Фурман Е. Л. Национальные кадры в государственных и партийных органах власти в Нижне-Волжском крае (1928–1932 годы): подготовка, переподготовка и учет // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 270–280. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-270-280>, EDN: MAHMWU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

National personnel in state and party authorities in the Lower Volga region (1928–1932): Preparation, retraining and accounting

E. L. Furman

Volgograd State University, 100 Prosp. Universitetskiy, Volgograd 400062, Russia

Ekaterina L. Furman, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>, AuthorID: 248929

Abstract. The article examines the organization of the process of accounting, training and retraining of national personnel in the Lower Volga region during the period of the first five-year plan, when the success of economic, economic and political campaigns carried out in the country was largely determined by the intensification of efforts in the field of training personnel for the party and state apparatus. As practice shows, the authorities were able to achieve a systematic accounting of personnel in the system of Soviet and party bodies only in 1929–1930 – in conditions of regionalization and systemic movements, it turned out to be difficult to generate data on the reserve of leading personnel. A serious problem in the process of organizing training and retraining of personnel was the low starting level of education of employees (the exception was the German and Ukrainian population of the region). At the same time, the campaign to eliminate illiteracy carried out in the region did not qualitatively change the situation – and at the end of the five-year plan, the percentage of simply literate Soviet and party cadres, often without special education, will remain high.

Keywords: Lower Volga region, national personnel, Soviet and party authorities, courses for training and retraining of personnel of the Soviet apparatus, personnel records, VCIK

For citation: Furman E. L. National personnel in state and party authorities in the Lower Volga region (1928–1932): Preparation, retraining and accounting. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 270–280 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-270-280>, EDN: MAHMWU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Первый этап социалистической реконструкции перед советскими органами власти поставил масштабные управленческие задачи – модернизацию народного хозяйства страны, что в условиях продолжающегося процесса формирования советской государственности и усложнения аппарата управления предопределяло приоритетное внимание к проблеме подготовки и переподготовки квалифицированных кадров для органов государственной власти, партийных органов. Без системных, плановых мероприятий государства осуществить данную задачу было невозможно.

Формирование государственно-партийного аппарата в СССР, являясь одной из ключевых проблем российской истории XX в., привлекало внимание ученых, представителей разных отраслей научного знания и, прежде всего, историческое научное сообщество [1–4]. Между тем комплексное исследование, раскрывающее этапы и специфику процесса подготовки национальных кадров для партийно-государственных органов власти, организацию их учета на первом этапе социалистической реконструкции в Нижне-Волжском крае, на сегодняшний день отсутствует.

Создание Нижне-Волжского края в 1928 г. в составе Астраханской, Саратовской, Сталинградской губерний, Калмыцкой автономной области, Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья (далее – АССР НП), части Пугачевского уезда Самарской губернии и связанная с этим трансформация окружной, а затем районной администрации наряду с весьма пестрым этническим составом созданного краевого образования, высокой концентрацией строящихся промышленных объектов и передовыми темпами коллективизации стали факторами, определяющими специфику проводившихся в крае мероприятий по подготовке и переподготовке кадров для советских и партийных органов власти. Так, в состав утвержденной постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР (далее – ВЦИК) 23 июля 1928 г. административно-территориальной структуры входили 8 округов, 76 районов (без районов АССР НП, Калмыцкой автономной области) и 4 города, непосредственно подчиненных крайисполкомам: Сталинграда, Саратова, Астрахани и Вольска [5]. После ликвидации округов районы были непосредственно включены в край. При этом дефицит кадров советских служащих наиболее остро ощущался именно на уровне районной администрации. Между тем, на данный на 6 сентября 1930 г. по районам Нижне-Волжского края, только 6% руководящего состава райисполкомов (далее – РИК) и горсоветов (председатели, члены президиума, инструкторы) имели высшее образование, среднее – 25%, низший уровень образования – 69% (фактически являлись азбучно грамотными) [6, л. 47–52].

Важным фактором также стал высокий уровень ротации руководящих кадров в рамках так называемых чисток, «перебросок», а также политики «орабочивания» кадров за счет выдвиженцев «от сохи и от станка». Дефицит квалифицированных специалистов по отдельным советским учреждениям Нижне-Волжского края выражался в десятках, в иных – сотнях сотрудников. Так, в результате чисток советского аппарата Нижне-Волжского края в 1930–1931 гг. выбыло 1078 чел. В 1931 г. Нижне-Волжскому крайисполкому требовалось 34 сотрудника, Нижне-Волжской плановой комиссии исполнительного комитета краевого совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее – крайплану) – 19, Нижне-Волжскому крайовому совету народного хозяйства исполнительного комитета краевого совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее – крайСНХ) – 150. В 50 районах края вакантными оставались 744 должности советских служащих, при этом количество заявок с мест ежедневно увеличивалось. Особой проблемой являлся подбор национальных кадров для национальных сельсоветов и районов края [7, л. 15].

С целью стандартизации учета личного состава государственных служащих постановлением СНК СССР от 21 сентября 1926 г. «О трудовых списках» всем государственным учреждениям и предприятиям вменялось в обязанность введение на каждого служащего трудовых списков (постановлением СНК СССР от 20 декабря 1938 г. заменялись на трудовые книжки), в которые вносились общие данные, документально подтвержденные, и данные о прохождении службы как с начала трудовой деятельности служащего до заведения трудового списка, так и при дальнейшем прохождении службы. Тем не менее к системному учету кадров, несмотря на указанное постановление, на местах фактически пришли только к 1929 г. [8].

На практике прежние ведомственные анкеты в личных делах (там, где они заводились) постепенно заменялись выписками из трудовых списков, но замена должна была распространяться лишь на тех ответственных работников, которые впервые ставились на учет в данной системе, и на них отсутствовали анкеты [7, л. 1]. В архивных документах встречается несколько наименований учетных документов госслужащих, среди прочих – персональная карточка, личный листок, должностная карточка. Первая из перечисленных аннулировалась в процессе заведения трудового списка. В трудовом списке, в отличие от личного листка по учету кадров, первичного учетного документа, заводившегося в организациях, опускалась информация о принадлежности к другим партиям, семейном положении, знании языков. В трудовом списке содержались сведения о месте и дате рождения, национальности, социальном положении



(до вступления в должность), образовании, профессии (с указанием стажа, должностей и мест предыдущей работы, как правило, трех последних), партийном стаже, членстве в профсоюзных организациях, сведения о воинском учете [7, л. 15].

В советских и партийных органах власти учет должен был осуществляться в двух формах: персональный (подлежали советские и партийные работники, входившие в номенклатуру) и количественный учет. Так, в организационном отделе (далее – орготдел) Нижне-Волжского крайисполкома персональному учету подлежали следующие группы ответственных работников: председатели центрального исполнительного комитета АССР НП и Калмыцкой автономной области и всех окружных исполкомов и их замы, ответственные секретари, заведомоделами, председатели окружных плановых комиссий и их замы (до ликвидации округов). Учет осуществлялся в установленной форме выписки из трудового списка и примерной схеме деловой оценки. В целях более рационального перемещения и выдвижения ответственных работников при крайисполкоме, кроме основного учета, должен был вестись учет резерва ответственных работников, в связи с чем данные о кандидатах на вышеуказанные должности от республиканских, областных и окружных органов власти передавались в краевые органы [7, л. 12, 13 об.]. Сведения о всех перемещениях ответственных работников (в форме извещений о том, с какого года работал в должности служащий, куда перемещен, на какую должность, причины перемещения, кем планируется замещать вакантное место), входящих в учетную номенклатуру служащих ВЦИК, должны были отправляться в обязательном порядке в орготделы исполкомов края.

Техника учета предполагала разработку учетно-распределительной номенклатуры должностей и аппаратов подведомственных органов и учреждений, оформление личного дела, состоящего из выписки из трудового списка, деловых оценок работы и подтверждающей документации (представляющей конкретные результаты работы, взыскания, при их наличии), должностной карточки (должна была заводиться на каждого ответственного работника, входящего в номенклатуру советских или партийных органов власти по установленной форме) [7, л. 12, 13 об.]. Критерием определения квалификации работника являлось определение масштаба и отрасли работы с опорой на материалы деловых отзывов, выписок из трудового списка, подкрепленные соответствующим решением президиума исполкома. В конечном варианте в личном деле служащего появлялась примерно следующая формулировка, соответствующая определению «квалификация»: «работник районного/кантонного/окружного

масштаба по плано-регулирующей работе». Особое внимание уделялось учету резерва ответственных работников.

Первыми потенциальными претендентами на должность ответственного работника среди резервных работников считались уже работающие в советских органах власти служащие, в случае наличия фактических результатов готовые к выдвижению их на ответственную работу (инструкторы крайисполкома, заведомоделами, начальники административных отделов и т. д.). На работника, если он подлежал номенклатурному учету, заполнялись две должностные карточки, на второй ставилась помета «резерв».

Через райисполкомы (кантисполкомы) должен был проводиться разовый персональный учет всего выборного состава сельсоветов. Однако, как показывает практика, несмотря на многочисленные и максимально детализированные инструкции, циркулярные письма ВЦИК на места, учет, в том числе персональный учет ответственных работников, в советских органах власти находился в конце 1920 – начале 1930-х в Нижне-Волжском крае в стадии становления. В условиях постоянной ротации, бесконечных «перебросок» задача оформления должностных карточек и личных дел на каждого работника, подлежащего персональному учету, ставилась перманентно. Учет кадров через многочисленные анкетные и опросные листы начал осуществляться по сути только в конце 1929 г. – с момента введения в штат орготдела крайисполкома должности заведующего учетно-распределительным отделом (далее – учраспредотдел) [7, л. 36]. В условиях районирования практически была прекращена отправка сведений по номенклатурным спискам ВЦИК (персональные списки на председателей ЦИКов автономных республик, краевых, областных исполкомов и их замов, ответственных секретарей, заведомоделами исполкомов) [7, л. 36]. Например, в условиях полного отсутствия учета и изучения женского актива края, особенно в национальных районах – Немреспублике и Калмыбласти, только к 1 октября 1929 г. должны были приступить к разовому персональному учету женского актива.

За подготовку и переподготовку кадров, учет и распределение отвечал сектор кадров Нижне-Волжского крайисполкома (позже была введена должность ответственного исполнителя по учету кадров). В 1929–1930 гг. в секторе кадров работали 2 сотрудника – инструктор крайисполкома, курировавший подготовку и переподготовку кадров и рабочий-выдвиженец, на которого возлагалась обязанность по ведению учета и изучению кадров. Сектор курировал разработку годовых и перспективных планов подготовки и переподготовки кадров, разработку совместно с Домом советского строительства в Саратове учебных программ, содействовал подбору литературы, в том числе на языках национальных



меньшинств, осуществлял руководство над отделениями советского строительства вузов, коммунистических университетов (далее – комвузов), совпартшкол, руководил работой по контрактации студентов вузов, техникумов для советских органов власти [7, л. 42, 42 об.]. Общее руководство осуществлял заведующий орготделом. В силу загруженности работой руководством на периферии осуществлялось путем письменных указаний и редких выездов на места. В некоторых районах элементарного учета не проводилось. В большинстве районов, в условиях отсутствия учетно-распределительных отделов и отдельной соответствующей должности в штате учетом и изучением кадров занимались информаторы, и без того загруженные работой.

Также согласно постановлению ВЦИК от 20 марта 1932 г. «Об утверждении положения об отделах национальных меньшинств при президиумах краевых и областных исполкомов» курировать процесс подготовки кадров специалистов высшей и средней квалификации из национальных меньшинств должны были отделы национальных меньшинств. Отдел также должен был содействовать вовлечению трудящихся национальных меньшинств в работу советов путем разработки и проведения практических мероприятий по усилению оргмассовой работы советов, а также по организации курсов по подготовке и переподготовке работников из национальных меньшинств для советского аппарата [9, с. 237–238].

Как показывает анализ делопроизводственной документации государственно-партийных органов власти Нижне-Волжского края, одной из самых трудноразрешимых проблем в процессе подготовки и отбора кадров государственных служащих являлось отсутствие зачастую самых элементарных представлений о сути марксистско-ленинской методологии, методах и принципах работы советских и партийных органов власти у кандидатов, что вместе с низким уровнем образования становилось одной из основных причин высоких темпов ротации кадров.

Между тем доля расходов на народное образование и политпросвещение в крае оценивалась наркомпросом РСФСР по результатам проверки в 1928 г. как достаточно невысокая – Нижне-Волжский край занимал 9-е место среди других регионов по расходам на народное образование и политпросвещение в местном бюджете, отставая и от общероссийских показателей. Удельный вес расходов на политико-просветительскую работу в краевом бюджете составлял в 1927/28–9,7% (в РСФСР в 1927/28 г. – 12,3 %) [10, л. 89, 90].

Отставание от общероссийских показателей отмечалось и по уровню среднего расхода на душу населения на политико-просветительскую работу, который по Нижне-Волжскому краю в 1926/27 г. составлял 0,27 коп. (по РСФСР –

0,42 коп.), в 1927/28 г. – 0,30 коп. (по РСФСР – 0,45 коп.) [10, л. 89, 90]. Отделы народного образования испытывали дефицит кадров: вместо 2–3 работников, предусмотренных по штату в округах, а затем в районах, работал один. В результате приходилось одновременно выполнять разноплановые задачи по ликвидации неграмотности, проводить массовую и школьную работу, не хватало специалистов-националов и соответствующей литературы на национальных языках.

Однако исход проводившихся политико-просветительских мероприятий во многом зависел от общего уровня образования населения, который несмотря на интенсификацию мероприятий по ликвидации неграмотности, оставался достаточно низким. Так, общая численность грамотных в Нижне-Волжском крае составляла в 1928 г. – 59,2%; в 1929 г. – 64,7%; 1930 г. – 78,5%; 1931 г. – 97,3%. При этом предсказуемо выше был уровень грамотности у городского населения – 61,9%, по сравнению с сельским – 38,6% (по данным на 1928 г.), что в целом согласовывалось с общероссийскими показателями (67,5% и 38,8% соответственно) [10, л. 97; 11, л. 127–128]. Стремительный приток сельского населения на промышленные стройки первой пятилетки заметно изменил и облик городов. Так, например, на Сталинград, ставший на первом этапе социалистической реконструкции центром промышленного строительства Нижне-Волжского края, из общего количества неграмотных и малограмотных всех городов края (92 200) приходилась почти половина – 46,3% – 42 701 чел. (29,6% неграмотных, 70,4% – малограмотных) [12, с. 19, 26, 30].

Пестрый этнический состав Нижне-Волжского края еще более усложнял проблему подготовки кадров, связывая в один узел задачи подготовки национальных педагогических кадров, обеспечение образовательных учреждений научной, методической и учебной литературой сразу на нескольких языках, что в условиях стабильно дефицитных бюджетов советских органов власти ставил заявленную еще в первой половине 1920-х гг. задачу коренизации национальных кадров (перевода делопроизводства на национальный язык в национальных автономиях, областях и районах, привлечения национальных кадров к управлению) в разряд трудноразрешимых. На 1 января 1932 г. на территории Нижне-Волжского края проживали 5 706 тыс. чел. (из них 4 364,8 тыс. – в сельской местности), из которых: русские составляли – 71,61%, немцы – 11,13% (из них более 70% в АССР НП), украинцы – 10%, калмыки – 3%, татары – 1,44%, казахи – 1,41%, мордва – 1,11%, чувашаи – 0,22% [13, с. 383].

Трудность подготовки национальных кадров во многом объяснялась и более низким уровнем грамотности в национальных районах края (исключением являлось немецкое и украинское население края). Так, еще в постановлении СНК



РСФСР «О просветительной работе среди национальных меньшинств» от 18 июня 1926 г. констатировалось, что «несмотря на наличие заметных достижений в деле просвещения национальных меньшинств общий уровень этого дела еще далеко заметно отстает от среднего уровня народного просвещения в РСФСР» [14]. Просветительная работа среди национальных меньшинств понималась как дело «огромной политической важности», в связи с чем следовало планомерно расширять до 1934 г. сеть школ I ступени, уделять внимание созданию сети педагогических учебных заведений для национальных меньшинств, обратить особое внимание на подготовку научных работников из среды национальных меньшинств. Однако реальная обстановка на местах в отдельных случаях кардинально отличалась от заявленной на законодательном уровне повестки – организация школ в сельской местности осуществлялась за счет сельских бюджетов, как в случае с с. Черebaево Старополтавского кантона Немреспублики, где, не имея достаточных средств для организации школы первой ступени, за счет средств сельского бюджета и родителей будущих обучающихся в 1928 г. был нанят учитель-ликвидатор для обучения группы учеников (40 чел.). Учителя наняли по индивидуальному договору с оплатой в размере 44 руб. в месяц на 7 месяцев. Фактически вместо школы первой ступени организовывался за собственные средства сельсовета и родителей пункт ликвидации неграмотности, но с немного расширенной программой обучения [15, л. 133].

При этом в АССР НП по итогам проводившейся культштурма было выявлено неграмотных и малограмотных в 1931 г. 59 140 чел., или 9,5% (общая численность населения республики на 1 января 1931 г. составляла 622,6 тыс. чел.). Для сравнения: в Калмыцкой автономной области совокупная численность малограмотных и неграмотных, охваченных обучением в культштурме, составила 46 280 чел. (89% населения) [10, л. 116; 16, л. 5].

В 1932 г. по отдельным городам численность неграмотных и малограмотных по некоторым национальным группам на родном языке выглядела следующим образом: в Саратове: из общего количества неграмотных 2 479 чел. – 499 представители нацменьшинств, среди них 8,4% – татар, 4,8% – немцев, 1,5% – украинцев, 1,1% – евреев, 1% – мордвин, прочих – 3,3%; малограмотных: немцев 284 чел. (3,1%), татар 262 чел. (2,9%), украинцев – 168 чел. (1,8%); в Сталинграде из общей численности неграмотных и малограмотных (42 701 чел.) по отдельным национальным группам складывалась следующая статистика: среди неграмотных: украинцев – 6,9%, немцев – 3,1%, татар – 9,6%, мордвин – 0,4%, калмыков – 1%; малограмотных: украинцев – 3,7%, немцев – 3,7%, татар – 3,8%, мордвин – 0,2%, калмыков – 0,6%; в Астрахани среди общего количества

неграмотных украинцы составляли 0,3%, немцы – 0,7%, татары – 29,9% (мужчины – 41,2%, женщины – 26,3%), мордвин – 0,3%, калмыки – 0,1%, казахи – 0,6%; среди малограмотных – украинцы – 0,2%, немцы – 0,7%, татары – 15,3%, мордвин – 0,2%, казахи – 0,1% [12, с. 19, 26, 30].

Уровень грамотности сельского населения Нижне-Волжского края по отдельным национальным группам на родном языке в 1932 г. варьировался от 66% у казахов и 69% у калмыков до 93% у немцев и 89% у украинцев. Самый высокий уровень грамотности среди женщин отмечался в немецкой этнической группе (92%), что, с другой стороны, никак не влияло на повышение вовлеченности в общественную жизнь представительниц женской части немецкого населения Немреспублики или районов компактного проживания немцев в крае вне пределов республики [12, с.43].

Между тем, несмотря на представленные цифры, большая часть заявленных грамотных, являлись азбучно грамотными, что объяснялось, с одной стороны, уровнем подготовки самих культурмейцев, из которых только 4% имели высшее образование и у 67% за плечами была школа первой ступени, более 10% были самообразованными и закончившими школы ликбеза [10, л. 116].

В результате проблема подготовки кадров реализовывалась в зависимости от конкретной задачи учреждения и возможностей несколькими путями – контракцией студентов в вузах Нижне-Волжского края, в вузах вне Нижневолжского края, посредством подготовки и переподготовки на курсах (районного и краевого уровней). Политическая подготовка и переподготовка осуществлялись через систему совпартшкол первой и второй ступеней, коммунистических университетов (комвузов). Научно-педагогические кадры для учебных учреждений готовились в институте Красной профессуры, в системе которого в 1931 г. были образованы институты: экономический, советского строительства и права, литературы, философский, аграрный, мирового хозяйства и мировой политики и др.

Политическая подготовка кадров, или так называемое партпросвещение, подразумевало освоение на первом этапе школ политграмоты. На территории Нижне-Волжского края в 1928 г. насчитывалось 479 подобных школ [10, л. 88, 89]. Только в Покровске АССР НП в этот период для обслуживания немецкого, русского и украинского населения функционировало 16 школ политграмоты и 15 кружков по политпросвещению [17, л. 8, 9]. Средним звеном между школами политграмоты и комвузами являлись совпартшколы. Совпартшкола I ступени с годовым курсом обучения (ранее уездная с трех- или четырехмесячным курсом обучения и губернская с семимесячным курсом обучения) в большей мере была ориентирована на подготовку партийных



работников для деревни – деревенских пропагандистов и политпросветработников и в городском варианте для просвещения промышленных рабочих [18, с. 19, 20]. В совпартшколе I ступени, кроме членов ВКП (б) и ВЛКСМ, допускалось не более 25% беспартийных – строго «рабочих от станка и крестьян от сохи».

Совпартшкола II ступени готовила советских и партийных работников – секретарей партячеек, председателей сельсоветов, пропагандистов, инструкторов. В школу принимали обучающихся в возрасте от 19 и до 35 лет, членов партии и комсомольцев. Членов партии с партстажем ниже 2 лет и комсомольцев со стажем меньше 3 лет могло быть не больше 25% от общего количества учащихся [18, с. 68].

Третья ступень совпартшколы, или комвуз (коммунистический университет) являлся высшей партийной школой. В 1922 г. был создан Саратовский коммунистический университет им. В. И. Ленина (с 1928 г. – Нижне-Волжский). В условиях коллективизации в 1932 г. Саратовский комвуз был преобразован в русле общей практики в Нижне-Волжскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу им. В. И. Ленина. В конце 1920-х гг. в вузе велась подготовка на партийном, пропагандистском, профсоюзном отделениях, осуществлялся прием на отделения для подготовки национальных кадров: татарское, казахское, калмыцкое, украинское (в Самарском комвузе – мордовское и чувашское отделение) [19, л. 300, 300 об.]. В 1930 г. из отделения советского строительства был выделен техникум советского строительства. Поступить в него могли абитуриенты, имеющие трехлетний стаж политической или советской работы, или рабочие с производства. Обучение продолжалось 3 года, 40% учебного времени должна была занимать практика [19, л. 157].

В условиях существования дифференцированного стипендиального обеспечения (на момент 1932 г.) в высших коммунистических сельскохозяйственных школах студенчество было на 100% обеспечено стипендиями и отмечался самый высокий средний размер стипендии – 102 руб. (в то время, как в остальных вузах края, средний размер стипендий не превышал 88 руб., самый низкий средний размер стипендии отмечался по медицинским вузам – 60 руб.) [13, с. 412]. Это свидетельствовало скорее об уровне программы, ориентированной на изначально низкий стартовый уровень подготовки студентов – выходцев из пролетарски-крестьянской прослойки и, как следствие, более высокий уровень успеваемости, по сравнению с другими вузами.

В 1931 г. проходил набор в Сталинградский объединенный комвуз (второй Нижне-Волжский краевой коммунистический университет). Так же, как и в саратовский, в сталинградский комвуз принимались в основном рабочие

с трехлетним партийным стажем, члены ВЛКСМ с пятилетним стажем при условии одногодичного партийного и трехлетнего производственного стажа в возрасте от 20 до 34 лет. Приоритетом пользовались ударники и участники Гражданской войны (красноармейцы). Прием осуществлялся на трехгодичное отделение партийного строительства, где готовили руководящие партийные кадры индустриального типа: секретарей цеховых партийных ячеек, руководящих работников и секретарей заводских, партийных комитетов и т. д., и трехгодичное пропагандистское отделение, которое должно было осуществлять подготовку руководителей сети партийного просвещения, пропагандистов и преподавателей экономических, исторических и философских дисциплин для рабочих университетов, совпартшкол, рабфаков, техникумов, ФЗУ, ФЗС. Для поступающих на пропагандистское отделение был обязателен одногодичный пропагандистский стаж [20, л. 68–71]. Планировалась подготовка на национальных языках. В Немреспублике (г. Энгельсе) действовала немецкая высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа им. И. В. Сталина [13, с. 418]. Согласно разрядке, спускавшейся из центра, студенты-националы при соответствии заявленным приемной комиссией требованиям могли отправиться на обучение в центральный Ленинградский комвуз – коммунистический университет союзного значения (высшая партийная школа). Здесь главной проблемой было найти от края достойного кандидата-национала, отвечавшего высоким требованиям – стаж партийной работы не менее 3 лет (без замены стажем ВЛКСМ), возраст от 22 до 32 лет, минимальный трехлетний производственный стаж [17, л. 5].

Значительную часть учебного времени в процессе подготовки будущих партийных служащих занимала практика в совпартшколах и в комвузах. Так, согласно распоряжению обкома АССР НП, курсанты II курса совпартшколы должны были отправиться в кантоны на период с ноября 1928 г. по январь 1929 г. для участия в организации пере выборов советов, после чего отзывы об их работе отправлялись в кантонные центры и далее возвращались в совпартшколу [21, л. 40]. Комвузы вели также активную курсовую работу, открывали вечерние отделения, с начала 1930-х гг. стали осуществлять подготовку кадров руководящего аппарата по советскому строительству. Открывавшиеся, в том числе и для приема студентов-националов, заочные отделения комвузов, совпартшкол, как отмечалось, пока особого доверия не вызывали – процент отсева достигал половины от поступивших [19, л. 302–304 об.].

Высшее образование в Нижне-Волжском крае было представлено достаточно разветвленной сетью вузов. На 1 января 1931 г. в системе высшего образования края насчитывалось 20 вузов с контингентом обучающихся 8 783 студента,



на 1 января 1932 г. – 25 вузов и 12 943 студентов и на 1 января 1933 г. – 27 вузов и 14 407 обучающихся (партипросвещение было представлено комвузами, советских чиновников и партработников также готовили в институте советского права, финансово-экономическом институте, институте советского строительства при ВЦИКе, плановом институте). Достаточно широко была представлена и сеть довузовских учреждений – рабочих факультетов. Количество рабфаков с 1 января 1931 г. к 1 января 1933 г. возросло с 22 (5903 чел.) до 41 (12 875 чел.) [14, с. 407].

Между тем проблема организации национальных рабфаков по-прежнему оставалась актуальной. Так, по данным на 1926 г., от АССР НП в различные вузы было делегировано 250 студентов (в педагогические – 49, в вузы на факультеты хозяйства и права – 48, в сельскохозяйственные – 44, медицинские – 42, технические – 19, ветеринарные – 13, комвузы – 34, в консерваторию – 1 студент). Из 250 студентов немцев насчитывалось 92, что объяснялось, в первую очередь, малым количеством довузовских учреждений: рабфаки для абитуриентов-немцев отсутствовали, существовала одна девятилетка (к 1927/28 учебному году – 4). Напряженной оставалась ситуация с учительским и преподавательским составом для немецкоговорящих абитуриентов и студентов, учебной и методической литературой. Положение начнет меняться к лучшему только в начале 1930-х гг.

Так, источником пополнения национальных кадров советских служащих среднего и руководящего состава кант- и райисполкомов являлось правовое отделение факультета хозяйства и права Саратовского государственного университета (цикл советского строительства). Однако численность студентов в 1929/30 г. II и III курсов далеко не удовлетворяла потребность в соответствующих специалистах, так как цикл советского строительства правового отделения насчитывал всего 29 студентов, при этом далеко не все выпускники оказывались в итоге способными к работе в советских органах власти – на уровне среднего звена в крайисполкоме или на руководящем в районах или кантонах, улусах [7, л. 45 об.].

На примере учебного плана 1929 г. приема правового отделения факультета хозяйства и права Саратовского государственного университета можно отчасти проследить систему подготовки кадров для советских органов власти разного уровня. Студенты I курса изучали политэкономия, диалектический материализм, экономическую географию, статистику, историю развития государственных форм и политических идей в связи с развитием классовой борьбы, общее учение о праве с основами советской конституции, военные дисциплины, иностранные языки. На II курсе: продолжали изучать политэкономия, государственное и административное право СССР и зарубежных стран, осно-

вы ленинизма, уголовное право, хозяйственное право, иностранные языки и военные дисциплины. Два последующих года обучения, кроме переходящих дисциплин (политэкономия, цикл дисциплин по советскому строительству), также предусматривали прохождение новых курсов, среди которых – теория советского хозяйства в связи с экономической политикой, международное право, трудовое право, земельное право, кооперативное строительство, спецкурс местного управления, основы регулирования народного хозяйства, финансово-налоговое законодательство, техника и научная организация управления, спецсеминар по экономической политике [10, л. 116]. Упор, как видим, в процессе подготовки вполне оправданно делался на изучение правовых дисциплин, а также цикла дисциплин по советскому строительству. В 1931 г. из факультета советского строительства и факультета хозяйства и права (на базе Московского, Ленинградского, Саратовского, Иркутского и Казанского университетов) были выделены самостоятельные институты – права и советского строительства, последний передавался в введение ВЦИК, при непосредственном руководстве на местах со стороны краевых, областных, республиканских исполкомах [22].

При президиуме ВЦИК был организован отдел кадров, который осуществлял руководство переподготовкой, подготовкой, последующим учетом и распределением работников советов и исполкомов. К началу 1931/32 учебного года при институтах организовывались рабочие факультеты, а сами институты в отношении финансирования и материального обеспечения приравнивались к коммунистическим университетам с 1932 г.

В результате к 1933/34 г. в систему советских органов власти края должны были прийти первые 400 выпускников из вновь образованных в 1931 г. вузов Нижне-Волжского края – Саратовского института советского строительства, планового института и института советского права, среди которых были будущие национальные кадры управленцев. Также в дополнение к вышеперечисленным учебным заведениям подготовку для советских органов власти осуществляли Высшие центральные курсы при ВЦИКе с годичным сроком обучения (набор 1931 г. – 300 чел.), а также юридические курсы на 100 чел. при Нижне-Волжском краевом суде [6, л. 51 об.].

В 1932 г. планировалось подготовить 60 представителей национальных кадров для поступления в вузы края, из них 30 чел. для поступления на рабфак и 30 для поступления в институт советского строительства в Саратове. Подготовка должна была проводиться в течение 3 месяцев в Саратовском институте советского строительства. С этой целью из госбюджета выделялось 27 тыс. рублей [23, л. 2–2 об.].



Несмотря на все возрастающее значение подготовки национальных кадров через систему высших и среднеспециальных учебных заведений, доля студентов, представлявших национальные группы, к общему объему обучающихся оставалась достаточно невысокой, стабильным оставался и процент отсева студентов-нацмен. Так, на 1 октября 1932 г. в четырех вузах краевого отдела народного образования (край-оно) из 1283 студентов обучалось студентов-нацмен 258 (20%), в вузах краевого отдела здравоохранения (крайздрава) из 1211 студентов – 149 (16%), в трех техникумах из 1169 студентов – 119 студентов-нацмен (10%). В среднеспециальных учебных заведениях доля обучающихся националов достигала 26% [23, л. 10–10 об., 13]. Удельный вес националов в составе студентов вузов и техникумов Нижне-Волжского края в 1930/31 учебном году составлял: в технических вузах из 618 студентов – украинцев – 4,2%, немцев – 2,4%, татар – 1,3%, казахов – 1%, мордвинов – 0,8%, калмыков – 0,5%. По педагогическим вузам из общего количества студентов: немцев – 12,3%, мордвинов – 5,3%, калмыков – 3,9%, украинцев – 3,3%, татар – 1,3%, казахов – 0,1%; в педагогических техникумах края: немцев – 16,6%, татар – 10%, казахов – 4,8%, украинцев – 3,9%, мордвинов – 0,1% [23, л. 41, 42].

На 1 января 1933 г. в вузах и втузах Нижне-Волжского края обучалось студентов и аспирантов – националов: украинцев 533 (3,7% от контингента обучающихся), немцев 850 (5,9%), татар 231 (1,6%), мордвинов 101 (0,7%), казахов 43 (0,3%), калмыков 115 (0,8%) [13, с. 411].

Низкий уровень начальной подготовки студентов в условиях, когда размер стипендии напрямую зависел от успеваемости и варьировался от 35 до 150 руб. в месяц, предоставление общежития на общих основаниях обуславливали тяжелое материальное положение большинства студентов-националов, что зачастую приводило к систематическому отсеву (например, в саратовском педрабфаке из поступивших 239 студентов было отчислено 95, или 41%, более высокий отсев студентов отмечался по медицинским и техническим институтам) [23, л. 10–10 об., 13].

Низкий уровень подготовки и высокие критерии отбора для поступающих в центральные вузы страны становились зачастую непреодолимым препятствием для национальных кадров. Так, в 1929 г. по разверстке ВЦИК для отправки в Институт Красной профессуры на отделение права и государства из 80 мест Нижне-Волжскому краю было выделено 4 места (в том числе одно место для советского служащего из Калмыцкой автономной области). Соискатели должны были обладать не менее чем 8-летним партстажем, минимум 5-летним опытом руководящей работы в советских учреждениях, отвечать требованиям пролетарско-крестьянского происхождения. При

этом среди претендентов должно было быть не менее 20% женщин и представителей национальных меньшинств [19, л. 45].

В результате претендентов для прохождения обучения в Институте Красной профессуры, соответствующих заявленным требованиям, не оказалось [23, л. 17, 18, 22, 25]. Такой же проблемой для Нижне-Волжского краевого исполнительного комитета стал поиск кандидатов для поступления на отделение советского строительства МГУ [19, л. 68].

Решить проблему дефицита кадров пытались отчасти путем внедрения практики прикрепления студентов и стажеров по предприятиям края, а также с помощью контрактации студентов. С этой целью по крайевым, областным и республиканским учреждениям устанавливалось количество стажеров и практикантов, прикрепленных к отдельным учреждениям с финансированием из местного бюджета. Так, для Нижне-Волжского края количество стажеров по учреждениям устанавливалось в размере 1% от общего количества работников управленческого аппарата (за исключением РИКов и практикантов, которых принимали в количестве 2% к общему контингенту работников). Ставка стажера составляла 45 руб. в месяц, практиканта – 35 руб. сроком на 4 месяца [1, л. 1, 5]. На законодательном уровне процент мест для стажировки по каждой отрасли прописывался отдельно народным комиссариатом труда. В результате в условиях дефицита специалистов при одновременном дефиците бюджета в советских органах власти организации, которые могли предложить большую оплату стажерам и практикантам (преимущественно хозяйственные, кооперативные), оказывались в выигрыше.

В конце 1920 – начале 1930-х гг. получает распространение практика контрактации студенчества, одновременно разрешавшая проблемы дефицита квалифицированных кадров и материального стимулирования студенчества. За время учебы студент подписывал договор о контрактации с исполкомом, от которого и получал денежное содержание. По окончании обучения он обязывался работать в учреждении, определенном исполкомом в течение периода, указанного в данном договоре [19, л. 135]. К контрактации студенчества в большей мере прибегали хозяйственные организации, располагавшие большими финансовыми возможностями «забронировать» студента уже в процессе учебы на I–II курсах, оказывая ему существенную материальную поддержку (стипендия могла достигать 150 руб. в месяц), а зачастую просто «скупая» всех выпускников для своей организации.

Несмотря на определенные усилия в деле подготовки национальных кадров в системе высшего и среднего профессионального образования, по данным отдела подготовки нацкадров



Нижне-Волжского крайисполкома основным источником подготовки национальных кадров являлась курсовая сеть. В 1930 г. проводились курсы районного актива и земработников края, где представителям нацменгрупп было выделено 21 место (12 немцам и 9 калмыкам) [19, л. 106]. В 1930/31 учебном году в Астрахани на межрайонных курсах были организованы татарское, казахское, калмыцкое отделения (в Камышине – украинская группа), в АССР НП проводились курсы, где проходили обучение 535 чел. для советских органов власти [6, л. 43–43 об.]. В 1931 г. из запланированных 271 курсанта-национала прошли обучение 180 чел. на сумму 83900 руб., в автономиях Нижне-Волжского края 340 председателей и секретарей сельсоветов националов прошли переподготовку (100 представителей калмыцкой национальности) [24, л. 107].

В 1932 г. планировалось подготовить и переподготовить по Нижне-Волжскому краю 3 955 чел в системе советских органов власти а по краевым ведомствам – 5 230 чел. [23, л. 9]. Не менее 25% от всего контингента на краевых и межрайонных курсах (450 чел.) должны были составлять кадры националов: украинцев – 180, немцев – 60, казахов – 50, татар – 40, мордвин – 70, калмыков – 50 чел. (без Калмообласти). На курсах и семинарах при горсоветах должны были пройти подготовку не менее 300 (15%) нацменов, по краевым ведомствам из 5 230 чел. не менее 800 чел., из общего количества соцсовместителей и городского советского актива – 15% или 300 чел. [23, л. 9]. Так, только в 1932 г. для советских органов власти Нижне-Волжского края было подготовлено финансовых работников-националов 35 чел. [23, л. 38]. В финансовом техникуме специальных нацменгрупп не создавалось.

Между тем серьезной проблемой для краевого исполкома, для республиканских и областных органов власти становился отбор претендентов для отправки на высшие курсы ВЦИК. Так, для поступления на центральные курсы советского строительства при ВЦИК на 1930/31 учебный год слушатели должны были иметь за плечами 5-летний партстаж, 3 года ответственной советской или партийной работы, а также подготовку в объеме совпартшколы II ступени. Требования могли быть снижены для выдвиженцев, служащих центральных органов власти автономных республик, краевых, областных или наиболее крупных окружных исполкомов и крупных горсоветов (желательно женщин и представителей нацменьшинств). Обучение велось на русском языке. За время учебы за командированными сохранялась заработная плата по месту работы в размере 50% (для семейных – 100%), питание, учебные пособия и общежитие компенсировались организующей обучение стороной, проездные до Москвы и суточные – за счет командировочной стороны. Из 18 мест, выделенных

на Нижне-Волжский край, 3 места предоставлялись националам [19, л. 74, 75, 88].

Наиболее оптимальным вариантом подготовки советских служащих без отрыва от производства представлялась система заочного обучения кадров советских служащих. Курсанты, окончившие заочные учебные заведения и выдержавшие испытания в квалификационных комиссиях при соответствующих учебных заведениях, приравнивались к лицам, окончившим соответствующие стационарные учебные заведения. Учебные курсы там, где это было целесообразно и возможно, должны были быть организованы на национальных языках.

Так, в рамках идеи организованного в 1928 г. первого рабоче-крестьянского радиоуниверситета, в 1931 г. решением ВЦИК и СНК РСФСР был организован факультет советского строительства при рабоче-крестьянском университете по радио. Подготовка и переподготовка кадров советского строительства на местах по факультету советского строительства института заочного образования по радио предусматривала учебную работу в трех форматах: слушание радиолекций, проработку учебного материала, руководство работой слушателя со стороны института и местных органов советской власти (консультанты из числа партийных членов РИКов, горсоветов, кабинетов совстроительства и совпартшкол) [25, л. 9, 11, 16]. ЦИК АССР, краевые исполкомы и облисполкомы входили в соглашение с местными радиоцентрами по вопросам организации трансляций микрофонного лекционного материала по своим трансляционным узлам. В тех пунктах, где трансляция из Москвы была невозможна, передачи радиозанятий должны были организовываться через филиалы института при местных радиоцентрах. Радиолекции должны были транслироваться через самую мощную в СССР Ногинскую радиостанцию. С этой целью необходимо было бронировать время на местных радиостанциях для просвещения национальных кадров, в отдельных случаях рассматривалась трансляция на национальных языках.

Между тем после неудачной попытки организовать на краевом уровне заочное обучение в форме только радиообучения в 1930 г. (из запланированных 8 тыс. курсантов прошли обучение менее 100 чел.) в 1931 г радиолекции были включены в систему обучения как вспомогательное средство на заочных курсах советского строительства ВЦИК [6, л. 50, 51]. Подготовка осуществлялась на двух отделениях – первом по подготовке и переподготовке работников и актива горсоветов и сельсоветов (принимались слушатели, достигшие 16 лет и умеющие читать и писать) со сроком обучения 1 год и вторым отделении для подготовки и переподготовки работников РИКов, кангисполкомов (принимались ответственные работники, достигшие 18 лет



и имеющие подготовку в объеме средней школы) со сроком обучения 2 года [25, л. 99–108].

Основной упор в процессе подготовки курсантов делали на повышение «общественно-политической и практической квалификации советских служащих» – наряду с азами советской работы, вводились дисциплины обществоведческого цикла – политэкономия, экономическая политика, история партии, ленинизм [25, л. 2–5]. Курсантам для самостоятельного изучения предлагался список ключевых работ по теории и истории партии, советскому строительству, проблемам коллективизации, индустриализации, культурной революции, по материалам изучения которой следовало выполнить ряд контрольных работ, которые отправлялись экспертам-консультантам на проверку. Успешно сдавшие контрольные испытания (сдача контрольных работ, участие в итоговой конференции) получали удостоверение об окончании. Окончившие отделение по подготовке и переподготовке работников сельских и городских советов приравнивались к выпускникам совпартшколы, окончившие отделение по подготовке и переподготовке работников исполкомов – к выпускникам институтов советского строительства.

Таким образом, на первом этапе социалистической реконструкции масштабная кампания по подготовке и переподготовке кадров, организации учета кадрового резерва рассматривалась в качестве одной из приоритетных задач, успешная реализация которой напрямую определяла ускоренное решение важнейших мероприятий в хозяйственно-экономической, политической и социальной сферах в стране. Активизация усилий в деле подготовки национальных кадров определялась среди прочего задачами проводившейся с начала 1920-х гг. политики коренизации, призванной продемонстрировать реальное участие национальных кадров в деле строительства социализма в СССР. Создание Нижне-Волжского края в 1928 г. как самостоятельной административно-экономической единицы, необходимость насыщения новых округов, районов кадровым резервом, высокий уровень ротации кадров по причине системных «чисток» конца 1920-х гг., регулярных вертикальных и горизонтальных «перебросок» подвели руководство к необходимости введения плановых начал по учету кадров, точного определения «узких мест» в процессе подготовки и переподготовки кадров, планировании и проведении мероприятий в этой сфере.

Между тем масштабность заявленных задач выявила ряд трудностей объективного и субъективного характера. Так, в 1930 г. из 152 инструкторов советских органов власти Нижне-Волжского края 65 сотрудников имели низшее образование, 81 – среднее и 6 – высшее, из них в АССР НП 11 инструкторов имели среднее образование, 20 – низшее, специальное образование

(со сроком обучения до 1 года) имели 20 сотрудников, более одного года – 2 сотрудника, 9 служащих работали, не имея специального образования, в Калмыцкой автономной области 3 инструктора имели среднее образование, 1 – низшее, 3 – прошли курсовую подготовку до 1 года. Во второй половине 1931 г. из 1471 председателей сельсоветов края 95% имели низшее образование (1436), 2% – среднее, ни один председатель сельсовета не имел высшего образования. Из общей численности председателей сельсоветов 84% сменилось за 6 месяцев. Вне АССР НП, Калмоласти, национальных районах края национальные меньшинства практически не были представлены в местных органах власти (в правлениях сельсоветов края насчитывалось: 1% немцев, 7% украинцев, 0,06% калмыков, 5% иных национальностей, из которых 17% прошли курсовую подготовку и переподготовку) [24, л. 124]. Более того, в 1931 г. в целях коренизации аппарата Немреспублики по территории края в распоряжение Немобкома откомандировывались из разных районов немецкие кадры, а также служащие, владеющие немецким языком [26, л. 59–63 об].

Таким образом, несмотря на создававшиеся национальные подготовительные отделения в системе вузовского образования (рабфаки), достаточно широкую сеть вузов (включая коммунистические вузы – комвузы и их национальные отделения в крае), советские партийные школы, большую роль в процессе подготовки национальных кадров сыграли получившие большое распространение в системе подготовки и переподготовки кадров советских служащих курсы разного уровня – межрайонные, городские, краевые, центральные (организованные под контролем ВЦИК). Определенную роль в русле массовой подготовки кадров сыграла система заочного обучения, начавшая широко внедряться в процесс подготовки и переподготовки кадров в стране и крае в конце 1920 – начале 1930-х гг.

Между тем попытка государственной власти (постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 марта 1930 г. «Об установлении единой системы подготовки и переподготовки работников по советскому строительству») [19, л. 102–103 об.] унифицировать и адаптировать систему подготовки советских кадров к ускоренному наращиванию темпов подготовки советских и партийных национальных кадров, очевидно, привести не могла. Большая часть необходимой нормативной базы в системе советского строительства представляла собой объемный разрозненный, некодифицированный материал административного права, из-за отсутствия достаточного количества национальных педагогических кадров обучение в большинстве случаев велось на русском языке, что, наряду с жесткими стартовыми условиями отбора претендентов (стаж советской и общественной



работы, пролетарско-крестьянское происхождение, партстаж), ставили зачисление, обучение и успешное окончание курсов на данном этапе (не говоря уже о получении вузовского образования) в разряд трудноразрешимых задач для представителей национальных меньшинств.

Список литературы

1. Булюлина Е. В. Соцсовместительство: советский театр абсурда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. С. 21–30. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.2>
2. Герман А. А. Партийно-советская номенклатура Республики немцев Поволжья // Новый исторический вестник. 2021. № 1 (67). С. 39–51.
3. Гимпельсон З. Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления. 1917–1930. М. : Институт российской истории РАН, 2003. 224 с.
4. Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.
5. Постановление ВЦИК РСФСР от 23 июля 1928 г. «О составе округов, районов и их центрах по Нижне-Волжскому краю» // Собрание узаконений (СУ) РСФСР. 1928. № 96. Отд. I. Ст. 618.
6. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 313. Оп. 1 (Нижне-Волжский краевой совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполком). Д. 1568.
7. ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1543.
8. Постановление СНК СССР от 21 сентября 1926 г. «О трудовых списках» // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1926. № 77. Ст. 627.
9. Постановление ВЦИК РСФСР от 20 марта 1932 г. «Об утверждении положения о отделах национальных меньшинств при президиумах краевых и област-

- ных исполкомов» // Конституции и конституционные акты РСФСР. 1917–1937 : сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. М. : Издательство «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. С. 237–238.
10. ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1522.
11. ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1232.
12. Ковалевский А. Грамотность Нижневолжского края на рубеже второй пятилетки (итоги переписи 1932 г.). Саратов : ОГИЗ, 1933. 84 с.
13. Статистический справочник Нижней Волги. 1929–1933. Сталинград : Издание журнала «Нижнее Поволжье», 1934. 459 с.
14. Постановление СНК РСФСР от 18 июня 1926 г. «О просветительной работе среди национальных меньшинств» // СУ РСФСР. 1926. № 37. Ст. 194.
15. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 10487 (Старополтавский кантонный комитет ВКП (б) АССР НП). Оп. 1. Д. 126.
16. ЦДНИВО. Ф. 76 (Нижне-Волжский краевой комитет ВКП (б)). Оп. 2. Д. 22.
17. ЦДНИВО. Ф. 10487. Оп. 1. Д. 146.
18. Совпартшколы и комвузы / под ред. А. Ф. Рындыча. М. ; Л. : Госиздательство, 1926. 239 с.
19. ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1544.
20. ЦДНИВО. Ф. 71 (Волгоградский городской комитет партии). Оп. 1. Д. 57.
21. ЦДНИВО. Ф. 10487. Оп. 1. Д. 149.
22. Постановление ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства» // СУ РСФСР. 1931. № 29. Ст. 261.
23. ГАВО. Ф. 313. Оп. 4. Д. 25.
24. ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1605.
25. ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1592.
26. ЦДНИВО. Ф. 76 (Нижне-Волжский краевой комитет ВКП (б)). Оп. 1. Д. 164.

Поступила в редакцию 07.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 07.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 10.02.2024



ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2024.
Том 24, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

